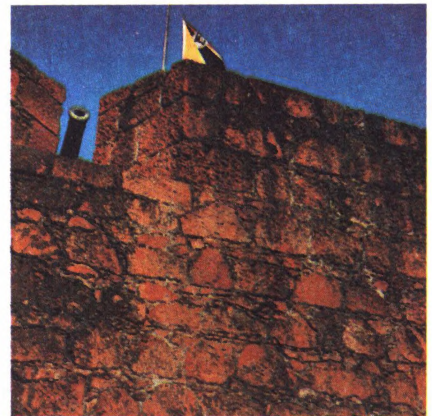
СЕРГЕЙ КУЛИК

Мозамбикские сафари

Москва «Мысль» 1986

ББК 26.89(6Мо)
К 90

Редакции
географической
литературы

Рецензент — доктор
исторических наук
А. Б. Давидсон

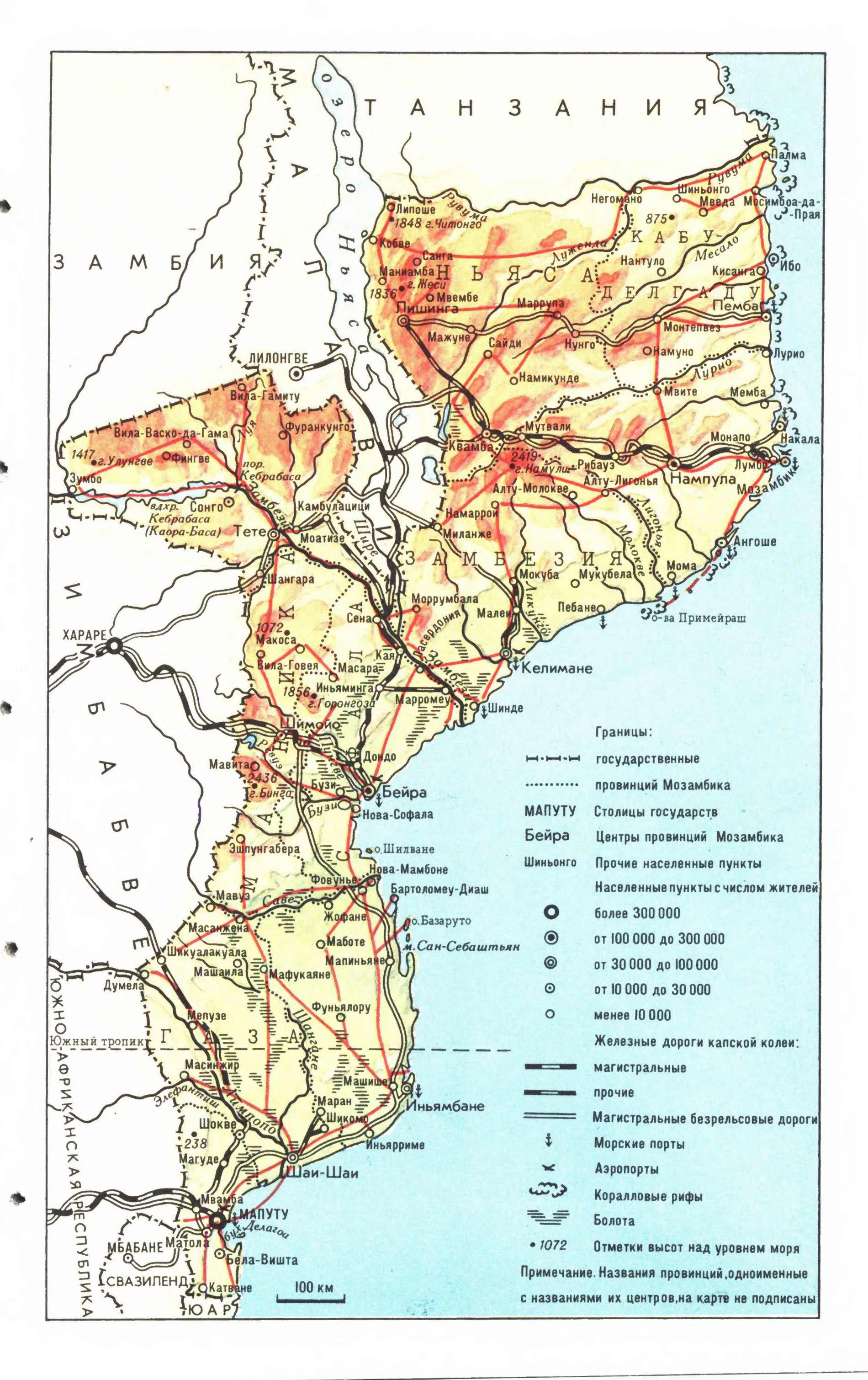
Фотографии
сделаны автором

Мозамбик.
На карте красными линиями показаны сафари автора ►

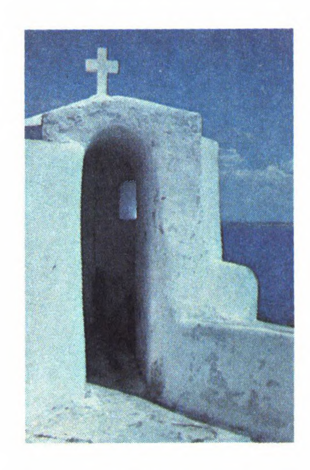
У берегов Мозамбика

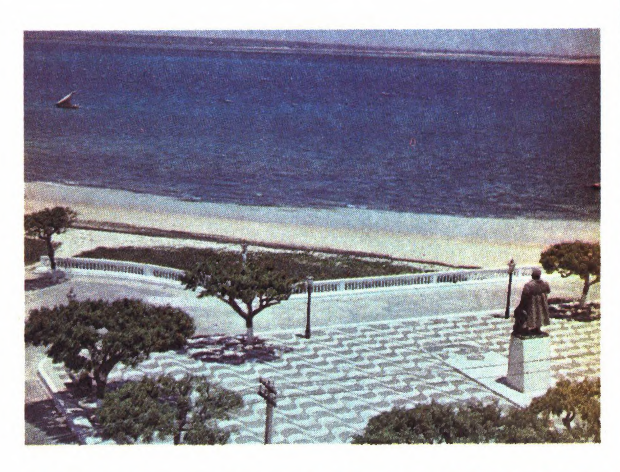

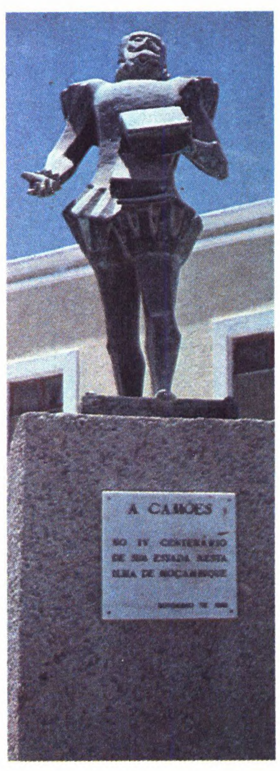
К $\frac{0508000000\text{-}047}{004(01)\text{-}86}$ 152-86

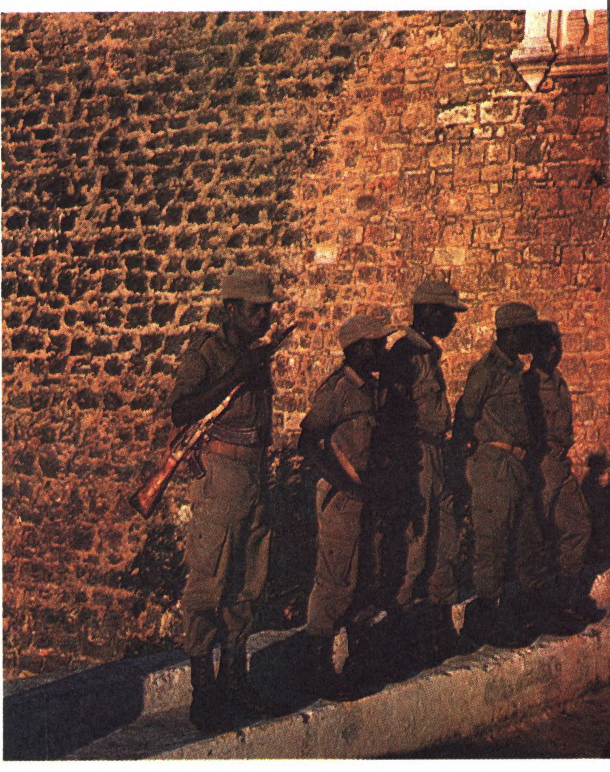

ТАНЗАНИЯ
ЗАМБИЯ
МАЛАВИ
ЗИМБАБВЕ
ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
СВАЗИЛЕНД
ЮАР
озеро Ньяса
НЬЯСА
КАБУ-ДЕЛГАДУ
ЗАМБЕЗИЯ
ТЕТЕ
МАНИКА
СОФАЛА
ГАЗА
ЛИЛОНГВЕ
ХАРАРЕ
МБАБАНЕ
МАПУТУ
Пишинга
Нампула
Бейра
Келимане
Тете
Шимойо
Иньямбане
Шаи-Шаи
Пемба
Палма
Негомано
Шиньонго
Мведа
Мосимбоа-да-Прая
Ибо
Кисанга
Нантуло
Монтепвез
Намуно
Лурио
Мемба
Мвите
Накала
Монапо
Лумбо
Мозамбик
Ангоше
Липоше
1848 г. Читонго
Кобве
Санга
Маниамба
1836
г. Жеси
Мвембе
Маррупа
Мажуне
Сайди
Нунго
Намикунде
875
Мутвали
Квамба
2419
г. Намули
Рибауэ
Алту-Лигонья
Алту-Молокве
Намаррой
Миланже
Мокуба
Мукубела
Мома
Пебане
о-ва Примейраш
Малеи
Моррумбала
Сена
Кая
Марромеу
Шинде
Вила-Гамиту
Вила-Васко-да-Гама
Фуранкунго
1417
г. Улунгве
Фингве
Зумбо
пор. Кебрабаса
вдхр. Кебрабаса (Каора-Баса)
Сонго
Камбулацици
Моатизе
Шангара
1072
Макоса
Вила-Говея
Масара
Иньяминга
1856
г. Горонгоза
Дондо
Мавита
2436
г. Бинга
Бузи
Нова-Софала
о. Шилване
Эшпунгабера
Нова-Мамбоне
Фовунье
Бартоломеу-Диаш
о. Базаруто
м. Сан-Себаштьян
Мавуэ
Масанжена
Жофане
Маботе
Шикуалакуала
Машаила
Мафукаяне
Мапиньяне
Думела
Фуньялору
Мепузе
Южный тропик
Масинжир
Машише
Маран
Шикомо
Иньярриме
Шокве
238
Магуде
Мвамба
Матола
бух. Делагоа
Бела-Вишта
Катване
Рувума
Луженда
Месало
Лурио
Лигонья
Молокве
Ликунго
Замбези
Шире
Луэ
Пунгве
Бузи
Саве
Шангане
Лимпопо
Элефантиш
Кверидония
100 км
Границы:
государственные
провинций Мозамбика
МАПУТУ Столицы государств
Бейра Центры провинций Мозамбика
Шиньонго Прочие населенные пункты
Населенные пункты с числом жителей
более 300 000
от 100 000 до 300 000
от 30 000 до 100 000
от 10 000 до 30 000
менее 10 000
Железные дороги капской колеи:
магистральные
прочие
Магистральные безрельсовые дороги
Морские порты
Аэропорты
Коралловые рифы
Болота
• 1072 Отметки высот над уровнем моря
Примечание. Названия провинций, одноименные с названиями их центров, на карте не подписаны

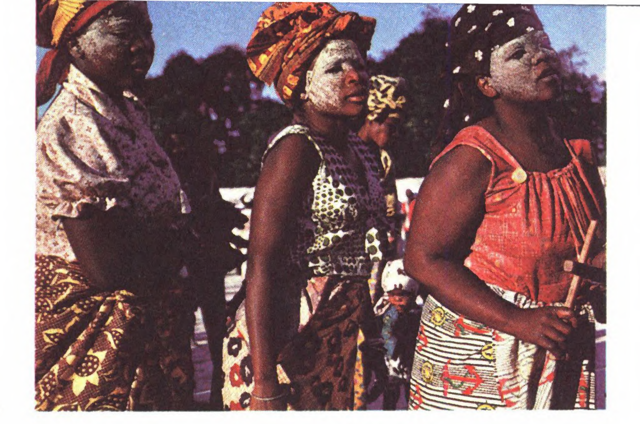

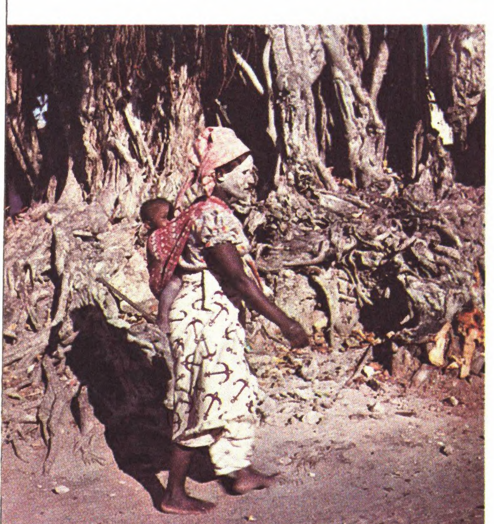

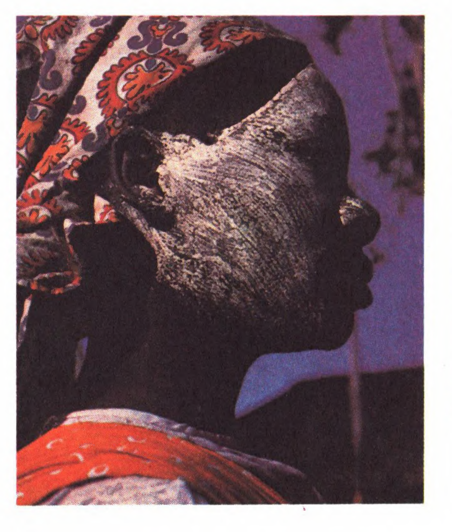
Город-призрак на острове Мозамбик... Теперь и мрачная крепость Сан-Себаштьян, и первая построенная европейцами в южном полушарии каменная церковь, и памятники Васко да Гаме и Камоэнсу перестали быть «святынями» времен португальской конкисты. Хозяевами города-острова стали африканцы

«Косметические маски» женщины-макуа смывают лишь после захода солнца

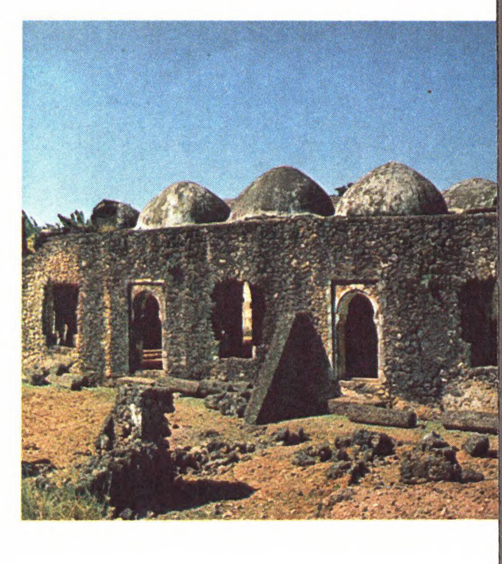

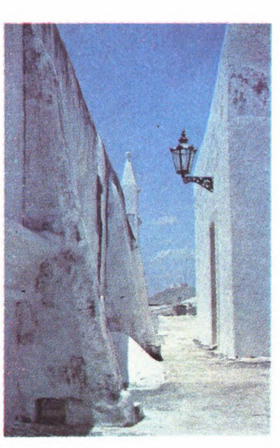

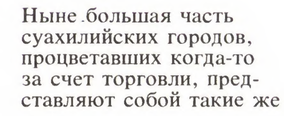

Эти кадры дают представление о том, какими были суахилийские города до того, как португальцы возвели в Момбасе свою главную цитадель — Форт Иисуса. В нишах стены, уцелевшей в городе Ламу, некогда стояли редкостные фарфоровые вазы. Город Геди поражал путешественников изяществом каменных строений. А мечеть в Килве слыла одной из богатейших в «суахилийском мире»

Ныне большая часть суахилийских городов, процветавших когда-то за счет торговли, представляют собой такие же развалины, как и «золотая» Софала.

Музейные кварталы португальского Сидаде-Бранка, которые превратились в главные достопримечательности острова Мозамбик, соседствуют с жилищами африканцев. Днем островитяне строят лодки и рыбачат, а вечером, настроив тамтамы, собираются на танцы

Традиционное занятие прибрежных макуа — морской промысел. В отличие от большинства африканских народов они строят свои хижины из мангровых жердей и обносят их бамбуковым забором. У суахили они унаследовали традицию резьбы по дереву. Резные двери их жилищ порой подлинные произведения искусства

Бейру — столицу Софалы — можно назвать и «столицей акажу». Там, где кончаются выжженные солнцем пустоши, ежегодно затопляемые наводнениями, и начинаются леса, повсюду встречаются огромные деревья анакардиумы. Они дают не только ценный орех, который очищается ручным способом на огромных предприятиях, но и ценную древесину

◄ В республике Зимбабве, неподалеку от мозамбикской границы, сохранился величественный комплекс древних каменных сооружений, возникших в период расцвета королевства Мономотапа. Подобные развалины, хотя и не столь грандиозные, встречаются на всех некогда подвластных Мономотапе территориях, в том числе в мозамбикской провинции Маника

От когда-то могущественного форта Сена сегодня остались лишь одни ворота. Четыре столетия португальского присутствия мало что изменили в облике этого типичного африканского селения.

Зато за годы независимости здесь, а также в соседнем Мутараре появились первые в Народной Республике Мозамбик кооперативы резчиков по дереву

Еще одни ворота еще одной португальской крепости на реке Замбези — Тете. Сегодня этот город известен благодаря расположенной неподалеку от него, в теснине Кебрабасса, самой большой в Африке ГЭС. Мне посчастливилось видеть ее плотину и во время строительства, и после создания водохранилища. Возникшее на огромной африканской реке водохранилище усиленно осваивает водный гиацинт

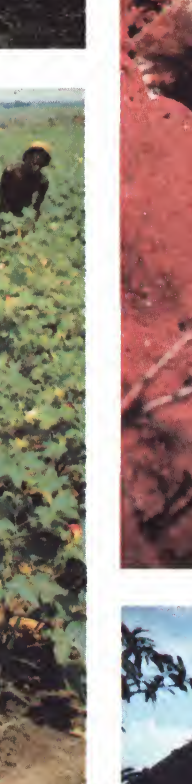

Самый большой в Африке железнодорожный мост тоже расположен на Замбези. По нему вывозят уголь мозамбикской кочегарки Моатизе, одного из крупнейших предприятий государственного сектора Мозамбика. Организация Партии Фрелимо, состоящая из передовых шахтеров, возглавила кампанию по ликвидации неграмотности в этом глубинном районе страны. Скоро и в эту деревню, расположенную в глубинке провинции Тете, придет новая жизнь

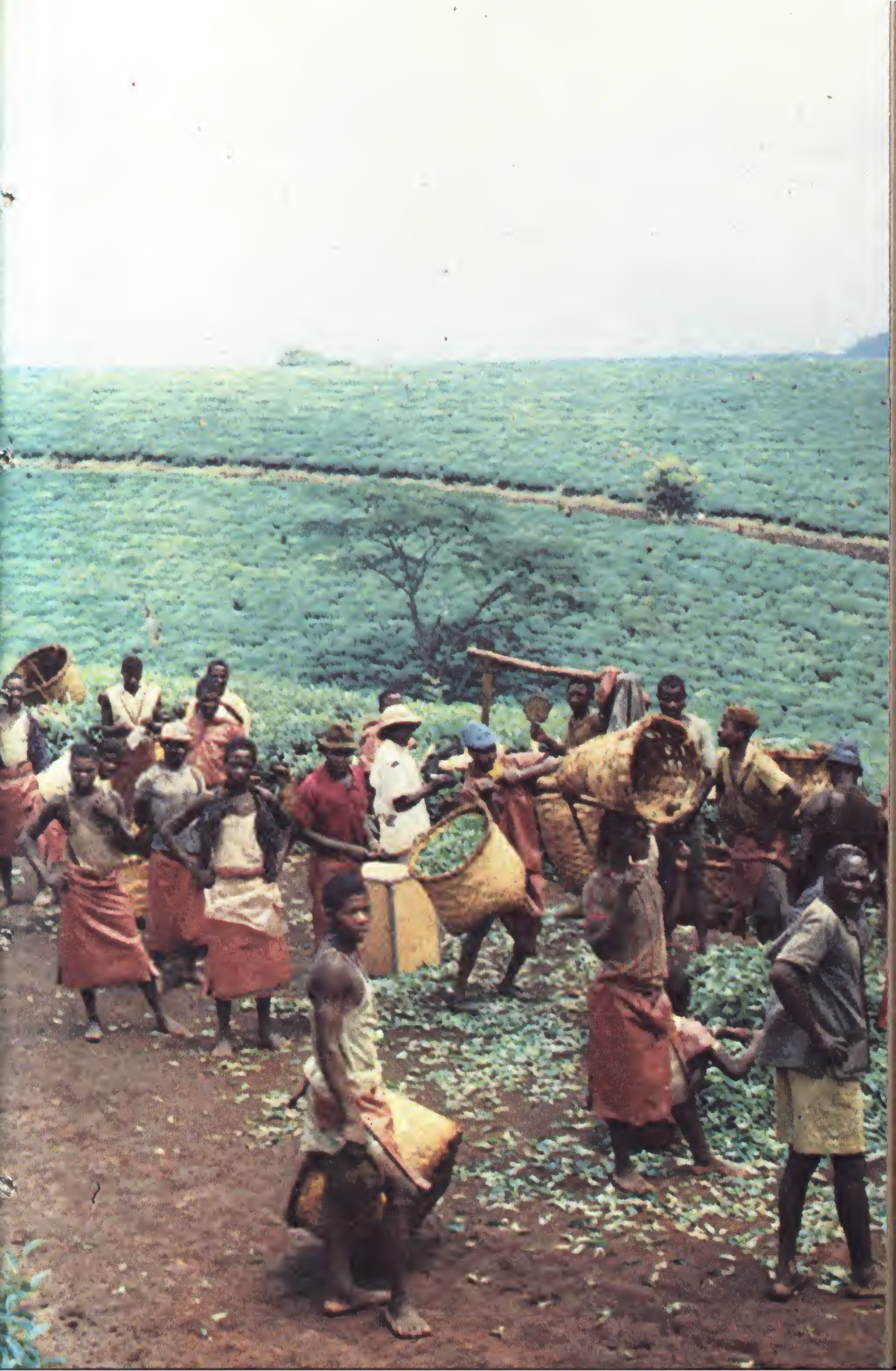

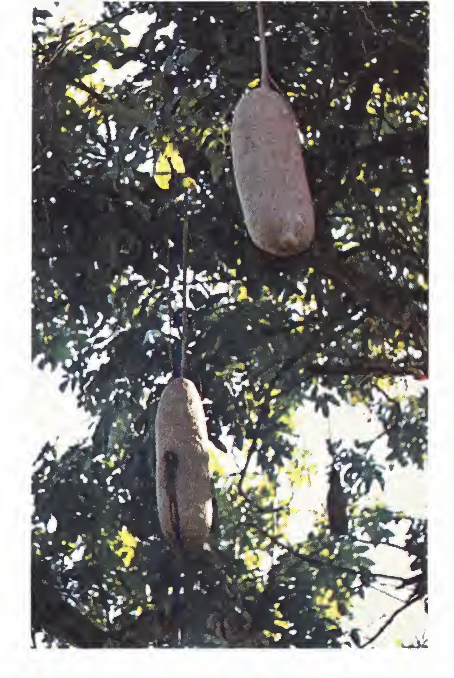

От зеленых склонов холмов Мландже до лакколитов Ломве протянулись самые благодатные районы Мозамбика, край чайных плантаций и тропического огородничества. К северу и востоку от них, на жарких равнинах, начинается царство «трагической культуры» — хлопчатника

Фантастические заросли баобабов на обрывающемся к озеру Ньяса плато сменяются восточнее парковыми лесами, в которых господствуют колбасные деревья. В их тени прячутся сказочной красоты цветы, а на опушках растут акации с «поющими» галлами

В этом краю удивительных растений живут не менее удивительные люди — ангони. Они поклоняются «священным» цветам и птицам, исполняют в их честь танцы и верят, что такой старец, увенчанный «перьями мудрости», может исцелять больных и предсказывать будущее

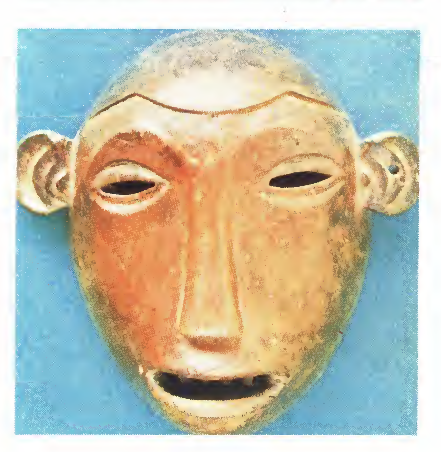

Фотолетопись нашего путешествия на плотах: выступления молодежного агитколлектива и ответные танцы «батуки» лесных жителей. Многие из них отплясывали в масках или украсив свои головы перьями

ESTADO

Мозамбикские сафари

Оглавление

 № 1487

От автора

Подумали ли Вы, принимаясь за чтение этой книги, о том, что кое-что о Мозамбике знали с малых лет? Вспомнили?

И вперед поскакал Айболит,
И одно только слово твердит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»

Не так уж широка, правда, эта мозамбикская река, как писал о ней Корней Иванович Чуковский, и гиппопотамов давно уже здесь нет. Буро-красные ее воды медленно текут между низменными, заболоченными берегами, лишь кое-где поросшими тропической растительностью, а чаще распаханными под крестьянские поля риса и хлопчатника. В общем, никакой уж особенной экзотики. Но почти все советские люди, попадающие в Мозамбик, веруя в запомнившуюся с детства сказку, просят поскорее отвезти их на Лимпопо, надеясь там увидеть все, что делает Африку «ужасной» и «опасной».

И когда мне в 1974 году довелось стать первым аккредитованным в Мозамбике советским корреспондентом, я, конечно, не удержался от сафари к берегам Лимпопо. Это были тревожные и вместе с тем радостные для всей страны времена: после пятивекового господства из Юго-Восточной Африки уходили португальские колонизаторы. Африканцам они оставляли выжженную землю; в долине Лимпопо тоже пылали подожженные ими поля с неубранным урожаем.

После провозглашения Народной Республики Мозамбик в июне 1975 года в этой стране под руководством возглавлявшего национально-освободительную борьбу Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) на моих глазах были осуществлены революционные социально-экономические преобразования. НРМ заняла твердую антиимпериалистическую, антирасистскую позицию. И тогда мировая реакция начала мстить за это молодой республике. Лимпопо, по среднему течению которой проходила граница между ЮАР и находившейся тогда под властью расистов Родезией (ныне Зимбабве), стала одним из главных путей проникновения террористов на мозамбикскую территорию. В долине взлетали в воздух железнодорожные станции и мосты, линии электропередачи, построенные народной властью школы и больницы, лилась кровь фрелимовских активистов и крестьян-кооператоров, всех тех, кто выступал за новый, независимый Мозамбик.

Когда в 1980 году «белая» Родезия стала африканской Зимбабве, по узкой Лимпопо прошла граница между Африкой независимой и Африкой расистской. Оттуда, с расистского Юга, в Мозамбик все активнее засылали диверсантов, шпионов, убийц, контрреволюционных агитаторов. На деньги

расистов ЮАР и поддерживающих их американских спецслужб бандитов обучали «науке» убивать, снабжали новейшим оружием, обеспечивали моральной поддержкой. В результате НРМ, так и не залечив раны колониальных времен, вынуждена вот уже более 10 лет отражать необъявленную войну, которую ведут против нее расисты и неоколонизаторы. Экономическое положение Мозамбика, многие районы которого к тому же поразила невиданная дотоле засуха, стало очень сложным.

Не принес мира и облегчения мозамбикскому народу и так называемый договор о добрососедстве и ненападении, с коварным умыслом навязанный юаровцами своему северному соседу в 1984 году.

По имени реки, на берегу которой состоялась церемония подписания этого документа, он получил в западной печати название «договор Нкомати». Но африканцы метко окрестили его «договором Нгомади» — по прозвищу одного из персонажей местного фольклора, никогда не выполняющего своих обязательств.

Действительно, после встречи на берегу Нкомати террористическая деятельность окопавшихся в ЮАР антимозамбикских банд усилилась.

В середине 1985 года они орудовали в девяти из десяти мозамбикских провинций. Ездить по стране, забираться в ее самые глухие уголки, знакомясь с бытом и традициями малоизвестных народов, как это удавалось мне в конце 70-х годов, стало делом рискованным и небезопасным. Прилетая теперь в Мозамбик, нередко приходится довольствоваться знакомством лишь с его столицей — Мапуту.

Но я уверен: недалеко то время, когда мозамбикский народ очистит свою прекрасную страну от наемных убийц, а благодатные, всеочищающие дожди вновь вспоят ее землю. И тогда мы опять сможем совершить большое мозамбикское сафари от берегов реки Рувума, что образует северную границу НРМ, до красавца Мапуту на крайнем юге...

— О, если бы кто-нибудь — Аллах, Христос, Будда или даже лесной божок — смог удлинить сегодняшний день хоть на три-четыре часа, все могло бы быть так славно! — энергично хлопая себя по колену на очередном дорожном ухабе, восклицает комиссар Жоао.— Приехали бы на остров засветло, в лучах заходящего солнца отправили бы на свалку истории португальский флаг, а утром, в лучах восходящего, подняли бы флаг ФРЕЛИМО. В перерыве же между торжествами занялись бы накопившимися делами.

— Ничего не получится. До моста, что соединяет материк с Илья-де-Мозамбик*, мы доберемся лишь в полночь,—вмешивается Алвиш, наш шофер.— И как раз в это время начнется дождь — так положено по сезону. Раньше утра он здесь не кончается и льет как из ведра. Какое уж там торжество!

Но изменить что-нибудь в нашем расписании этого дня — 21 декабря 1974 года — было нельзя. Возглавляемый комиссаром Жоао передовой отряд освободительных сил ФРЕЛИМО, двигаясь с севера, принимал власть на местах у навсегда уходивших с мозамбикской земли португальских колонизаторов. Где-то за нами двигались колонны фрелимовской регулярной пехоты и отряды партизан, соединения боевой техники, спешили к своим рабочим местам фрелимовские агитаторы и учителя, врачи и агрономы — все те, кому предстояло включиться в процесс создания переходной власти в Мозамбике, перестройки его жизни на новый лад.

Но у Жоао и сопровождающих его иные первоочередные задачи: взять власть у португальцев, реализовать условия о прекращении огня, провести митинги и встречи с заждавшимся своих освободителей населением, разъяснить ему особенности текущего момента.

— Хорош я агитатор! — теперь уже себе под нос вполголоса сетует Жоао.— Собираюсь перед народом распространяться о пользе дисциплины при новой власти, а поднять флаг этой власти сам на полдня запаздываю.

— Но не ты же виноват, что в Нампуле, играя в дисциплинированность, португальцы затянули время, вынудили представителей ФРЕЛИМО пересчитывать каждый патрон в сотнях ящиков, подлежавших передаче,— вступил я в разговор.— И не ты использовал это время, чтобы за несколько минут до нашего отъезда взорвать пять новеньких самолетов, по акту уже ставших собственностью сил освобождения. И не твои же парни устроили погром в африканских кварталах города,

* Илья-де-Мозамбик *(португ.)* — остров Мозамбик.

угрожая расправой каждому, кто придет на ваш митинг.

— Да что и говорить! Нампула была крепким орешком: штаб оперативных войск, действовавших против наших сил, главная военная и военно-воздушная база, средоточие фашиствующих офицеров и наемников. Если в Лиссабоне и Лоренсу-Маркише * сидели «теоретики», то здесь — главные исполнители их дьявольских планов. То, что в Нампуле, хотя и не без осложнений, все обошлось,— это здорово. Но знаешь, почему мне так не терпится попасть на Илья-де-Мозамбик?

— Тяготеет «бремя истории»? — предполагаю я.

— Конечно! О Нампуле как о португальском оплоте на севере Мозамбика заговорили в конце 60-х годов. Возраст Лоренсу-Маркиша как столичного города не перевалил еще за век. А Илья-де-Мозамбик! Ведь почти пятьсот лет этот город-остров был главным военным, политическим и культурным форпостом Лиссабона не только в Мозамбике, но и во всей Восточной Африке, одним из оплотов могущества португальцев в Индийском океане. Туда стекались все золото и слоновая кость, гумми и рог носорога, шкуры леопардов и медь, а затем и рабы, увозимые на Запад и Восток постоянно теснившимися на рейде острова огромными судами. В какой-то книжке я недавно прочитал, что в XVI веке через остров проезжали все, кого влек на Восток соблазн легкой удачи: вице-короли и преступники, поэты и купцы. Островной порт процветал как центр не только местной, но и мировой торговли, из которой португальцы в Индийском океане извлекали больше прибыли, чем из торговли между Востоком и метрополией...

Преодолевая соблазн уснуть, мы сообща припоминаем, что́ в XVI веке контролировали в Восточных морях португальские армады, которые непременно заходили пополнить запасы пресной воды и провианта на Илья-де-Мозамбик. В Африке это все побережье нынешних Мозамбика, Танзании, Кении и Сомали, на Ближнем Востоке — Ормуз и Сокотра, в Индии — Каликут, Канпур, Гоа, Диу, в Юго-Восточной Азии — Малакка, Молуккские острова и...

— Пальцев не хватит,— обрывает нас Алвиш.— Взгляните-ка лучше направо. И охота была ради такой глупости взбираться на этакую верхотуру!

Среди однообразной, идеально гладкой равнины, занятой здесь, как и повсюду в округе, плантациями хлопчатника, свет фар вырывает холм с почти отвесной блестящей стеной. За первым холмом возникает второй, третий. Это знаменитые лакколиты Нампулы, возвышающиеся над обращенной к океану Мозамбикской низменностью. В былые времена у их под-

* Так в колониальные времена называлась столица Мозамбика Мапуту.

ножия обычно любили фотографироваться туристы, на них тренировались скалолазы. Но на сей раз древние лакколиты использовали для грязных конъюнктурных целей. На вершине одной из скал белой фосфоресцирующей краской была намалевана нецензурная антипатриотическая брань, на другой — призыв к объединению Мозамбика с расистской ЮАР, на третьей — лозунг: «ФРЕЛИМО нет места на острове!»

Мощный взрыв прерывает наше путешествие. Машину бросает влево, разворачивает, клубы пыли заволакивают лунное небо.Рядом доносится второй взрыв, третий... Вдоль дороги, справа и сзади от нас, начинают строчить автоматы. Комиссар со своими помощниками выясняет обстановку, солдаты ставят наш перевернувшийся «лендровер» на колеса и выталкивают его на дорогу.

— Судя по тому, как все бездарно подстроено, это дело рук местных правых,— резюмирует происшедшее Жоао.— Хотели подорвать на мосту нас, но ошибочно направили взрыв на лежавшую у обочины огромную глыбу ракушечника. Нас отбросило взрывной волной в песок, а осколки глыбы привели в действие еще два взрывных устройства, уничтожившие мост. Реку — а это Манапо — переедем вброд. Беда лишь в том, что у нас пропал еще целый час.

Сразу за широкой речной долиной кончилось однообразие хлопковых полей, и за окном машины замелькали черные силуэты кокосовых пальм. Чаще стали попадаться жилища. Многие из них иллюминированы разноцветными электрическими лампочками, кое-где у входа в хижины можно разглядеть портреты фрелимовских лидеров.

Я бросаю взгляд в окно и чуть не вскрикиваю от удивления. Прямо по дороге на нас движется... форменное привидение: черный балахон, над которым выделяется лишенный всякого выражения неестественно белый блин лица. Привидение исчезает в темноте, но автомобильные фары высвечивают на дороге другие странные фигуры в белых масках.

— А, значит, девушки нас еще ждут,— тоном, в котором звучит явное удовлетворение, говорит Алвиш.

— Девушки? — удивляюсь я.— Я было подумал, что это представители местной контры, решившие отпугнуть людей от праздника.

Алвиш закатывается таким смехом, что вынужден притормозить машину. На заднем сиденье ему вторит Жоао.

— Зачем они делают себе такие страшные физиономии? — спрашиваю я.

— Для красоты, исключительно для красоты,— смеется Жоао.— Дело в том, что женщины макуа давным-давно отдают дань косметике. Таким образом они пытаются предостеречь нежную кожу лица от жестокого здешнего солнца, которое жжет не только сверху, но и снизу, отражаясь от белоснежного кораллового песка, и от зеркальной глади океана.

Без всякого влияния Диора еще задолго до появления здесь португальцев островные макуа додумались приготовлять из молокоподобного сока встречающегося в мангровых лесах растения нсиро крем для лица. Высыхая на черной коже и стягивая ее, он превращается в непроницаемую для лучей белую маску. Ее наносят с самого утра и смывают перед заходом солнца, так что целый день девушка, желающая приглянуться вечером парню, ходит по острову в довольно непривлекательном виде. Но с этим все так свыклись, что показаться днем на улице без маски считается почти что неприличным...

— Время, однако, уже давно помыться и предстать перед гостями во всей своей красе.

— А, это уж маленькая хитрость. Девушки наши, фрелимовские. Был уговор: если они встречают нас «несмытые», значит, на острове все спокойно и мы можем ехать дальше. Если бы они открыли свои прекрасные лица, то это означало бы, что нам угрожает опасность.

Хотя стрелка часов приближалась к десяти, народу вдоль дороги становилось все больше и больше. Группами или в одиночку люди двигались по направлению к океану — туда, где над причудливой резной шапкой кокосовых рощ вставало розоватое зарево. Повстречавшись с нашей машиной, люди, приветливо улыбаясь, бросали под колеса ветки фиолетовых бугенвиллей и огненно-красных сикомор.

Резкий поворот шоссе — и перед нами в отсвете тысяч разложенных вдоль берега костров предстал остров Мозамбик.

На посеребренной лунным светом глади Индийского океана остров казался сверкающим мириадами граней драгоценным камнем на серебряном подносе.

Завороженные этим зрелищем, мы притормозили. И почти тут же, очевидно отреагировав на появление передовой колонны ФРЕЛИМО, у переезда включились прожектора португальских военных объектов острова, высветив в ночи строгие очертания средневекового арсенала, зубчатые стены форта, брустверы укреплений, уходящих далеко в загадочный океан...

Длинный, почти трехкилометровый, но узенький, не дающий разъехаться двум легковым автомобилям мост, соединяющий материк с Илья-де-Мозамбик, не мог вместить и сотой доли людей, съехавшихся сюда со всей округи по случаю прибытия ФРЕЛИМО. Основная масса встречавших разместилась в лодках. Не знаю, сколько уж их скопилось у моста в эту ночь, но, думаю, никогда еще мозамбикские воды, посещавшиеся мощными армадами галер, каравелл и фрегатов, не видели такого количества пирог, фелюг и доу. В каждой из них — свой оркестр и свои танцовщики, которые, размахивая факелами и не обращая никакого внимания на все усиливающийся прибой, выделывали в своих перебрасываемых с волны на волну суденышках хитрые антраша.

У выезда с моста на остров — облаченные в соответствую-

щие торжественному моменту одеяния португальские чины: губернатор острова в черном фраке, цилиндре и с тростью, окруженный свитой чиновников в черном; генерал — командующий фортом — при сабле, в кителе с золочеными эполетами и в огромной шляпе-треуголке и адмирал — командующий портом — в белой, обильно украшенной серебром форме и с таким количеством орденов на груди и оружия на поясе, что двигаться ему, на мой взгляд, было крайне трудно. После обмена рукопожатиями и приветствий португальцы предлагают представителям ФРЕЛИМО пересесть в открытые автомашины и проследовать в губернаторский дворец. Там при закрытых дверях будет обсуждаться механизм переходного «разделения власти» на острове между колониальной администрацией и освободительными силами, согласовываться детали дальнейших сегодняшних торжеств.

Из беломраморного губернаторского кабинета Жоао выходит довольный.

— Обо всем договорился в лучшем виде,— доверительно шепчет он мне.— Португальцы приспустят свой флаг за пять минут до полуночи, а в полночь будет поднят флаг ФРЕЛИМО. Главная церемония состоится на парадной площади у дворца. А затем части освободительной армии войдут в форт.

Мрачные тайны форта Сан-Себаштьян

...И вот я смотрю на флаг, высвечиваемый прожекторами на звездном бархате африканской ночи, и думаю о том, что хотя провозглашение независимого Мозамбика еще впереди и флаг республики взовьется в небо Лоренсу-Маркиша лишь спустя шесть месяцев, 25 июня 1975 года, первую черту под почти пятисотлетним правлением Лиссабона в Восточной Африке правомочно провести именно здесь, на острове Мозамбик, на протяжении веков бывшем символом этого правления.

Португальцы кичились (хотя кичиться-то было нечем!), что на Мозамбике ими многое было сделано «впервые». Именно против жителей этого островка впервые в истории Восточной Африки европейские колонизаторы употребили огнестрельное оружие и тем самым впервые запятнали кровью отношения между Западной Европой и Востоком. Затем Мозамбик стал первым постоянным поселением белого человека к югу от экватора, форпостом, откуда осуществлялось проникновение португальцев как в Африку, так и за океан, в Индию. Именно на этом островке появилось первое каменное здание, сооруженное белым человеком к югу от экватора. Симптоматично, но это — церковь, символизирующая столь характерное для колониальной политики Португалии единство креста и шпаги. Островная цитадель была и первым оплотом порту-

гальцев, испытавших на себе всю силу национально-освободительного сопротивления африканцев. Так не признак ли исторической справедливости предоставить многострадальному островку счастье первому в стране встретить новое утро под флагом освободительных сил!

А пока что под этим флагом на главном плацу крепости собирается все двенадцатитысячное население острова и не меньшее количество гостей, прибывших с материка. Все поглядывают на небо: тропическая природа пунктуальна и дождь здесь, можно сказать, «обязан» начаться сразу же после полуночи. Однако пока что стихия щадит людей. Сизочерные тучи уже сплошным валом надвигаются из-за океана, но над нами все еще блещут звезды, а ночное светило бросает на воду лунную дорожку, серебристым мостом соединяющую остров с «Большой землей».

Жоао стучит по микрофону — гомонящая толпа замирает.

— Товарищи, друзья! — начинает он.— Вам отлично известно, с каким страшным пятисотлетним колониальным наследием мы сегодня расстаемся. Вы, жившие здесь, на крохотном Илья-де-Мозамбик, порою знали о зверствах «белых хозяев» нашей страны даже больше, чем жители крупных городов на материке. На крохотном островке не может быть секретов, и по ночам вы конечно же слышали дикие крики подвергавшихся пыткам и призывы о помощи, доносившиеся из-за стен казематов. Древний форт, которым португальцы гордились как первым оплотом белой цивилизации в Африке, был превращен ими в последние годы в главную тюрьму, в лабораторию пыток над патриотами. Лучшие сыны и дочери нашей страны, замученные за этими стенами, сотни патриотов были сброшены с них прямо в океан. Сегодня, принимая власть над крепостью, мы освободили ее последних узников. Вот они:

— Мария Граса да Кошта — двадцатитрехлетняя девушка из Лоренсу-Маркиша, которую три года продержали в одиночном каменном мешке вместе с полчищами клопов, скорпионов и муравьев лишь за то, что она отнесла в столичную тюрьму передачу своей подруге — активистке-подпольщице.

Толпа возмущенно гудит, когда четверо фрелимовцев выносят на носилках Марию и ставят их рядом с Жоао.

— Томаш Нчангу — наш двадцатипятилетний боец. Полтора года палачи ежедневно пытали его, наливая ему в глаза, а вернее, в уже давным-давно пустые глазницы кипящее масло. Так Томаша вынуждали назвать имена его товарищей разведчиков, помогавших нам следить за военными базами в Нампуле.

Поддерживаемый солдатами, Томаш тоже занимает свое место под флагом. Чувствуется, что напряжение среди присутствующих нарастает.

— Альфонсу Чипанда, ему уже перевалило за восьмой десяток, причем последний он провел здесь, по соседству с

вами. Вы, наверное, знаете, что ближайшие соседи макуа на материке — народ маконде. Мзее * Чипанда был уважаемым вождем у маконде. Португальцы потребовали, чтобы он запретил юношам и девушкам подвластных ему сел присоединяться к отрядам освобождения. Большой патриот, Чипанда отказался. И тогда вождя привезли на ваш остров. По отношению к старику применили пытку, цинично называемую колонизаторами «маконде». Почему так? Потому, что у маконде еще не забыт обычай татуировки. Почти ежедневно варвары, что окопались в этой крепости, разрезали старику кожу на спине и груди острой бритвой — «подновляли рисунок», как острил палач,— а затем заливали раны кислотой. Но мзее выстоял. Сегодня он в наших рядах.

Одетый в новую, с иголочки, пригнанную фрелимовскую форму, седой как лунь мзее Альфонсу выходит из каземата и присоединяется к своим коллегам. Отдает честь флагу. Затем, чуть задумавшись, снимает с себя гимнастерку. На теле — алые, едва затянувшиеся раны...

— Мне уже говорил кое-кто сегодня, да и раньше я был наслышан, что вот-де Мария — с юга, мзее — с севера, а что местных, макуа, колониальные власти якобы не обижали и все им прощали,— нагнетая пропагандистский накал, продолжает Жоао.— Тогда пусть хоть кто-нибудь из собравшихся здесь скажет мне, почему вот уже три года нет среди вас Катарины Нганьи? Да-да, той самой «матушки Кати́», которая усыновила семерых детей, чьи родители-рыбаки не вернулись с океана, и которая первая заявила на этом острове: «Наши мужья не будут разгружать в порту оружие, которым убивают наших мальчишек и девчонок». Так где же Катарина Нганья?

Не удовлетворяясь робкими «Ее здесь нет», «Ее увезли на материк», «Мы не знаем», доносящимися с площади, Жоао повторяет свой вопрос, добиваясь, чтобы каждый из присутствующих включился в осознание происходящего на площади.

— Где же Катарина Нганья? — каждый раз все более аффектируя интонации своего раскатистого баса, вопрошает Жоао.

...Я всегда восхищался искусством фрелимовских комиссаров направлять и, я бы сказал, «настраивать» аудиторию, используя при этом не только смысловую, идеологическую нагрузку своего выступления, но и традиционные, чисто африканские приемы овладения аудиторией. Есть в их ораторском искусстве что-то от древних традиций африканских вождей-прорицателей, ясновидцев, чародеев, умевших вводить людей в своего рода транс, психологический шок, использовать,

* Мзее (языки *суахили, экуа*) — обращение к старикам.

импровизируя, совершенно случайные, явно незапрограммированные явления природы.

Вот и сейчас так получилось у Жоао.

— Так где же Катарина Нганья? — на пределе своего могучего баса вопрошает Жоао. И я чувствую, что собравшиеся, утомленные долгими ожиданиями сегодняшних событий, потрясенные встречей с героями и мучениками крепостных застенков, доведены этим раздающимся как бы откуда-то из черноты предгрозового неба вопросом до некоего нервного предела.

К Жоао подходят девушки во фрелимовской форме с алыми подушечками в руках.

— Вот она, Катарина Нганья с острова Мозамбик! — неожиданно провозглашает Жоао. И в тот же момент гигантская молния, прорезав небосклон, ударяет в океан. Минуты две по всему непроницаемо черному горизонту катится грозовой раскат.

— Вот кандалы, в которые были закованы ее руки,— теперь уже тихим, слегка дрожащим от волнения голосом произносит Жоао, указывая на подушечки в руках девушек.— Вот цепи, что оплетали ее ноги. Вот ошейник с иголками, который впивался в ее шею. Те, кто якобы любили макуа и пестовали среди них людей побогаче, бросили нашу Кати в подземный колодец, сообщавшийся с океаном. Морские пиявки сосали ее кровь, а хищные черви терзали ее тело. Несколько костей да тюремный номер 2135/7, под которым была заключена «заговорщица Нганья»,— вот и все, что осталось от нашей Катарины.

Я смотрю на заполненную до отказа людьми, неестественно безмолвствующую площадь. Тишина длится минуту, вторую, третью. Потом ее нарушают первые капли дождя, и вслед за ними над площадью проносится стон. Начинают плакать женщины, плакать так, как это умеют делать лишь африканки,— с криками и завываниями, с катанием по земле и вырыванием волос друг у друга. Навзрыд, не стесняясь слез, плачут мужчины. Ну а уж дети...

Часы на крепостной башне отбивают два часа ночи. Дождь все усиливается, заглушая плач и смывая с лиц островитянок последние следы нсиро. С океана дует резкий, пропитанный соленой водой ветер. Весьма жалко выглядящие в своих маскарадных нарядах португальские чины, о чем-то посовещавшись, шепотом предлагают Жоао перенести продолжение церемонии на утро.

— Нет, я буду говорить сейчас! — рявкает он в микрофон.— Но я буду теперь говорить не о гнусном, кровавом колониальном режиме, последние преступления которого смоет сейчас этот очистительный дождь. Я буду говорить о новом режиме, флаг которого отныне и навечно будет развеваться над мозамбикской землей. Я буду говорить о ФРЕЛИМО!

— Что вы слышали о патриотах и освободителях от тех, кто лил старикам кислоту на раны и скармливал женщин пиявкам? Ложь и только ложь. Правда же о ФРЕЛИМО такова, что это движение объединило тех, кто понял: пора браться за оружие для того, чтобы страшные порядки крепости Мозамбик не распространились на всю нашу огромную страну. Первый вооруженный бой поработителям мы дали на рассвете 25 сентября 1964 года в северной провинции Кабу-Делгаду. А в конце 1965 года в Кабу-Делгаду и Ньясе противник уже начал покидать обширные районы, которые выходили из-под власти колониальной администрации и переходили под наш контроль.

Жоао рассказывает о том, как в освобожденных районах на севере зарождались зачатки новой жизни, о том, как в процессе борьбы и труда там шла борьба за нового человека, как создавались кооперативы, которые занимались выращиванием сельскохозяйственных продуктов, добычей соли, ловлей и засушкой рыбы, изготовлением сельскохозяйственных орудий и домашней утвари, сбором и ремонтом оружия. Комиссар говорит, что даже химическая война и налеты португальской авиации не смогли затормозить экономическое развитие освобожденных районов. Для того чтобы не подвергаться бомбежке, тысячи людей работали на полях ночью. В результате появились излишки продукции, экспорт которой стал источником средств для приобретения многих необходимых в освобожденных районах товаров, а также оружия.

Островная аудитория явно не готова слушать выступление на политические темы, стоя среди ночи под проливным дождем. И Жоао, прекрасно чувствуя это, внезапно обрывает свой рассказ и затягивает песню. Ее подхватывают фрелимовцы. То в одном, то в другом конце плаца глухо начинают отзываться набухшие от дождя барабаны. Проходит несколько минут — и вот уже вся многотысячная аудитория, собравшаяся в форте, поет партийный гимн «Канимамбо, ФРЕЛИМО» («Спасибо, ФРЕЛИМО»). Его сменяет старая, пришедшая из глубины веков песня о легендарном вожде Маурузе, в конце XVI века возглавившем первое восстание макуа против иноземных пришельцев. Потом все пустились танцевать, поднимая столько брызг, что уже было не разобрать, откуда воды больше — с неба или из-под ног.

И снова в микрофоне слышится раскатистый бас Жоао:

— От одного успеха в нашей борьбе мы шли к другому. Была создана система народного просвещения. Многие молодые мозамбикцы были направлены для получения образования в социалистические страны. Поэтому уже сегодня ФРЕЛИМО может с гордостью заявить, что, несмотря на трудности военного времени, несмотря на нужды и лишения, мы за период войны дали образование большему числу соотечественников, чем колонизаторы за 500 лет!

Мы создали также систему массовой медицинской помощи. Сотням тысяч мозамбикцев были сделаны прививки; их обучали навыкам гигиены и здорового питания. Десятки тысяч человек получили медицинскую помощь и были спасены.

Но главными, определяющими чертами освобожденных районов стали ликвидация там системы эксплуатации и угнетения народа и создание новых форм власти, служащих интересам масс. Народ, направляемый армией, сам стал осуществлять руководство экономической, социальной и административной жизнью. Регулярно проводились народные собрания, на которых обсуждались различные вопросы и изыскивались пути их решения в интересах населения. Массы начали опираться на собственные силы, высвобождать свою творческую энергию. Так, в освобожденных районах зародилась народная власть, ставшая средством уничтожения эксплуатации человека человеком.

Ощутив, что аудитория вновь уходит из-под контроля, перестает воспринимать слишком емкие и пока еще абстрактные для ее понимания категории, Жоао предлагает слушателям «игру», давно апробированную фрелимовскими комиссарами в их работе с африканскими массами.

— Абайшу * эксплуататоров! — провозглашает комиссар, правой рукой как бы вминая в землю классового врага.

— Абайшу! — восторженно подхватывает аудитория, жестами энергично «добивая» эксплуататоров.

— Вива свободный труд! — подняв руку в рот-фронтовском приветствии, выкрикивает Жоао.

— Вива! — И лес смуглых кулаков теряется в дождливой темноте.

Такое чередование лозунгов самого различного содержания с попеременным подниманием и опусканием рук длится очень долго, наконец оратор, желая проверить политическую «бдительность» с воодушевлением включившейся в игру аудитории, провозглашает заведомый нонсенс:

— Абайшу алфабетизасао **!

— Абайшу! — ничтоже сумняся, вторят ему собравшиеся, делая соответствующие жесты и с удивлением наблюдая за комиссаром и окружающими его фрелимовцами, стоящими с поднятыми кулаками.

Многие тотчас же исправляют свою ошибку и, поняв что к чему, начинают смеяться. Смех перекатывается по толпе, и вот уже вся площадь, весело обсуждая случившееся, хохочет над проделкой комиссара.

А для комиссара это повод для того, чтобы поговорить о необходимости революционной бдительности в условиях не-

---

* «Абайшу» *(португ.)* — долой.

** «Алфабетизасао» *(португ.)* — термин, употребляемый в Мозамбике для обозначения кампании по ликвидации неграмотности.

зависимого Мозамбика, рассказать о происках салазаровской охранки ПИДЕ и западных спецслужб против национально-освободительных сил, перейти к большой и важной теме о том, что свою борьбу за свободу мозамбикский народ, руководимый ФРЕЛИМО, вел не только против португальского колониал-фашизма, но и против поддерживающих его сил мирового империализма, против США, НАТО, расистской ЮАР.

Кончился дождь, и вскоре на расчищенное свежим ветерком голубое небо выкатило из-за океана ослепительное солнце. Встретив его появление новой песней, Жоао приступил к заключительной части своего выступления:

— О недавних событиях вы уже знаете. 25 апреля 1974 года пал запятнавший себя садистскими преступлениями колониально-фашистский режим Лиссабона. В его падение внесли свой вклад и мы, и борцы за освобождение других колоний, расшатавшие устои португальской империи в Африке. Новое правительство в Лиссабоне было вынуждено установить официальные контакты с ФРЕЛИМО и признать право Мозамбика на полную и окончательную независимость, признать ФРЕЛИМО единственным и законным представителем мозамбикского народа, согласиться передать нам власть. Создано переходное правительство, теперь всего полгода отделяет нас от провозглашения Народной Республики Мозамбик. Отныне под триединым лозунгом ФРЕЛИМО — «Единство, труд, бдительность» — мы здесь, на древнем острове Мозамбик, как и по всей нашей огромной стране, начинаем строить новую, независимую жизнь.

— Вива ФРЕЛИМО! — провозглашает комиссар, и лес смуглых, натруженных рабочих рук поднимается к небу на фоне восходящего солнца.

— Вива мозамбикский народ!

— Независимость или смерть! Мы победим!

Митинг заканчивается, однако островитяне и не думают расходиться по домам. Впереди танцы, а в перерывах между ними — обсуждение услышанного на ночном митинге.

Жоао сходит с трибуны, и только теперь, в свете яркого утра, я вижу, как он измотан, каких интеллектуальных и физических сил стоило ему это восьмичасовое выступление.

— Абайшу усталость! — хлопая меня по плечу, говорит он.— Пора принимать хозяйство, знакомиться с островом.

Город-призрак на острове Мозамбик

Илья-де-Мозамбик — один из сотен коралловых островков, бесконечной цепочкой вытянувшихся вдоль африканского побережья Индийского океана. Есть среди них и довольно крупные, но Мозамбик неправдоподобно мал, особенно относительно той огромной роли, которую он на протяжении почти пяти веков играл в истории восточноафриканского региона. Длина этого кораллового сооружения — три километра, ширина — один километр. Итого три квадратных километра суши, на которой живет 12 тысяч человек. Густота населения — максимальная для Африки, рекорд континента!

Границы выросшего на этом клочке суши одноименного города Мозамбик уже давно слились с границами самого островка. Внутри же этот город-остров четко делится на два района: Сидаде-Прету (Черный город) и Сидаде-Бранка (Белый город).

Когда в «свите» Жоао я впервые попал в Сидаде-Прету, то первое, что бросилось мне в глаза,— это скученность населения. В африканских кварталах острова заселен и обработан буквально каждый квадратный метр. От некогда богатой тропической природы осталось всего лишь два зеленых пятнышка — два огромных развесистых баньяна, в тени которых женщины коротают время, стоя в очереди за водой. Она — дефицит на острове, где реки неизвестны, а дождевая вода моментально впитывается известняковыми породами.

Несмотря на кучность построек, вокруг идеальная чистота. Над главной улицей Сидаде-Прету тянется сплошной навес, образованный сплетением лиан бугенвиллей, усыпанных белыми, розовыми, фиолетовыми и красными цветами. Под навесом жмутся друг к другу крохотные, явно однокомнатные домики — иногда из известняка, но чаще из гофрированной жести. Сопровождающие Жоао португальцы объясняют, что здесь живут африканские чиновники и торговцы.

В сторону от этой улицы, к океану тянутся кварталы бедноты: уплотненные городской застройкой обычные африканские хижины, лишь кое-где разделенные, согласно традициям макуа, заборами-циновками из тростника. Вдоль тротуаров и пляжей, между пальмами и казуаринами — километры рыбацких сетей. Тут их плетут и ремонтируют, готовят к работе. Весь пляж в рыбьих костях, причем, судя по гигантским головам и хребтам, добыча нередко достигает здесь внушительных размеров.

— Неплохая была барракуда! — отшвыривая ногой зубастую пасть, говорит кто-то из сопровождающих нас.

— Да, эта вымахала метра за полтора,— подтверждает рыбак из местных.

На специально сооруженных сушильнях из лески дети вялят кальмаров, у стен домов кое-где связки океанской рыбешки-мелюзги. Все это добывают женщины. Они же, как только наступает отлив, устремляются на отмели в поисках мидий, трепангов, ракушек. Ценный улов, добываемый мужчинами, веками проходил мимо котла рыбаков прямо на стол португальцев. Приобрести современную лодку и выйти в открытое море за «хорошей добычей» для себя макуа не имели права.

Облокотившись о бревно, из которого местные корабелы выдалбливали пирогу, Жоао диктует указания местным активистам-фрелимовцам: крупные лодки, не используемые португальцами,— конфисковать и передать африканским рыбакам. Разрешить рыбачить в открытом океане всем, кому позволяет плавсостав. Изучить вопрос о кооперировании рыбаков. Привести оплату труда в строгое соответствие с количеством и качеством улова.

Направляемся на северо-восточную оконечность острова, где возвышается мрачная громада португальского форта. Колонизаторы, заложившие его в 1508 году, нарекли крепость именем святого Себаштьяна и соорудили ее на века. Главным строительным материалом для крепости послужили огромные гранитные глыбы, которые все каравеллы, направлявшиеся из Португалии в восточном направлении, были обязаны забирать в виде балласта и выгружать на острове.

— Это была действительно неприступная по тем временам крепость, самая большая и важная на всем восточноафриканском побережье,— не без гордости объясняет португальский офицер, сопровождающий Жоао.— Четыре башни-бойницы, три из которых обращены в сторону океана, а четвертая наблюдает за островом и материком, не раз отражали попытки — будь то голландцев или арабов — овладеть этой цитаделью. В ее казематах могут разместиться две тысячи солдат.

Будто к старой знакомой, приближаемся мы к белостенной капелле Носса Сеньора до Балуарте — церкви Девы Марии Заступницы, той самой, которую каждый португалец знает как главную католическую святыню на юге африканской земли, а каждый африканист — как хрестоматийное «первое каменное сооружение европейцев за экватором». Она сооружена в 1503 году. Удивительна своей лапидарной простотой ее крохотная часовенка, ослепительно белая на фоне покрытых черным «загаром» известняков, слагающих здесь побережье острова.

— Как долго продолжалось строительство крепости? — интересуюсь я у офицера.

— О, трудно поверить в подобные темпы для тех времен. Начав отсюда, от часовни, строители сумели возвести крепостные стены за три года. Однако уже в 1551 году они принялись за длившуюся 40 лет перестройку, которая и придала Сан-Себаштьяну его нынешний грандиозный вид. Высота стен,

поднимающихся почти повсюду прямо от воды,— 12 метров, а их протяженность по периметру — три четверти километра. В бойницах этих стен и вокруг крепости размещено 400 пушек. Водохранилище вмещает почти 7 миллионов литров воды и позволяет выдержать многомесячную осаду. В общем, Сан-Себаштьян — один из величайших памятников португальской культуры, связанный с именем нашего выдающегося архитектора Мигэля де Арруды, который...

— Да, да, полковник, но ваш рассказ был бы гораздо более полным, если бы вы сказали, что сооружался этот «величайший памятник» для того, чтобы держать в повиновении и грабить миллионы африканцев,— со сталью в голосе замечает Жоао.— И если бы вы вспомнили, что те «темпы строительства», которые вас так поражают, были достигнуты за счет гибели здесь ежегодно 50—60 тысяч местных рабочих. Рядом с гранитом с ваших каравелл в фундаменте этого архитектурного шедевра лежат кости моих соотечественников.

Разговор мог бы явно приобрести излишне острый оборот, но в это время Жоао подошел к стене форта, высящейся над рыночной площадью, сплошь уставленной колясками рикш.

— Сколько их на острове? — мрачно спросил комиссар.

— Более двухсот.

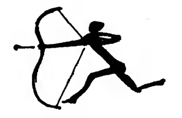
— Многовато... С этим унижающим человеческое достоинство ремеслом надо кончать в первую очередь. Свободный житель свободного Мозамбика не должен исполнять роль тягловой скотины. Надо подумать, какой работой их обеспечить. С приходом новой власти на острове не должно быть, не может быть рикш.

...Выходим через помпезные ворота крепости, увенчанные латинскими изречениями и гербами известных конкистадоров, и оказываемся в Сидаде-Бранка — «Белом городе».

С нетерпением ожидал я встречи с этим городом, волею судеб долгое время игравшим роль центра всей Восточной Африки. Отстав от группы Жоао, я пошел бродить по нему один.

Он показался мне белым городом-призраком. И не потому, что на его средневековых улицах-щелях почти не было людей. И не потому, что совсем неживыми казались аскетически строгие, лишенные окон здания мавританской архитектуры, придающие удивительный колорит Сидаде-Бранка. И не потому, что не было судов в порту Мозамбика, слывшем когда-то одной из самых оживленных гаваней восточного мира, и что неестественно пуста была огромная рыночная площадь, где в былые времена бойко торговали слоновой костью и золотом. Нет, городом-призраком показался мне Сидаде-Бранка потому, что его португальское средневековье, сохранявшееся здесь последние десятилетия в искусственной обстановке, было совершенно чуждо Африке, а музейная тишина его бе-

лоснежных кварталов никак не вязалась с той бурей политических страстей и революционных преобразований, которые неотвратимо захватывали всю страну.

Араб Маджид на капитанском мостике Васко да Гамы

...Весь день пробродил я по улочкам португальских кварталов острова, отдал должное их очарованию, но так и не избавился от мысли о городе-призраке. А когда, взобравшись на колокольню церкви святого Павла, я увидел город в мягких лучах заходящего солнца, то его смазанные белые контуры, почти лишенные теней и световых пятен, навеяли мне мысль о мираже, неожиданно отразившем в сегодняшнем дне реалии далекого средневековья.

«Интересно было бы поставить когда-нибудь среди этих дворцов и памятников спектакль, отражающий события, свидетелями которых они были»,— подумал я, спускаясь с колокольни. Перейдя площадь у губернаторского дворца, я сошел по заканчивающим ее ступенькам прямо к океану. «С чего бы начинался этот спектакль?» — продолжал я размышлять.

Мне вспомнились сумрачные, давящие роскошью и стариной залы «королевского отдела» Национального португальского архива Торре-ду-Томбу в Лиссабоне, где я работал незадолго до приезда на остров. Строгий архивариус, носивший почему-то академическую шапочку, не позволяя дотрагиваться мне до уников собственными руками, священнодейственно листал пергаменты времен появления европейцев в Восточной Африке.

— Почти полвека, что я работаю здесь, позволили сделать мне вывод: 99 из 100 человек, интересующихся этим периодом, не сомневаются в том, что первым европейцем в Восточной Африке был Васко да Гама. А что думает по этому поводу сеньор Сержио?

— Я ведь интересуюсь Ковильяном, а следовательно, кое-что знаю о нем. Хотелось бы только с вашей помощью узнать побольше.

— Ковильян, Ковильян...— задумчиво качает головой архивариус.— Над нами, португальцами, висит какой-то рок: мы из всего делали тайну. К концу XVI века нам были известны очень многие географические секреты Восточной и Центральной Африки. Но все эти открытия становились тайной и оседали здесь, в Торре-ду-Томбу, за семью замками. Верите или приводить примеры?

— Один и я помню: «открытие» Ливингстоном озера Ньяса в 1859 году, хотя еще в 1616 году к его берегам выходил Бакарру.

— Ну и то хорошо,— отзывается мой собеседник и оживленно продолжает: — А как незаслуженно забыли о Ковильяне? Ведь это фигура, достойная быть главным действующим лицом десятков романов Дюма и Дрюона! Шпион-монах, ловелас и эрудит, бегло говоривший по-арабски... Как-то его, а также иезуита Пайву вызывает к себе король Жуан II. О чем между ними шел разговор, можно догадаться: Португалии нужен свой монопольный доступ на Восток, путь в Индию. Зачем? Чтобы сломить экономическое могущество ее главных соперников — Генуи и Венеции, наживавшихся на торговле с Востоком, и чтобы покончить с монополией мусульманских купцов, властвовавших в Южных морях, получить доступ к богатствам неведомых стран. Ковильяну и Пайве Жуан II и поручает выведать и разузнать все, что можно, о восточном мореходстве.

Вы представляете всю деликатность и сложность этой миссии? — обращается ко мне архивариус.— В 1487 году шпионы «его католического величества», переодевшись маврами, направились через Барселону и Родос в Каир. Там арабы признают их «правоверными» и разрешают присоединиться к каравану, направляющемуся к Красному морю. Восточные географические карты и приборы, имена влиятельных купцов и опытных лоцманов, цены на товары и нравы местных жителей — все интересует этих первых западных шпионов на Востоке. Прибыв в Аден, они делают свой главный вывод: восточный мир в своем развитии во многом ушел далеко вперед по сравнению с пиренейской Европой.

В Адене пути шпионов-монахов расходятся. Пайва направляется в эфиопский Аксум, но, не дойдя до него, погибает в горных лесах Абиссинии. А Ковильян упорно продвигается на Восток. Вот он уже в Иране, вот спускается вниз по Инду к малабарскому побережью, вот он в шумном торговом городе Каликуте.

У меня перед глазами мелькают листки его дневника, исписанного острым, стремительным почерком. Вот он возвращается в Каир, встречается со связными от короля Жуана, приказывающими ему пробраться на Ормуз — крохотный, но очень богатый островок, порт у входа в Персидский залив.

А как интересны карты, присланные Ковильяном! На них больше роз ветров, рисунков животных и обнаженных дикарей, чем названий городов и рек. Но береговая линия Восточной Африки вычерчена очень подробно и изобилует названиями гаваней и населяющих побережье племен. Самый дальний пункт, до которого добрался Ковильян,— Софала, расположенная на 900 километров южнее острова Мозамбик.

Был ли он первым европейцем на мозамбикском побережье? Оказывается, нет! Совсем недавно в руки историков попали документы, позволяющие говорить о том, что в самом начале XIV века до 18° южной широты в Восточную Африку

морем добирался некий монах Доминик. И доподлинно известно, что около 1315 года в Софалу проник французский архиепископ Гильом Адан. Однако обоих их интересовали не географические сведения, а возможности расширения границ христианского мира. Тем более велика заслуга Ковильяна в глазах правителей Лиссабона: он был первым, кто добыл для них индийские карты Южных морей и указал на практическую возможность обогнуть Африку с запада.

...Таков мог бы быть пролог пьесы, разыгрываемой в наши дни на дворцовой площади острова Мозамбик. А ее первый акт?

Дойдя до самого конца пирса, уходящего далеко в океан, я удобно устраиваюсь в выброшенной волной лодке и остаюсь один на один с прибоем и звездами. Что ж, тут можно попробовать отрешиться от сутолоки XX века и перенестись в век XV.

Шел 1497 год... Воодушевленный донесениями Ковильяна, новый португальский король Мануэл I снаряжает на поиски морского пути в Индию три судна. Историки все еще теряются в догадках, почему, имея опытных капитанов, уже прославивших свои имена великими открытиями в Южных морях, монарх доверил командование столь важной экспедицией ранее себя ничем не проявившему Васко да Гаме. Но выбор оказывается удачным: уже через пять лет безвестный капитан стал «адмиралом Индийского океана».

Впервые в этом океане Васко да Гама появился в самом конце 1497 года. Его флотилия, изрядно измотанная переходом через Атлантику, жмется к берегу. Суда пристают к нему 25 декабря, чтобы пополнить запасы пресной воды. Название посещенной земли подсказывает календарь: в этот день католики отмечают Рождество — «Натал» по-португальски. Так на географической карте Африки появляется название, до сих пор сохранившееся за одной из провинций ЮАР, граничащих с Мозамбиком.

11 января 1498 года, вновь стремясь запастись пресной водой, мореплаватели входят в широкую лагуну Иньярриме — уже на земле современного Мозамбика. Местные жители приветливы, они снабжают моряков калебасами с пресной водой, с охотой меняют свои медные украшения, копья, стрелы и дротики-ассагаи с железными наконечниками на всякие пустяковины, которые предлагают им белые пришельцы. Появление металла португальцы связывают с приближением Индии. «Терра ди Боа Женте» — Земля добрых людей — так нарекают они новый берег и, подставив паруса ветру, устремляются на север.

25 января на горизонте появилась необъятных размеров дельта. Ее многочисленные протоки выбрасывали в океан такое огромное количество песка, что бирюзовая вода сделалась буро-красной. Вокруг — топкие мангровые леса, мешающие

высадиться на берег. Лишь на третий день вода в океане вновь стала прозрачной и суда вошли в широкий лиман. В судовом журнале флагмана экспедиции «Сан Габриэл» записано: «18° ю. ш.». Это значит, что в течение трех дней португальцы плыли мимо устья великой африканской реки Замбези, так и не узнав о ее существовании, а затем вошли в самый северный рукав ее дельты, ныне носящий местное название Кваква. На его топком берегу, там, где сейчас вырос город Келимане, португальцы устанавливают падран и принимаются за ремонт кораблей, которые изрядно подпортил древоточец.

Местное население миролюбиво и с интересом наблюдает, как белые пришельцы вытаскивают на берег свои огромные суда («плавучие дома», как их называли аборигены), переворачивают их набок и очищают от ракушек, водорослей, соли и ржавчины. Однако затаившиеся в дельте комары-анофелис агрессивны и не щадят португальцев. Их белая кожа делается желто-серой; рвота, озноб и высокая температура не дают людям работать. Вскоре на мозамбикской земле появляются первые 10 могил белых людей, павших жертвой малярии. Месяц простояли корабли Васко да Гамы в устье Кваква, и каждый день приносил им новые неприятности: цингу, лихорадку, дизентерию.

И все же, покидая лиман, португальцы нарекают его рекой Добрых Предзнаменований — «Риу душ Бонш Синайш». Что же заставило забыть их о зловредном анофелисе и настроило на добродушный лад? В течение целых тридцати дней присматриваясь к аборигенам дельты, они заметили, что те «исламской веры» и «говорят, как мавры». Небольшая радость для праведных христиан, однако в этом — еще один признак близости Востока!

— Вперед, на север,— командует Васко да Гама, чувствуя, что напал на след большой торговли, а следовательно, и больших богатств. Держась подальше от берега, окаймленного цепью коварных коралловых рифов и островков, дрейфуя по ночам, чтобы не сесть на мель, флотилия через пять дней, 1 марта 1498 года, появилась в бухте, на пирсе которой я и сидел, воссоздавая в памяти события былого.

Можно представить себе, как, важно распустив все свои паруса, появился на рейде португальский флагман «Сан Габриэл», как, едва показавшись из-за горизонта, начал палить в воздух, для острастки, из всех своих пушек «Сан Рафаэл» и как, распугивая лодки туземцев, влетел в бухту быстроходный «Берриу». Однако вскоре португальцы убедились, что их воинственные маневры не произвели должного впечатления на островитян. Причины этого вскоре стали ясны Васко да Гаме. Придя с юга, они не знали и не ведали, что на противоположном рейде острова уже стоят корабли отнюдь не мень-

шие, чем их. Вся северная гавань была забита огромными доу с косым парусом.

Одного взгляда на этот парус было достаточно для того, чтобы Васко и его ближайшие советники помрачнели. Арабы! Это они изобрели косой парус — мизан, позволяющий ходить галсами и под острым углом к ветру. Заимствованный португальцами и испанцами у арабов в Средиземном море и перекрещенный ими в бизань, именно этот парус произвел революцию в европейском мореплавании и помог Васко да Гаме добраться до Индийского океана.

Исторические анекдоты о пребывании Васко да Гамы на острове уже давно стали составной частью местного народного фольклора и порою расходятся с версиями, сохранившимися у хронистов экспедиции. Но изустная молва до сих пор утверждает, что португальцы «вели себя не как гости, а как наглецы». Одного из двух лоцманов за отказ передать португальцам свои карты «индийского пути» «жестоко били плетьми». Всеми уважаемого мавра-негоцианта, который поднялся на борт «Сан Рафаэла», в «наказание за то, что он не хотел продавать свои дорогие товары по ценам, предлагавшимся мазунгаш *, измазали с ног до головы в свином жиру, оскорбив его веру мусульманскую и обесчестив в глазах единоверцев». Другого знатного мавра, владельца многих доу, зазвали на «Сан Габриэл», решив удивить его португальскими картами и квадрантами, астролябией и алидадой. Однако, осмотрев все это с презрительной миной на лице, искушенный в морских делах старик обронил лишь одну фразу из Корана: «Наш товар вернулся к нам». За эту «дерзость» старый мавр «был брошен в бочку с зельем веселящим, прикасаться к которому запрещено мусульманину».

Странное дело, но на первых порах шейх — правитель острова, тоже мусульманин,— сквозь пальцы смотрел на наглые проделки пришельцев и даже скорее благоволил к ним. В чем дело? Из тех же анекдотов можно узнать, что богатые арабские купцы «становились на острове сильнее шейха», что «остров платил большую дань северному султану» и что, «привечая инородцев», шейх надежду лелеял обрести союзников и поддержку, чтобы руки себе развязать». Такие иллюзии были свойственны всем правителям прибрежных городов. Вместо того чтобы объединяться против опасного врага, угрожавшего самому существованию владений этих правителей, последние искали в португальцах союзников для борьбы с соседями.

Кстати, недальновидного правителя богатого острова-города звали шейх Муса Мбики. Поэтому пришельцы стали называть место, где они провели целых 10 дней, островом Мусамбики или, как им проще было произносить, Мозамбик.

* Мазунгаш (язык *макуа*) — белые, обычно португальцы.

Позднее, когда была сооружена громада форта Сан-Себаштьян и остров стал главным форпостом Португалии в Юго-Восточной Африке, название Мозамбик распространилось и на всю материковую часть португальских владений.

Шейх Муса Мбики, не зная и не ведая, что благодаря португальцам его имя будет увековечено в мировой истории и географии, на седьмой день пребывания белых пришельцев в его водах начал выражать первые признаки недовольства. Он явно надеялся, что после роскошного приема, оказанного им Васко и его спутникам, после того, как португальцев потчевали на золотой посуде, показывали коллекции арабского серебра и диковинного китайского фарфора, давали пощупать дорогие, шитые жемчугами ткани и водили на дворцовые склады, забитые тюками перца, корицы, муската, шафрана и имбиря, доставленными на остров из Индии,— после всего этого белые иноземцы не поскупятся на щедрые презенты. Однако на «Сан Габриэле» шейха кормили солониной и показывали грязные трюмы, набитые дешевой мишурой. Один из мозамбикских анекдотов утверждает, что, покидая судно без желанного «парадного пурпурного одеяния», которое Муса Мбики мечтал получить в подарок, заранее предупредив об этом своих гостей, шейх с возмущением сказал во всеуслышание: «Мы привыкли, что из-за океана к нам приплывают щедрые люди. Делая нам ценные подарки, иноземцы не задабривают нас, а дают понять, что не считают нас бедняками и дикарями. Мелочные дары нас унижают».

Вскоре Муса Мбики запретил португальцам выходить на берег. Но чтобы покинуть остров, им нужна была пресная вода. В распоряжении Васко был единственный способ ее заполучить — использовать мощные пушки. Противопоставить им не то что местным жителям, но даже арабам было нечего. Поэтому воду отныне забирают лишь после того, как «противника» рассеивают пушечными выстрелами. Оказавшихся вблизи «места баталии» местных жителей пытают, женщин насилуют, брошенные дома и суда грабят, распределяя по распоряжению Васко да Гамы трофеи как «военную добычу».

Эти события датируются последними числами марта 1498 года. Именно здесь, на островке Мозамбик, гром европейских пушек, заглушив рокот прибоя Индийского океана, возвестил о начале колониальной экспансии европейцев на Восток. И жители Мозамбика стали ее первыми жертвами.

1 апреля флотилия Васко, дав несколько холостых выстрелов по острову Мусы Мбики, ушла из его владений. Так заканчивается первый акт нашей пьесы.

Чем же начнется второй? Мое воображение уносится вслед за Васко да Гамой на север, и в поныне бурлящие жизнью древние порты восточноафриканского побережья, в которых я подолгу жил и работал, прежде чем попасть в Мозамбик, а также в укрывшиеся за стеной бурной тропической раститель-

ности мертвые города, исхоженные мною вместе с историками и археологами.

Как и в ночь рождения нашей пьесы, небо над Индийским океаном было хмурым. Боясь непогоды, Васко спешил и поэтому проскочил расположенную на рубеже мозамбикских вод Великую Килву, богатейший город суахилийского мира, развалины которого сохранились на побережье Северной Танзании; именно ее султану платил дань Муса Мбики. Опасаясь наткнуться на рифы, португальцы ушли далеко от берега и не узнали о существовании десятков других шумных портов и гаваней. Они даже «не заметили» острова Занзибар, на рейде которого толпились суда всего восточного мира.

Но, встречая эти суда в открытом океане, дивясь их числу, размерам и оснастке, Васко да Гама и в особенности его более опытные советники не могли не понимать: они повстречались с богатым миром, который по размерам, а может быть, и по богатству превосходил все, что знала в то время Европа.

Что это за мир? Кто уже побывал здесь? Когда? Каким путем прошел? Ответить на эти вопросы в те годы не мог ни один европеец. Лишь в наши дни историческая наука, делая титанические усилия для расшифровки плохо поддающихся пониманию арабских рукописей, сопоставляя факты и привлекая себе на помощь данные смежных дисциплин, раскрывает тайны очень неблагодарной для работы археолога африканской земли, восстанавливает прошлое этого региона. Сделать это сегодня было бы куда проще, если бы Васко да Гама и его последователи реже прибегали к огню пушек, бесследно уничтожавшему и без того редкие в Восточной Африке письменные документы, если бы ими двигали не только алчность и жестокость, но и интерес к цивилизациям, с которыми они столкнулись и которые они бездумно начали уничтожать.

Строго говоря, Васко да Гама не был первооткрывателем этих мест. Благодатное побережье зинджей — «черных людей», как называли обитателей прибрежных районов современной Кении, Танзании и Мозамбика арабские авторы,— было давно освоено, заселено и хорошо известно древнему миру. Записи в храмовых книгах рассказывают о грандиозном путешествии, предпринятом египтянами при фараоне Сахуре, правившем примерно в 2500 году до н. э. Экспедиция, снаряженная им в легендарные золотоносные страны Офир и Пунт, трижды плавала из Красного моря к берегам Восточной Африки, возвращаясь назад с грузом золота, серебра, слоновой кости и других ценностей.

Наиболее древним письменным памятником, в котором достаточно достоверно описываются города восточноафриканского побережья вплоть до Мозамбикского пролива, считается знаменитый «Перипл Эритрейского моря». Это древняя лоция, написанная примерно в 60 году н. э. греком из Александрии, который, вероятно, сам побывал в этих местах, добрав-

шись до Рапты, ассоциируемой некоторыми учеными все с той же Килвой. Среди танзанийских и мозамбикских ученых я встречал даже сторонников идеи, что в Рапте-Килве могла существовать древнегреческая колония. Слишком смело и на первый взгляд бездоказательно. Но почему тогда в районе современного мозамбикского города Бейра, где находилась колония Килвы Софала, оказалась древнегреческая монетка с изображением головы Зевса?

Португальцы рассказывали мне, что в 1969 году на берег одного из островков архипелага Ангоше океан выбросил небольшую амфору с кучкой золотых монет на дне. Информаторы уверяли, что различили на монетах греческие буквы. Амфору передали местному колониальному чиновнику, и все концы находки канули, что называется, в воду... Неправдоподобного, однако, в этом «даре океана» ничего нет. Греческие монеты самых различных эпох, от птолемеевской до византийской, находили и продолжают находить в самых неожиданных районах, вплоть до Южной Африки.

Естественно, однако, что гораздо более глубокие корни на восточноафриканском побережье пустили ближайшие соседи его обитателей — арабы. Со времен царицы Савской, с IX или X века до н. э., а может быть и того раньше, контроль над торговлей с зинджами переходил от одного арабского государства к другому. Однако активное проникновение арабов в этот район относится к VII веку — периоду возвышения ислама. Спасаясь от религиозных и династических войн, арабские беженцы, почти исключительно мужчины, постепенно продвигались вдоль побережья с севера на юг и, активно смешиваясь с аборигенами-негроидами, способствовали возникновению нового народа — суахили (береговые жители).

Земледелие, ремесла, а со временем все больше торговля были основным занятием этого динамичного и предприимчивого молодого этноса Восточной Африки. Чем же и с кем торговали суахили? Арабские и индийские источники дают возможность исчерпывающе ответить на этот вопрос. Используя все выгоды своего географического положения, «береговые жители» занялись посредничеством в обмене товаров между зинджами внутренних районов Африки, с одной стороны, и Индией — с другой. Перечень того, что экспортировала Индия, может занять многие страницы. Это прежде всего хлопок, шелка, ювелирные изделия. В вывозе же зинджей преобладали золото, слоновая кость, рог носорога, черепаховые панцири, леопардовые шкуры и... железо.

Впервые о распространенном у зинджей искусстве кузнецов упоминает Масуди — авторитетнейший из всех средневековых арабских географов, в середине X века совершивший на доу путешествие из Омана в Восточную Африку. Масуди не оставляет сомнений в том, что выплавкой железа занимались именно африканцы, поскольку приводит многие терми-

ны, услышанные от местных кузнецов, относящиеся к их ремеслу. Большинство этих терминов и сейчас бытует в языках банту. Он пишет также о плаваниях купцов из арабских султанатов Оман и Сираф вдоль берега зинджей вплоть до мозамбикской Софалы. «Там в изобилии добывают золото и другие сокровища», но «железо у зинджей ценится превыше всего»,— сообщает Масуди.

Другой арабский географ — ал-Идриси, описавший те же районы, что и Масуди, но на 240 лет позже, уже считает железо главным объектом торговли суахилийских городов. Сопоставляя эти сведения с новейшими археологическими находками в Кении, Танзании и Мозамбике, можно сделать вывод, что за четверть тысячелетия металлургия зинджей сделала стремительный скачок вперед. И не только по количеству выплавляемого железа, но, главное, по качеству. Иначе зачем бы купцам из Индии и Аравии, где издавна была своя металлургия, покупать железо в Африке? Скорее всего бурное развитие выплавки железа у зинджей и пробудило интерес Аравии и Индии к восточноафриканскому побережью и привело к росту городов, стимулировало развитие самобытной суахилийской цивилизации.

Долгое время территория Мозамбика казалась своего рода «белым пятном», окруженным со всех сторон культурами железного века, но лишенным собственных центров древней металлургии. Однако буквально в последние годы выяснилось, что причиной тому — нерадивость португальских «цивилизаторов», не проявивших ни малейшего интереса к историческому прошлому этой территории. Систематизация данных, накопившихся в колониальных архивах, а также новые полевые археологические исследования позволили мозамбикским ученым доказать, что только в междуречье Замбези — Лимпопо были десятки тысяч рудников по добыче железа, разрабатывавшихся африканцами задолго до прихода европейцев. Как остроумно заметил один из моих коллег, методы радиокарбонной датировки сильно подняли престиж зинджей. Выяснилось, что в долине Замбези, богатой болотными рудами, местные племена плавили железо уже во II веке н. э.

Новые исследования расширили и наши знания о географии торговых связей зинджей с арабами. Еще совсем недавно считалось, что мусульманские купцы не заплывали южнее Софалы: парусникам трудно было возвращаться из этих широт, поскольку господствующие в Мозамбикском проливе течения препятствуют плаванию в северном направлении. Однако в 1983 году студенческая экспедиция университета Мапуту обнаружила следы факторий арабских торговцев железом более чем в тысячи километров к югу от известного ранее «предела» — в предместьях городов Виланкулош и Иньямбане. Развалины поселений суахилийских купцов сохранились на островах архипелага Базаруто, раскинувшегося про-

тив Виланкулоша. Сегодня научно доказано, что уже к началу текущего тысячелетия мозамбикские племена междуречья Замбези и Лимпопо создали настолько развитую культуру железного века, что смогли сделаться достойными торговыми партнерами наиболее цивилизованных государств Востока.

Попеременно в этой выгодной посреднической торговле железом главенствующая роль принадлежала то одному, то другому суахилийскому городу-государству. В XIV веке в ней лидировали северокенийские острова Патта и Ламу, в середине XV века — южанка Великая Килва, в конце — расположенная почти в центре побережья Момбаса. «Это был отлично спланированный, застроенный очень высокими домами из камня и известняка город, место оживленной морской торговли»,— свидетельствует шурин Ф. Магеллана, знаменитый португальский хронист Дуарти Барбоша. В обмен на железо, в огромных количествах производившееся в соседних материковых районах, индийские купцы привозили в момбасский порт Килиндини шелка, хлопковые ткани и ювелирные изделия, которые нередко можно было увидеть на женах преуспевающих момбасских жителей.

...Африканские тамтамы передают новости быстро и безошибочно. И поэтому, как бы ни спешил Васко да Гама совершить новые подвиги, весть о бесчинствах португальцев в Мозамбике опередила их в Момбасе. Могущественный момбасский шейх, сам крупный купец, не пожелал расставаться со своей торговой монополией, приносившей ему большие богатства, и рассказывать пришельцам о путях в Индию. Держался он надменно и настороженно, явно давая понять, что в этих водах сила на его стороне. Он, правда, пригласил незваных гостей в свой дворец в Килиндини, славящийся гаремом из девушек-масаек, но Васко преследовало ощущение «зреющего заговора». Вместо себя он посылает к шейху двух осужденных в Португалии на галеры уголовников, переодев их знатными грандами. Во дворце им конечно же нравится, от гарема они остаются в восторге, но никакой полезной информации выведать не могут.

Тогда португальцы захватывают двух заложников. На глазах у толпящихся в порту любопытных они льют им на голое тело кипящую смесь дегтя и масла. Но информации — никакой. Местные жители возмущены, и ночью искусные ныряльщики подплывают к каравеллам, пытаясь перерубить их якорные канаты. Их отгоняют, а наутро португальская флотилия, едва избежав столкновения с флотом момбаситов, отплывает в соседний Малинди.

От Момбасы до Малинди каких-нибудь 70 километров, но впечатление такое, что это иной мир. Прослышав о конфликте в Килиндини, местный султан Сайид Али, давний враг и завистник момбаситов, устраивает португальцам восторженный прием. Тщась заручиться поддержкой Васко в своем давнем

конфликте с могущественным южным соседом, он готов исполнить любую его просьбу. На живописных улицах Малинди, проложенных через плантации кокосовых пальм, на площади у мечети с минаретом в виде гигантского фаллоса, который португальцы сочли главной достопримечательностью городка, на его шумном, ярком и богатом базаре — повсюду Васко и его спутники встречают красивых, утонченно вежливых людей с яркими чалмами на головах. Так португальцы впервые собственными глазами видят жителей той страны, попасть в которую столь давно мечтают,— «индусов», как именуют их хронисты.

На пышном приеме на лужайке у своего дворца, где ныне стоит бетонный памятник Васко да Гаме в виде огромного, раздуваемого ветром паруса, султан Сайид Али потчует гостей не только изысканными восточными сладостями, но, главное, ласкающими их слух рассказами о богатстве Индии. Васко слушает, хвалит халву и лукум, а когда над лужайкой вспыхивает фейерверк, переходит к главному.

— Мой король имеет такую артиллерию и такие корабли, что они могут заполнить моря Индии,— и не думая краснеть от заведомой лжи, говорит он Сайиду Али.— Португальцы могут помочь владыке Малинди победить его врагов. У султана будет могущественный покровитель.

— Чем же я могу отблагодарить великого короля?

— О, сущим пустяком. Король сочтет за величайшую услугу, если Ваше султанское величество не откажет дать мне опытного лоцмана, способного привести мои каравеллы в Индию.

Сайид Али щелкает пальцем, и тотчас же чернокожий визирь предстает перед султаном. Он покорно выслушивает его приказание и, кланяясь, удаляется.

Проходит день, и во время другого приема, уже на борту «Сан Рафаэла», к Васко подводят сурового вида мужчину средних лет.

— Малемо Кано,— рекомендует его султан португальцам.— Великий король Португалии будет доволен нами: лучшего лоцмана не сыскать во всем Индийском океане.

В оценке лоцмана он не ошибся. Под именем Малемо Кано португальцам был представлен араб, оманский лоцман Ахмад ибн Маджид — один из просвещеннейших людей восточного мира тех времен, автор по крайней мере 37 дошедших до нас работ по географии и навигации, «лев моря», как называли его современники.

«Habent sua fata libelli» (Книги имеют свою судьбу),— гласит латинский афоризм, и удивительная судьба главной книги Маджида лишний раз доказывает его правоту. Почти пять столетий пролежали вне известности исписанные арабской каллиграфией рукописи лоцмана первой европейской экспедиции в восточных водах. Ими заинтересовались совсем

недавно. Впервые они были переведены и изданы в Советском Союзе. В 1985 году в Москве вышли два объемистых (более 1200 страниц) тома сочинений Ахмада ибн Маджида под затейливым названием «Книга польз об основах и правилах морской науки. Арабская морская энциклопедия XV века». Подвигом жизни можно назвать работу известного советского арабиста Т. А. Шумовского, сделавшего этот интереснейший памятник средневековой арабской географии достоянием мировой науки.

За страницами «Книги польз», написанной уже после участия в экспедиции Васко, Ахмад ибн Маджид видится как знаток Южных морей, эрудит в морской астрономии и метеорологии, в совершенстве владеющий техникой парусной навигации. С таким лоцманом на борту флагмана своей экспедиции португальцы могли «открыть» и не только Индию. Колоритная фигура араба Маджида явно отодвигает на второй план португальца Васко да Гаму. Хрестоматийный «первооткрыватель Индии» предстает рядом с Маджидом всего лишь исполнителем его советов (а может быть, и команд). В те годы, очевидно, это виделось лучше, чем сейчас, ведь великий поэт Португалии Луиш ди Камоэнс, почти современник тех событий, родственник Васко и певец его подвигов, признает в своих знаменитых «Лузиадах»:

В кормчем, суда стремящем, нет ни лжеца, ни труса,
Верным путем ведет он в море потомков Луса.
Стало дышаться легче, место нашлось надежде,
Стал безопасным путь наш, полный тревоги прежде *.

Но не пора ли нам начинать третий, и последний, акт нашей пьесы? Он будет коротким, потому что, чем дальше каравеллы португальцев удаляются от восточноафриканского побережья, тем меньше у меня оснований рассказывать в этой книге о плавании Васко да Гамы.

Всего лишь 26 суток понадобилось оманцу для того, чтобы провести европейскую флотилию к берегам Индии, в порт Каликут. У Васко да Гамы и Ахмада ибн Маджида было время, чтобы поговорить. Было и о чем поговорить двум мореходам, представителям двух народов, стоявших тогда на самых передовых рубежах мореходного дела Запада и Востока. Но Васко, считавшего путь в Индию уже открытым, теперь навязчиво интересовало лишь одно — золото! Даже беглого знакомства с суахилийскими городами было ему достаточно, чтобы понять: желтого металла там немало. Уж не находился ли он в преддверии легендарного Офира и Пунта, где черпали свои золотые запасы фараоны? И не те ли это были воды, где плавали груженные золотом доу, о которых доносил Ковильян, возбудивший в Лиссабоне аппетиты своими рассказа-

* Перевод Т. А. Шумовского.

ми о богатствах Софали. Вот что хотел Васко выведать у Маджида.

— Суфалат ат-Тибр? Золотая Софала? — загадочно улыбаясь, говорит лоцман.— Да, ваши корабли прошли мимо этого порта, прежде чем попасть в лиман Кваква. Да, это большой порт. Он принадлежит людям Мономотапы, то есть «владыки рудников», которые разрабатывают много, очень много россыпей золота.

Так Васко да Гама впервые убеждается, что напал на нужный след. Однако больше, судя по записям хронистов, Ахмад ибн Маджид почему-то ничего не сказал. А мог бы, потому что в своей «Софальской урджузе» — лоции для плавания в восточноафриканских и мозамбикских водах, написанной в самом начале XVI столетия, то есть сразу после плавания на «Сан Габриэле»,— он не делал секрета из торговых связей Мономотапы.

В разговоре с Васко оманский лоцман бросает своему собеседнику еще одну кость. Подтвердив сказанное еще Масуди, он обмолвился, что желтый металл добывают вплоть до устья Лимпопо. «Чистое золото из этих мест вывозят через порт Мамбане, что в устье реки Сави»,— говорит он. В этом названии португальцам слышится имя царицы Савской, имевшей, как гласит легенда, доступ к сказочно богатым золотым рудникам в самом сердце Африки...

Так в судовом журнале «Сан Габриэла» появляется запись, полная алчных надежд: «Нам сказали, что земля Иоанна расположена неподалеку от Мозамбика... Эти сведения и многое другое, о чем мы прознали, наполнили сердца наши таким счастьем, что мы плакали от радости».

Между тем главный и наиболее важный итог, а может быть и «великое открытие», которое сделали португальцы во время этого плавания,— объяснение механизма сезонных ветров — муссонов, господствующих над океаном. Слушая своего лоцмана, Васко да Гама понял, что зарождение торговли в этих широтах обязано природной, географической первооснове. Именно ветры позволили жителям прибрежных районов еще в глубокой древности, владея самыми примитивными судами и приборами, рассматривать огромную водную поверхность Индийского океана не как разъединяющую, а как объединяющую их.

Ветры! С удивительной регулярностью они начинаются в ноябре и дуют по март, неся с северо-востока на юго-запад сухой воздух и разрешая мореходам Индии, нисколько не волнуясь о превратностях погоды, плыть к берегам Африки. Затем — затишье до середины июня, когда плавание по океану полностью прекращается. Зато на суше наступает пора «больших базаров» — распродажи товаров, доставленных с Востока. С июня до конца сентября с Африканского континента на океан обрушивается юго-западный ветер, позволяющий ин-

дийским торговцам вернуться домой, а суахили — доставить свои товары на Восток, с тем чтобы не без пользы для себя, пересидев пору циклонов на арабских и индийских базарах, вернуться назад с наступлением нового сезона ветров.

Муссоны... Ахмад ибн Маджид объяснял своим спутникам, что в этом слове звучит арабское «рихал-мавсим» — отметный ветер, то есть ветер, отмеченный временем, регулярный ветер. Другие уверяли португальцев, что в названии этом слышится арабское «маусим» — базар. Однако как бы то ни было, но и для древних, и для средневековых мореходов Востока это был добрый ветер, разрешающий поддерживать мирную торговлю. Васко же, приближаясь к обетованным берегам Индии, уже мечтал о том, что муссоны будут надувать паруса ощетинившихся пушками португальских каравелл, вывозящих в Лиссабон богатства вновь завоеванных земель.

Наконец вечером 20 мая 1498 года муссоны доносят парусники португальцев до Каликута! Проходит не так уж много времени, и Ибн Маджид с ужасом отмечает, что приведенные им в Индию португальцы, еще совсем недавно «приятные собеседники», превратились в ненасытных хищников, обрушившихся на мирную жертву. «Я ляйта ши'ри ма якуну минхум! (О, если бы я знал, что от них будет!) — восклицает он, горько раскаиваясь в помощи, оказанной им португальцам.— Люди поражались их делам...»

Закончим здесь нашу пьесу, тем более что время близится к полуночи и тропический ливень вот-вот закроет нашу главную сцену — Индийский океан сплошной дождевой завесой.

Реликвии конкисты уплывают в Лиссабон

— Ох уж эти мне литераторы! — обрушился на меня Жоао, как только я показался в губернаторском дворце.— Я не знал что и думать! Утонул? Съеден акулами? Похищен местной реакцией? Мне же за тебя отвечать! Говори, где был?

— В лодочке напротив, причем не в той, что качается на воде, а в той, что тихо и мирно покоится на пирсе.

— Стихи сочинял? Под звездами? А я тут людей по всему острову разослал. Если бы ты был мой подчиненный, на гауптвахту бы посадил. А так другое наказание определю: приглашаю на ночной банкет к губернатору. Исторический прием. Его дает последний из всех португальских губернаторов, что сидели на острове почти пять столетий.

— Мне бы поспать,— попробовал отвертеться я.

— Вот бы в лодочке и спал,— уже настроившись на благодушный лад, засмеялся Жоао.— Приходи, потом будет о чем написать.

И он оказался прав. Сегодня, в условиях народной революции, подобные приемы и ужины сделались конечно же достоянием истории. Но они — небезынтересная деталь этой истории, поскольку культ кухни «а ля Мозамбик» без преувеличения был для португальских властей чем-то вроде политической «подпорки», способом демонстрации социально-экономических успехов колонии. Реклама ресторанов преобладала на улицах приморских городов, иностранцев в первую очередь зазывали в Мозамбик отведать «дары океана». Когда в конце 60-х — начале 70-х годов администрация решила выколачивать доходы из развития туризма в Мозамбике, то в качестве главной приманки было избрано искусство местных поваров. Объемистый путеводитель Д. Александера «Холидэй в Мозамбике», изданный в Кейптауне в 1974 году, начинается не описанием культурных достопримечательностей страны или природных богатств ее заповедников, а главой под красноречивым названием: «Креветки и вина в Мозамбике».

Никогда не стремившиеся догнать кого-нибудь в мире по уровню производства, осевшие на восточноафриканском побережье выходцы из Лузитании из кожи вон лезли, чтобы перегнать всех, кого только можно, по уровню потребления. Нещадно грабя и эксплуатируя африканцев, они, по свидетельству лиссабонского профессора Антонио ди Фигейреду, добились того, что «белое население Мозамбика превратилось в самую зажиточную португальскую общину в мире, а черное — в самое отсталое среди жителей португальских территорий в Африке. Уровень жизни белых был значительно выше, чем в самой Португалии, и почти приближался к уровню жизни соседнего белого юаровского населения...».

Символом этого уровня для португальца в Мозамбике было жилище, которое здесь называли не на пиренейский манер — «ка́за» (дом), а на колониальный, с претензией на заведомую роскошь — «паласете» (особняк). Многие признавались мне, что в этом термине их особенно прельщает отчетливый латинский корень: «паласио» — дворец. Внутри «паласете» главное внимание уделялось мебели. Мозамбикская природа щедра на эбен, палисандр и особенно жамбир — дерево, дающее темно-коричневую древесину с удивительно красивой текстурой. Из этих ценнейших пород, подражая лучшим образцам мебели времен расцвета «мануэлито»*, традиционно искусные в резьбе по дереву африканские ремесленники создавали шедевры, достойные европейских музеев. Существовал культ огромных резных столов, диковинных стуль-

* «Мануэлито» — португальский национальный декоративный стиль, сочетающий готические и мавританские мотивы с причудливо-натуралистическими деталями, достиг расцвета при короле Мануэле I (1495—1521).

ев, обитых кожей жирафа и отделанных бронзой, а также книжных шкафов во всю стену. В них, как правило, стояли книги-фальшивки: пустые роскошные переплеты из сафьяна, муляжи многотомных средневековых хроник и отделанные камнями инкунабулы, производимые для любителей пустить пыль в глаза мастеровыми Макао. Зато на столе у португальских колонистов было все взаправдашнее.

Вот и сейчас на приеме все вокруг ломится от яств. Действо начинается с соков на выбор: апельсиновый, мандариновый, грейпфрутовый, гранатовый. Затем свежие фрукты, перечисление которых интересно не столько для понимания необузданного гурманства «высшего света» острова Мозамбик, сколько для знакомства с обилием плодов его земли. Из уже ставших общеизвестными тропических фруктов — огромные ананасы, нежнейшие бананы «дамские пальчики», купающиеся в собственном жиру авокадо, огненно-розовые, испускающие хвойный аромат манго, тающие во рту папайи, вязко-сладкие, боящиеся прикосновения фиги и, наконец, лежащие всегда в стороне по причине крайне неприятного запаха грушеподобные гуайявы.

Однако не эти «тривиальные экзоты» — гвоздь программы. Былые владыки Южных морей, португальцы, путешествуя из Бразилии в Индию и Малакку и обязательно наведываясь по пути на островок Мозамбик, завезли сюда со всего тропического мира уникальные растения, которые редко где еще уживаются вместе и которые почти неизвестны в северных странах из-за своей «неприспособленности» к транспортировке. Все толпятся у блюда с мангостанами — одними из наиболее изысканных тропических плодов, ярко-лиловая кожура которых скрывает нежную белую мякоть явно кондитерского свойства. Вкус колючих, внешне напоминающих конский каштан аннонов наводит на мысль о том, что кому-то из ботаников удалось скрестить землянику с ананасом. А вот что-то похожее на сбитые с малиной сливки. Но нет, это всего лишь семенные оболочки плода дурмана, одного из родственников баобабов. А вот и гроздья моих любимых личи, под ворсистой кожурой которых прячется нечто вроде ванильного желе, всегда прохладного и ароматного....

В тропическую жару можно было бы ограничиться и фруктами, но колониальные традиции требуют вслед за «дарами земли» поглощать «дары моря». К северо-востоку от острова Мозамбик, в районе банки Святого Лазаря, и далее на юг находятся самые богатые ракообразными воды Мирового океана. В условиях рабского труда рыбаков-макуа эти изыски гастрономии доставались португальцам практически даром и поэтому стали основой основ местной «белой» кухни. «Вырастить здесь хорошую телку в пять раз дороже и в сто раз хлопотнее, чем приказать черному поймать 300 килограммов креветок»,— любили повторять на острове.

Причем что это за креветки! «Средние», сантиметров по пятнадцать-двадцать,— так называемые лагостинш — едят не меньше чем дюжинами, а «мелочь», до десяти сантиметров,— камароеш — накладывают попросту тарелками.

Кроме этого подавали прозрачно-розовых лагошта — огромных, тянущих на килограмм, лангуст — и огненно-красных, величиной с тарелку крабов — карангежу. Все это в вареном и жареном виде, фаршированное устрицами омежу, сдобренное либо жестокой перечной приправой «пири-пири», либо изысканными, оттеняющими любой нюанс «морского дара» искристыми португальскими «виньо верде» — зелеными винами.

Разговоров на этом приеме было немного: португальцам нечему было радоваться, а африканцы, в массе своей впервые участвовавшие в подобном рауте, чувствовали себя, что называется, не в своей тарелке. Разбившись на группки, отчетливо отражающие классовые и политические интересы их участников, собеседники беседовали полушепотом, тотчас же замолкая при приближении постороннего. Лишь фрелимовцы говорили между собой громко, не таясь. Они толковали о порядке проведения назначенной на один из ближайших дней «баразы» — собрания всех островитян для обсуждения насущных проблем.

А что это за одинокая фигура у окна? Ну как же, мой столичный знакомец Алешандре Лобату, директор Исторического архива Мозамбика.

— Какими судьбами вы здесь, доктор? — после обмена приветствиями интересуюсь я.

— Дела служебные...

— Уж не секрет ли какие?

— В ближайшие дни португальцы будут эвакуировать с острова все свои архивы, бóльшую часть экспонатов музеев и убранства дворцов. Мне положено присутствовать. Ящики начнут заколачивать сразу же, как только будет закончен десерт и выпито шампанское.

Упустить такой шанс — прикоснуться к не доступным почти никому на протяжении веков колониальным архивам и хоть краешком глаза взглянуть на уплывающие в Лиссабон реликвии конкистадоров? Нет, это было бы преступлением!

Прием еще не закончился, а я уже имел согласованное с губернатором разрешение Жоао ночью и днем иметь доступ к материалам, уплывающим с острова.

Что можно было сделать за это дарованное мне судьбой время, вылившееся в три ночи и два дня? Немного, если мыслить категориями серьезного исследователя. И очень много, если говорить об эмоциональном настрое, о понимании атмосферы и колорита той далекой эпохи португальского проникновения в Африку. Эпоха эта у нас почему-то очень мало известна, хотя она не менее богата событиями, своими героями

и своими злодеями, чем описанный во всех деталях период испанских завоеваний в Америке *.

Это «почему-то», впрочем, перестало быть для меня загадкой, как только я попал в архивное помещение дворца. Вспомнились слова умудренного полувековым опытом общения со средневековыми документами моего собеседника в Торре-ду-Томбу: «Португальцы из всего делают тайну». Грифы: «Confidencialmente», «Secretamente», «Em rigoroso segredo» («Конфидециально», «Секретно», «Совершенно секретно») — на всех без исключения папках и ящиках, будь то подшивки издававшейся в 1783 году в Гоа газеты или данные об урожае ореха кешью в хозяйстве какого-то плантатора в долине Лимпопо.

Три ночи с великим Камоэнсом

Огромные, с гербами и коронами сургучные печати стерегли две картонные коробки с надписью: «Дело Л. де Камоэнса». Какие тайны могут быть связаны в наше время с именем всемирно известного поэта, умершего четыреста лет назад?

— Это интригует даже меня,— говорит А. Лобату, ломая печати.— Воспользуемся сменой власти и попробуем узнать кое-что новое об этом любителе приключений.

В ящиках кроме пожелтевших документов, помеченных 60—70-ми годами XVI века, лежали явно современные рукописи, многие страницы которых были отпечатаны на машинке.

— А,— понимающе кивает головой А. Лобату.— В конце 60-х годов из Португалии сюда был выслан неугодный салазаровцам теолог и историк Диего Перрес. Он начал работать над книгой о мозамбикском периоде жизни творца «Лузиад». Но потом власти обвинили Перреса в связях с коммунистами и, убоявшись, что он сделает Камоэнса «красным», запретили ему работу над книгой, опечатав вот эту рукопись. А сам ее автор погиб два года спустя в застенках острова Ибо.

— Камоэнс был в Мозамбике? — переспрашиваю я.

— Где он только не был! Уверен, что ни один из знаменитых поэтов всех времен и народов, имена которых можно поставить в один ряд с этим великим португальцем,— ни Шекс-

* Заинтересовавшихся этой эпохой можно адресовать к интереснейшей монографии А. М. Хазанова «Экспансия Португалии и борьба африканских народов за независимость (XVI—XVIII вв.)». Материалы этой книги, вышедшей в издательстве «Наука» в 1976 году, существенно помогли в моих сафари.

пир, ни Мольер, ни Мильтон, ни Сервантес, ни Пушкин, ни Гёте — не путешествовал по миру так много, как Камоэнс. Он — подлинное дитя эпохи Великих географических открытий, ее деятельная фигура и ее певец.

Вот старая карта, современница Камоэнса, быть может, он даже держал ее в руках,— продолжает А. Лобату.— На ней кто-то пометил метания поэта по белу свету, отражавшие его неистовый темперамент, столь удивлявший современников. И в каждом месте, помеченном на этой карте,— бурные приключения. В Коимбре, где он родился,— буйная ссора с дядей-опекуном, в Лиссабоне — встреча со «своей Лаурой», осветившей все дальнейшее творчество поэта. И здесь же разыгрывается трагедия, ведь Лаурой была сама наследница трона инфанта Мария. Скандал при дворе — и молодой поэт, который, по собственному признанию, «слишком высоко поднял свои взоры», оказывается в Сеуте. Тогда это был единственный опорный пункт португальцев в их борьбе с мусульманами на Африканском континенте. Выказывая чудеса храбрости, Камоэнс участвует в сражениях с мавританскими и турецкими пиратами, а в перерывах между ними, вооружившись лишь копьем, охотится на львов. В одном из морских сражений он теряет правый глаз и с тех пор нередко подписывает свои письма: «Безглазая голова». Вот, смотрите, его столь необычный автограф, а вот еще,— протягивает мне факсимиле писем А. Лобату.

— Сеута — Мозамбик — это ведь противоположные концы Африки,— торопясь подобраться к мозамбикским приключениям поэта, говорю я.

— Между двумя африканскими периодами жизни поэта— уйма приключений в Азии. Завзятый дуэлянт, Камоэнс проткнул шпагой в Сеуте так много важных особ, что был вынужден бежать в Индию. Шестимесячное плавание туда в 1553 году — это время начала работы над «Лузиадами», появления великолепных строк, дышащих свежестью и соленым ветром Индийского океана. В сентябре он уже в Гоа. Затем участие в военной экспедиции в Мекку, остановка на мысе Гвардафуй, где рождается знаменитая африканская канцона «Вблизи сухих, бесплодных, диких гор». Потом начинаются новые приключения — бросок на край известного тогда португальцам мира — на Молуккские острова, в Китай, работа в Макао на весьма не подходящей для великого поэта должности «распорядителя имущества умерших и без вести пропавших». Отнюдь не разбогатев на этом посту, Камоэнс по пути из Макао в Гоа терпит кораблекрушение в устье Меконга. В волнах разбушевавшейся стихии поэт чуть было не потерял главное, что имел,— почти завершенную рукопись «Лузиад».

Кстати, прекрасная картина маслом, запечатлевшая этот эпизод из жизни поэта, висит здесь, неподалеку,— говорит Лобату, увлекая меня в соседний зал губернаторского двор-

ца.— Посмотрите ее сейчас, потому что она сегодня же будет упакована для отправки.

На огромном, почти во всю стену, полотне — облаченный в военные доспехи поэт с воздетой над волнами рукой, держащей рукопись. Но взор его обращен не к берегу, а к прекрасной смуглой женщине, которую вот-вот поглотит морская пучина. Это возлюбленная Камоэнса, спасти которую не удалось...

Тяжело переживая утрату, Камоэнс начинает подумывать о возвращении в Португалию. Позади 17 лет приключений в тропиках. Но денег за это время не накоплено. Даже то немногое, что было нажито на колониальной службе, поглотили мутные воды Меконга. Где взять средства на далекое путешествие? На помощь приходит сподвижник по гоанскому застолью Педру Баррету, незадолго до того получивший высокий пост в Мозамбике. Ведь как-никак, а Африка — на полпути в Лиссабон.

Возвращение, однако, растягивается на два года, бóльшую часть которых поэт провел на Илья-де-Мозамбик. Расхожая версия утверждает, что задержка эта — результат скаредности Педру Баррету, который якобы удерживал Камоэнса на острове и не разрешал поэту сойти с борта доставившего его в Африку корабля до тех пор, пока тот не вернет ему долгов, связанных с переездом из Гоа. Однако где логика? Как заточенный на корабле поэт мог достать деньги для своего кредитора? Да и сколь важны были эти деньги для П. Баррету, принадлежавшего к верхам колониальной администрации и состоявшего, как явствует из мозамбикских архивов, в тесном родстве с самим Франсишку Баррету, занимавшим пост всесильного генерал-губернатора Индии. Кстати, именно он, явно симпатизируя Камоэнсу, послал поэта в Макао на пост контролера имущества «мертвых душ», суливший любому другому неплохие доходы. В 1569 году Франсишку Баррету появился в Мозамбике, облеченный чрезвычайными и неограниченными полномочиями лиссабонского двора. Совпадение ли это — задержка Л. Камоэнса на острове именно в тот самый период, когда давний почитатель его таланта и патрон Ф. Баррету приступает к руководству в Мозамбике «великой экспедицией»?

Тут стоит, пожалуй, на время отложить материалы, хранящиеся в коробках с надписью «Дело Л. де Камоэнса», и обратиться к другим документам Мозамбикского архива. Что рассказывают они о семидесятилетнем периоде, прошедшем между первым плаванием Васко да Гамы и созданием «Лузиад»?

Было второе плавание «адмирала Индийского океана», завершившееся разграблением Килвы и Каликута и возвращением в Лиссабон с грузом огромных ценностей. В 1505 году португальцы чувствуют себя в Индии настолько уверенно, что

назначают туда своего первого вице-короля Франсишку Алмейду. В том же году король Мануэл направляет ему приказ приступить к завоеванию Восточной Африки.

«Софала, Софала, Софала» — это название десятки раз повторяется в любом письме или указе, следовавшем с берегов Тежу в Кочин, а затем в Гоа, где находилась резиденция Алмейды. В Софале — и причем не без основания — португальцы видели основной канал, по которому изливается африканское золото, овладеть которым им так не терпелось. Их главными врагами и конкурентами на «золотых путях» в Индийском океане были арабы, и поэтому на них Лиссабон обрушился всей своей военной мощью.

Подчиняясь воле своего монарха, Алмейда приказывает подвергнуть очередной бомбардировке Килву, в вассальной зависимости от которой находилась Софала. В Килве он сооружает форт, и вот уже его капитан, некто Педру Фогашу, рапортует: «Мы разрешили нашим доблестным солдатам взять в домах мавров все, что им понравится, а затем сровняли эти дома с землей».

В октябре 1505 года П. Фогашу приступает к морской блокаде побережья между островом Мозамбик и Софалой, с тем чтобы перекрыть доступ арабским доу к портам, вывозящим золото. «Топите мавров», «Убивайте мавров», «Жгите арабские суда», «Разрушайте арабские поселки»,— приказывают П. Фогашу из Лиссабона.

О, какой интересный документ — черновик реляции некоего Педру де Анайя о его успешных переговорах с туземным правителем, закончившихся созданием португальского форта в Софале. Эмира этого города, буквально купавшегося в золоте, купили, что называется, ни за грош. За право построить рядом со своим дворцом логово врага — португальскую крепость он затребовал дюжину медных гамбургских котелков, венецианские бусы из цветного стекла, английское постельное белье и скатерти, португальские холсты, мавританский ковер и плащ, а также кучу всякой бижутерии.

Важный в глазах лиссабонского двора пост капитана Софалы достается будущему знаменитому конкистадору Антониу де Салданье.

Одновременно португальцы продвигаются на север, вплоть до Ламу и Патте, захватывают города южного побережья Сомали и остров Сокотру. Все они были обязаны ежегодно платить португальцам огромную дань. Под единым контролем Лиссабона практически оказывается все восточноафриканское побережье. Чтобы управлять его северной частью, в Момбасе был сооружен Форт Иисуса, чуть не затмивший своими гигантскими размерами крепость Сан-Себаштьян. Резиденцией наместника южных районов стал остров Мозамбик.

Однако португальцы не смогли извлечь выгоду из подобного объединения насильственным путем. Захват Индии и

стремление во что бы то ни стало прибрать к своим рукам торговые связи суахилийских купцов привели к закату торговли. Не имея никакого представления о внутриматериковых партнерах Софалы, Келимане, Мамбоне, Килвы и других прибрежных купеческих городов, португальцы запретили местным жителям заниматься коммерческой деятельностью, а потом ввели монополию торговли для своих купцов, которой так и не сумели воспользоваться. Нарушив таким образом экономические связи побережья, они лишили источников богатств не только арабов и суахили, но и самих себя. Власть немногочисленных португальских гарнизонов распространялась лишь на очень узкую приморскую полосу, отношения с ее обитателями были очень натянутыми.

Первым против пришельцев поднялся в 1511 году эмир Молид — тот самый правитель Софалы, который променял свой суверенитет на котелки и скатерти. Вот тревожные донесения А. де Салданьи: «Эмир бежал из дворца», «Эмир запретил купцам перевозить золото из глубинных районов в порт», «Эмир вошел в антипортугальский союз с шейхами соседних племен», «Эмир поднял восстание, успешно блокируя связи Софалы с внутриконтинентальными районами». Один хронист тех дней замечает: «Восстала вся земля».

Вслед за этой первой крупной неудачей португальцев на мозамбикской земле следует вторая. Вожди макуа, которых арабы начинают активно снабжать огнестрельным оружием, организуют подлинную партизанскую войну, препятствуя продвижению португальцев в глубь страны. Предприимчивый Салданья снаряжает на борьбу с ними созданный из коллаборационистски настроенных жителей острова Мозамбик «туземный корпус», прошедший подготовку на плацу Сан-Себаштьяна. Но в первом же бою на берегу уже известной нам реки Монапо те несут большие потери, а после второго боя переходят на сторону своих соплеменников.

Судя по обилию документов, сохранившихся в губернаторском архиве, очень затяжным и мучительным оказался для португальцев конфликт вокруг Софалы, вспыхнувший в 1518 году и длившийся вплоть до начала 30-х годов. Его главное действующее лицо — воинственный вождь Иньямунда, правитель расположенных к западу от Софалы королевств Седанда и Китева. На первых порах он сотрудничал с португальцами в надежде использовать их в борьбе против своего извечного врага — Мономотапы. Однако вскоре вождь Иньямунда разуверился в могуществе «посланцев христианского короля» и, как говорится в одном из сообщений, направленных из Софалы в Лиссабон, «разражаясь смехом при упоминании о возможностях португальцев, приказал блокировать все их пути, пропуская по ним лишь мавров».

В 30-х годах XVI века очаги сопротивления вспыхивают вдоль реки Замбези, рассматривавшейся португальцами как

естественный путь в Мономотапу. Арабы и суахили уже в XII—XIII веках поднимались вверх по великой африканской реке вплоть до порогов Кебрабасы, шли затем сушей до верховьев Луалабы, а оттуда, переправляясь по системе рек бассейна Конго, доходили до атлантического побережья Анголы и Заира. В долине Замбези они обладали множеством укрепленных факторий, которые начали постепенно превращаться в центры оппозиции проникновению португальцев.

«Положение таково,— свидетельствовал хронист Жуан душ Сантуш,— что из трех наших лодок, пытающихся подняться вверх по Куаме (так португальцы называли Замбези в ее нижнем течении.— *С. К.*), две становятся жертвами туземцев, провоцируемых маврами. Они прекрасно знают сложную систему протоков дельты этой реки и располагают картами, без которых мы — словно без глаз». Ж. душ Сантуш описывает также очень любопытный, чисто африканский метод борьбы прибрежных племен Замбези. Завидев издалека громоздкую лодку, принадлежащую мазунгаш, мужчины ныряли под воду, используя для дыхания длинные тростниковые трубки, едва видневшиеся над поверхностью реки. Когда лодка подходила к месту засады, 40—50 африканцев с воинственными криками выскакивали из воды и, не давая португальцам опомниться и схватиться за оружие, топили ее. Подобные засады устраивались обычно ближе к вечеру, и суеверные португальцы начали приписывать их «ночным водяным».

«В борьбе с врагами нашими — неверными маврами и нечистой силой да поможет вам бог!» — заканчивается направленное губернатору Мозамбика королевское послание, в котором содержится приказ: во что бы то ни стало укрепиться на Замбези, пробивая себе путь огнем, мечом и крестом, выйти по ней к Мономотапе. Так во исполнение воли Лиссабона в 1530 году на великой африканской реке возникает первая европейская крепость — Сена. Через семь лет, в 1537 году, вторая крепость возникает там, где путь в глубь континента водным путем преграждают пороги. Ей дадут имя Тете.

И в Сене, и в Тете вместе с конкистадорами «на равных» обосновываются миссионеры-иезуиты. В исламе португальцы видят могущественную силу, препятствующую их утверждению в Африке. Противовесом мусульманству они стремятся сделать католицизм. «Памятуйте об успехах Ковильяна, который, открыв для нас Софалу, проник в Аксум и стал там главным советником эфиопского негуса,— наставлял в 1558 году своих мозамбикских подчиненных вице-король Индии.— Обращайте туземцев, и особенно сеньоров их, в истинную веру... Путь в Мономотапу лежит через души туземцев...»

Откровенное признание, равно как и четкое предписание к действию! Исполнителем его довелось стать дерзкому и фанатичному иезуиту Гонсалу да Силвейре. «Продукт» эпохи

Великих географических открытий и военных авантюр, он, подобно автору «Лузиад», считал Португалию тесной для своей деятельности. Но если Камоэнса на загадочный и яркий Восток влекла жажда новых впечатлений, питавших его лиру, то отца Гонсалу толкало туда желание приобщить «заблудших язычников» к «истинной вере». В 1556 году он уже в Индии, где «ведет большую дружбу с поэтом из Коимбры». Судя по смачному повествованию Диего Перреса, они весьма бурно проводили время, причем тон задавал вроде бы должный быть аскетом иезуит, вскоре прославившийся своим загульным нравом.

Луис — безбожник, Гонсалу — фанатик веры, но темперамент у них один. Опьяненные богатством Востока, они строят планы его покорения, клянутся объединить перо, шпагу и крест во славу потомков Луза. Потом их пути расходятся, и Силвейра попадает на остров Мозамбик десятью годами раньше Камоэнса.

Здесь иезуит действует дерзко и нагло, пускаясь на различные авантюры и выводя к вратам церкви все новую и новую черную паству. Его первое «предприятие» — крещение мусульманских купцов, обосновавшихся на материке, как раз напротив острова Мозамбик. Причины успеха чисто экономические: поставки купцам за целование креста крупной партии товаров по бросовым ценам. Затем Гонсалу предпринимает путешествие в «зеленый ад» Кваква, где португальские власти были крайне заинтересованы в налаживании отношений с местными племенами, дабы обеспечить безопасность судоходства в низовьях Замбези. Почти два месяца напряженной работы, «исцеление», а скорее всего излечение с помощью методов европейской медицины матери шейха Келимане, выступление португальцев на стороне этого же шейха в стычке с соседними племенами ломве — и шейх делается христианином, приказывая полутысяче своих подданных последовать его примеру.

Теперь начинается главная часть одиссеи отца Гонсалу: действуя по приказу, полученному из Лиссабона и подтвержденному Римом, он отправляется в путешествие вверх по Замбези, с тем чтобы, проникнув в Мономотапу, обратить в христианство его правителя. Путешествие, изобилующее множеством приключений, удается. Предприимчивый иезуит становится третьим европейцем, добравшимся до резиденции «владыки рудников».

Дальше следы Г. да Силвейры в Мозамбикском архиве исчезают. На папке с надписью: «Падре Г. Силвейра в Мономотапе» — помечено: «По приказу Апостолического престола направлено в Рим с нунцием...» (имя неразборчиво). И дата: 26 марта 1562 года.

Ну, это не беда, «заслуги» отца Гонсалу конечно же не забыты в португалоязычных изданиях, и поэтому биография

его должна быть хорошо известна. В соседней комнате я нахожу соответствующий том издающейся в Бразилии Лузитанской энциклопедии. Конечно, о Г. де Силвейре — несколько страниц. За сухим изложением справочника вырисовывается довольно любопытная история. Иезуит в полном смысле этого слова обольщал владыку Мономотапы привезенными с собой многочисленными изображениями... девы Марии. Облик мадонны, запечатленный лучшими мастерами Ренессанса, настолько пленил «владыку рудников», что он согласился, «подобно всем владыкам мира сего, всем монархам и правителям, стать слугою столь прекрасной дамы». Заимев таким образом союзника в лице правителя Мономотапы, шарлатан в иезуитской рясе вскоре сумел обратить в христианство чуть ли не весь его двор.

Но арабы — а их, по самым скромным подсчетам, на территории Мономотапы было не менее десяти тысяч — не собирались уступать свои позиции. «Белый монах — шайтан»,— нашептывают они королю и в доказательство своей правоты отправляют на тот свет его молодую жену, которая, с неудовольствием наблюдая увлечение своего мужа девой Марией, отказалась целовать крест. «Это месть шайтана!»—простирая руки в сторону Востока, утверждают длиннобородые арабы, верой и правдой служившие «владыке шахт». К вечеру гонцы приносят сообщение (оказавшееся впоследствии ложным, очевидно инспирированным мусульманами) о том, что к южной границе Мономотапы движется грозный враг — правитель королевства Бутуа. «Это месть аллаха за твою измену исламу!» — нашептывают арабы, и их повелитель сдается. 16 марта 1561 года он приказывает убить «шайтана», а тело его выбросить в реку на съедение крокодилам.

В католических столицах, особенно в Риме и Лиссабоне, начинают нарочито преувеличивать и раздувать события на далекой африканской реке. Выражаясь современными политическими штампами, убийство Силвейры используется Португалией как предлог для грубого вмешательства в дела Мономотапы.

Именно в это время в Сан-Себаштьяне во главе огромной карательной экспедиции, присланной из Лиссабона, и появляется бывший генерал-губернатор Индии Франсишку Баррету. А чуть раньше на остров Мозамбик из Гоа прибывает поэт Луиш ди Камоэнс.

На первых порах тихая, провинциальная обстановка островка настраивает поэта на рабочий лад. Откликаясь на гибель Силвейры, он пишет скорбный сонет, а затем принимается за «Лузиады». Здесь, на мозамбикской земле, создаются последние октавы этой гигантской эпопеи. Оставаясь верным себе, поэт делит время между занятиями поэзией и бурным досугом, участвует в охоте на слонов, а иногда и в стычках со становившимися все более непокорными макуа.

Однако прибытие на Мозамбик Ф. Баррету перевернуло вверх дном сонный островной быт. Еще никогда Португалия не предпринимала в Африке столь грандиозную экспедицию! Помимо полуторатысячного войска на кораблях из Португалии доставили целую речную флотилию, множество лошадей, ослов и совершенно ненужных в условиях влажных тропиков верблюдов.

Встретившись с любимым поэтом, Баррету открыл ему свои планы.

— Да, молодой король Себаштьян решил покорить Мономотапу,— говорил он.— В случае успеха монарх обещал мне пост ее губернатора и титул «завоевателя рудников». Мероприятие огромное, на службу его успеху поставлены все ресурсы Индии. Мы выступаем в сентябре вплавь вверх по Куаме...

Мог ли воин-поэт остаться в стороне от этих событий? Мог ли автор «Лузиад», воспевший Васко да Гаму и его походы, что «повергли в изумление все народы», не стремиться стать свидетелем событий, которые в глазах всех его современников выглядели как логическое завершение открытий «адмирала Индийского океана»? И не появится ли в случае успеха Баррету новый герой для новых октав его поэмы — «завоеватель рудников»?

Трудно сказать: то ли дальнейшее развитие сюжета незавершенной книги Д. Перреса о Камоэнсе — результат находки им в Мозамбикском архиве документов, неизвестных португальским историкам, то ли это плод его художественного воображения, но в достаточно хорошо разработанной Камоэнсиане, создававшейся в Португалии на протяжении веков, «мозамбикские страницы» жизни поэта, описываемые Д. Перресом, по моим представлениям, неизвестны...

На страницах неоконченной рукописи Д. Перреса о Камоэнсе поэт, как и прежде, «берясь то за меч, то за перо», выступает то в роли участника первых баталий экспедиции Ф. Баррету, то в роли ее хрониста. Как и в Индии и в Китае, в Африке у него появляется возлюбленная, «бархат кожи которой нежнее всего». Как и в устье Меконга, судно, на котором плыл поэт, переворачивается посреди Куамы, но на сей раз он, рискуя быть съеденным крокодилом, спасает свою наложницу.

Экспедиция Баррету останавливается в Сене — тогда главном опорном пункте португальцев на Замбези. Местные племена здесь «усмирены», лояльно ведут себя и купцы-мавры, среди которых многие, приняв христианство, даже взяли на себя роль посредников в продаже португальских товаров в глубинных районах. Участники экспедиции, изрядно уставшие от перехода на веслах вверх по Замбези, располагаются биваком посреди широченной речной долины. Погода прекрасная. Вечером местная арабская знать приглашает порту-

гальских сеньоров на ужин. Угощение еще не окончено, а португальцы начинают хвататься за животы. Проходит немного времени — и кое-кто, воя от боли, катается в судорогах по траве. Участвующий в экспедиции иезуит Монкларуш подзывает к себе собаку и дает ей по кусочку восточных сладостей, которыми потчевали гостей арабы. Не проходит и часа, как собака протягивает ноги.

— Измена! — решает оставшийся на корабле Баррету, как только узнает о случившемся. Для расправы над маврами он посылает 200 солдат, которые расстреливают всех находившихся в селении женщин, стариков и детей. Мужчин же берут в плен и с восходом солнца начинают «экзекуцию во устрашение населения»: по двое мавров привязывают к жерлам пушек и стреляют из них, разрывая тела «неверных» на мелкие куски.

Потери португальцев — 28 умерших, почти 70 тяжело больных, среди которых и Камоэнс. Не желая рисковать жизнью поэта, Баррету отправляет его на остров Мозамбик.

Затем в рукописи Д. Перреса появляется большой, почти во всю недописанную страницу, вопросительный знак. Очевидно, и ему не было известно, чем занимался поэт, прежде чем, завершив свое путешествие в пять с половиной тысяч миль, поднялся на борт каравеллы, направлявшейся в Лиссабон.

«Старенький падре из капеллы Носса Сеньора до Балуарте подошел к Камоэнсу, когда тот уже взялся за веревочную лестницу, собираясь взобраться на судно.

— Сеньор,— проговорил он,— покидая Мозамбик, вы должны поклясться на библии, что нигде и ни при каких обстоятельствах не поведаете никому о ставших вам известными новостях о Мономотапе. Таково распоряжение его преосвященства Монкларуша. Такую клятву предписано брать у всех, кто покидает эти земли. Тайна Мономотапы — это тайна короля.

— Клянусь,— удивленно подняв бровь над своим единственным глазом, ответил поэт. Он понял, что у «Лузиад» теперь не будет продолжения».

Так заканчивалась последняя страничка незавершенной рукописи о великом португальском поэте. Кроме нескольких изданий «Лузиад», сборников сонетов, канцон, октав, элегий и эклог, я в коробках с сургучными печатями ничего не нашел.

...Рабочие начали забивать в ящики материалы о периоде завоевания Мономотапы. Тут уже не было времени выстраивать события в хронологический ряд и живописать биографии героев тех времен. Судорожно перелистывая драгоценные бумаги, я силился доискаться до самого важного, выписать самое интересное. Эти записи еще помогут нам за-

глянуть в загадочное прошлое государства «владыки рудников».

Как-то уже поздно вечером один из сотрудников архива протянул мне папку с надписью: «Русские на острове Мозамбик». В папке оказалось всего лишь два «дела». Одно из них было заведено на С. В. Аверинцева — русского зоолога, направлявшегося в 1911 году на Яву, но снятого по болезни с борта парохода в Дар-эс-Саламе. Выздоровев, он решил использовать «африканский шанс» для изучения местной флоры и фауны, совершил интересное пешеходное путешествие в глубь горных тропических лесов Усумбара, побывал во многих суахилийских городах, а затем, возвращаясь домой пароходом, задержался на Мозамбике. Сохранилась написанная его рукой по просьбе местных властей «Записка о видах на развитие морского промысла в водах Индийского океана вдоль побережья Мозамбика между 12—20° ю. ш.», в которой молодой русский ученый аргументированно доказывал огромные возможности развития рыболовства и добычи ракообразных в этой акватории.

Другое «дело» посвящено Александру Яковлеву, известному в начале века путешественнику по Китаю и Японии, талантливому рисовальщику. Живя во Франции, он в 1924—1925 годах принял участие в организованном фирмой «Ситроен» первом в истории трансафриканском авторалли. Судя по нескольким его акварелям, украшавшим стены губернаторского дворца, А. Яковлева на острове больше всего пленила поэзия средневековых улочек Мозамбика. Кстати, уже в 1928 году книга участников этого авторалли Г.-М. Гаардта и Л. Одуен-Дюбрей «По Черному континенту» появилась в русском переводе в Ленинграде.

— Поздравляю, вы входите в первую «тройку» русских, побывавших на острове,— упаковывая возвращенную мною папку, сказал сотрудник архива.— Но «дело» на вас мы уже заводить не будем.

...Ранним утром, шатаясь от усталости после нескольких почти бессонных ночей, я вышел наконец из губернаторского дворца. Постоял у приземистого памятника Васко да Гаме, на адмиральской треуголке которого уже начинали играть блики восходящего солнца. Свернув за угол, подмигнул модернистскому изваянию Камоэнса.

Великие тени прошлого оставались на острове-призраке. А мне через несколько часов предстояло покинуть Илья-де-Мозамбик...

Орех кажу. Мозамбикский мировой рекорд

Но прикосновение к прошлому Мономотапы не давало мне покоя. Тянуло в то место, где на современной карте Мозамбика обозначено: Нова-Софала. Хотя я и знал, что ничего там не осталось от древнего города, хотелось поездить по огромной, расположенной в самом центре страны провинции, в своем названии сохранившей имя «золотого порта». Ведь именно здесь, на территории провинции Софала, развивались главным образом события, все же позволившие португальцам расчистить себе дорогу к заветным рудникам. И главное, неотвязно преследовала мысль — съездить в Манику, этот вытянувшийся вдоль границы с Зимбабве горный район Мозамбика, который некогда был составной частью Мономотапы. Маника — единственное на мозамбикской территории место, где сохранились и древние шахты, и удивительные архитектурные сооружения времен «владык рудников».

В Бейре — главном городе Софалы, втором по значению порте и промышленном центре современного Мозамбика — я бывал чуть ли не ежемесячно, но «мономотапская тема» с мертвой точки у меня не сдвигалась. И не только потому, что от нее отвлекали бурные будни современной Бейры: закрытие границы с расистской Родезией, для которой этот мозамбикский город в португальские времена играл роль главного порта, национализация предприятий, реформа плантационных хозяйств. От поездки во всеми забытые мертвые города, к заброшенным рудникам останавливало и то, что по древним памятникам Софалы и Маники не водят экскурсий и не издают путеводителей. Подобное путешествие — не туристская прогулка по развалинам Помпеи и не знакомство с египетскими пирамидами. Поехать туда одному — значит ничего не увидеть. Тут нужен был опытный спутник, профессионал, который бы в скрытых тропической растительностью камнях узнавал фундаменты древних построек, а за местной легендой угадывал историческое событие. А таких людей колониализм в Мозамбике не оставил.

Лишь после долгих поисков и расспросов мне удалось напасть на нужный след. В столичном университете на кафедре истории меня познакомили с высоким черноглазым и чернобородым худым человеком.

— Антонио Ногейра да Кошта,— представила его Рут Ферст *, одна из руководительниц Центра африканских ис-

* Рут Ферст — одна из ведущих деятельниц Африканского национального конгресса (АНК) Южной Африки, известный публицист — борец против апартеида. Погибла в Мапуту в августе

следований университета Мапуту, моя давняя и добрая знакомая.— Это тот единственный человек в Мозамбике, который сможет тебе помочь в мономотапских исканиях. Ты же поможешь и ему и нам, если всякий раз, покидая Мапуту в машине, будешь приглашать его себе в попутчики. Ему надо много ездить по стране, а с «колесами» и бензином туго.

Еще накануне вечером, предупреждая о предстоящем знакомстве, Рут по телефону рассказала мне об Антонио.

— Могу рекомендовать его не только от себя, но и от имени нашей партии,— как всегда по-деловому начала она.— Это именно тот человек, который соответствует понятию «передовой представитель нарождающейся национальной интеллигенции». Родился, кажется, в пятьдесят первом...

— Не молод ли, чтобы получать столь авторитетные характеристики? — удивился я.

— Да знаешь, пожалуй, с ним все ясно, и уже давно. В семьдесят первом окончил истфак в местном университете, мог получить шикарную синекуру в одном из колониальных департаментов, но почти открыто заявил: «Не желаю служить фашистам» — и с головой ушел в изучение африканского прошлого. Работал в Центре археологических исследований, но вскоре понял, что заправляющие там португальцы фальсифицируют местную историю, вгоняют ее в прокрустово ложе расизма. Ушел оттуда, долгое время был без дела, пока не начал сотрудничать с подпольными прогрессивными организациями, поддерживавшими ФРЕЛИМО. Серьезно засел за изучение марксизма-ленинизма. После провозглашения независимости он в университете, с нами, твердо и безоговорочно...

Через неделю мы с Антонио были уже в пути. По его просьбе к нам присоединился его коллега по университету, молодой ученый-биолог Афонсу Матавела. Изобилующая колдобинами дорога в полторы тысячи километров, отделяющая Мапуту от Софалы, идет по однообразной саванне, сменяющейся навязчивой красивостью влажнотропической растительности. Однако в компании моих попутчиков время прошло быстро и незаметно. Они оказались отличными собеседниками, открывшими мне глаза на многое из ранее виденного, но представлявшегося совсем неинтересным и малозначимым.

Когда мы переехали хлипкий мост через многоводную реку Сави, Антонио, прильнув к автомобильному стеклу, спросил:

— А как вы думаете, чем заняты эти мальчишки с картонными коробками за спиной, снующие в зарослях вдоль дороги?

— Собирают какие-то ягоды,— пожав плечами, ответил я.

— И не «ягоды», и тем более не «какие-то»,— усмехнулся Антонио,— а основу основ мозамбикской экономики — орех

1982 года, вскрывая почтовую бандероль, в которую юаровскими спецслужбами было вложено взрывное устройство.

кешью. Мозамбик занимает первое место по экспорту кешью и второе — по производству. Наш единственный мировой рекорд.

— Мне казалось, что кешью растет гораздо севернее, на широте острова Мозамбик, где повлажнее и пожарче.

— Португальцы пытались создать там плантации этой культуры, завезенной ими из Бразилии еще в XVI веке. Однако из этого ничего не вышло, и постепенно дерево кажу, а вернее, акажу, или анакардиум, стало распространяться вдоль всего мозамбикского побережья. Сейчас этих деревьев минимум 70 миллионов, из которых более половины плодоносят. Почти все они — дикорастущие, однако участки, на которых растут акажу, распределены на «джентльменской основе» между местными жителями. Каждая семья имеет право собирать урожай только со «своих» деревьев. В занятие это вовлечено огромное количество людей, а точнее, детей: почти миллион человек. Это самая «человекоемкая» отрасль нашей экономики.

— Мозамбикская печать часто пишет, что акажу — культура очень перспективная, пользующаяся постоянным и гарантированным спросом на мировом рынке,— вспоминаю я.— Почему же тогда португальцы не прибрали ее к своим рукам? Ведь получилось наоборот: орех кешью — единственный продукт мозамбикского экспорта, производство которого никогда не контролировалось и не контролируется европейскими компаниями теперь. Это в полном смысле слова «чисто африканская» культура.

— Да, это так, но было бы неверно думать, что иностранный капитал мирился с этим,— вступает в нашу беседу Афонсу.— Когда деревья акажу стали приносить неплохие доходы и на землях макуа появились даже первые африканские предприниматели, разбогатевшие за счет торговли орехом, португальцы решили перекрыть этот источник доходов. Для этого был изобретен внешне «благовидный» предлог: церковь объявила анакардиум «деревом зла» по той причине, что туземцы приготовляют из его плодов спиртные напитки. После этого колониальные власти стали заставлять крестьян уничтожать акажу. Особенно активно эта кампания подрыва экономики африканского населения с целью помешать крестьянам приобщиться к товарному хозяйству и тем самым встать на ноги проводилась именно в тех местах, где мы сейчас проезжаем,— в бассейне Сави. Долгое время это был единственный район мозамбикского побережья, где акажу было в диковинку. Запрет отменили недавно, и для местных мальчишек этот год будет памятным: многие деревья плодоносят здесь впервые. И отлично плодоносят! В министерстве сельского хозяйства нашей республики мне говорили, что в будущем именно районы между Мапуту и рекой Сави станут главными поставщиками этого ценного продукта. Вы, наверное, ели оре-

хи кажу только из фирменных коробочек, подсоленные или подперченные, но никогда не видели их в природе. А ведь анакардиум — очень любопытное растение.

Мы притормаживаем у обочины дороги и входим в обвитые лианами заросли галерейного леса, тянущегося вдоль реки Репембе. Крупных деревьев много, но избежавшие вырубки огромные, с развесистой кроной из больших перистых листьев акажу выделяются даже здесь.

— Как и все анакардиевые, к представителям семейства которых относятся также фисташка и манго, акажу имеет плод в виде костянки,— объясняет нам Афонсу.— Но у акажу он состоит как бы из двух частей: собственно плода — изогнутой почковидной костянки — и во много раз превосходящего его ярко-красного грушевидного образования — подставки. Эта сочная, мясистая подставка, развивающаяся из цветоножки, очень вкусна и прекрасно утоляет жажду. Кисловато-сладкая и всегда холодная, она-то и используется местными жителями для приготовления хмельного пива и вина.

Отведав «грушу» акажу, я хочу попробовать и лакомое ядро, скрывающееся в костянке, но Афонсу останавливает меня.

— Во-первых, поломаете зубы, но все равно не раскусите,— говорит он.— А во-вторых, околоплодники акажу содержат едкое масло, которое разъедает слизистую и вызывает на ней болезненные пузыри. Для человека масло это вредное, но оно находит применение как важный компонент смазочных материалов в современнейших отраслях техники. Поэтому многие страны, особенно США, в последнее время покупают у нас акажу в неочищенном виде. Платят лишь за костянку, получая при этом даром куда более ценное сырье.

Когда мы возвращались к машине, я обратил внимание на многочисленные лиловые пятна, появившиеся на моей белой рубашке.

— О, не беспокойтесь,— перехватив мой взгляд, говорит Афонсу.— Пятна эти отлично отстирываются. Это сок анакардиума. Из него еще в средние века изготовляли чернила, и поэтому в Южной Америке и Вест-Индии акажу до сих пор называют «чернильным орехом». В наших условиях, когда импорт ограничен, а многие фабрики стоят, орех этот превратился в главное сырье для получения чернил. Не будь акажу, объявленная ФРЕЛИМО кампания массовой борьбы с неграмотностью, пожалуй бы, серьезно застопорилась.

Я возвращаюсь к теме об очистке акажу. Ведь если костянка настолько тверда, что не поддается человеческим зубам, то, следовательно, извлечение ядра — дело трудоемкое.

— «Трудоемкое» — это не то слово,— усмехается Афонсу.— Я бы мог многое рассказать, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому предлагаю посетить в Бейре фабрику по переработке акажу. Это старей-

шее и одно из наиболее крупных предприятий отрасли в Мозамбике.

Туда мы и отправились на следующий день после приезда в Бейру. Антонио и Афонсу, не раз выступавшие с лекциями перед фабричными рабочими, здесь свои люди, и поэтому директор предприятия, молодой, энергичный Жоржи Мпаки сразу же ведет нас в цех.

Признаюсь: никогда раньше я ничего подобного не видел, а впоследствии увидел лишь в Мапуту, где находится самая большая в мире фабрика ручной очистки акажу.

Огромный, протяженностью в несколько сот метров барак, вдоль которого вытянулось несколько рядов длиннющих, грубо сколоченных столов. Параллельно им — скамейки. Тесно прижавшись друг к другу, по обе стороны столов сидят женщины. Почти у каждой за спиной привязан ребенок.

— Сколько же здесь работниц? — спрашиваю я.

— Тысяча восемьсот человек,— говорит Мпаки.— И почти полторы тысячи детей. Матерям их негде оставить.

Левой рукой женщины держат костянку, правой колотят по ней простым камнем-окатышем. Один удар, другой, третий. В лучшем случае только после этого скорлупа раскалывается. Добытое ядро акажу добавляется к лежащей напротив каждой из работниц горке уже очищенных ею орехов, затем левая рука тянется к стоящему у ног мешку с костянками.

Тысяча восемьсот человек, одновременно колотящих камнем по твердому ореху,— это уже создает невообразимый шум. Но даже африканские дети, слывущие самыми спокойными, выносливыми и наименее капризными в мире, молчать в этой обстановке не могут. Почти все они плачут. И почти все женщины, тщетно надеясь успокоить их, что-то им говорят или поют.

Я не берусь оценивать в децибелах стоящий здесь шум, но уверен, что мало найдется в мире предприятий и производств, способных конкурировать с этим «цехом».

— Остаток колониального ада,— говорит Мпаки, когда мы выходим на фабричный двор.— Такое могло возникнуть только в тех условиях, которые существовали в Мозамбике в португальские времена: масса дешевых рабочих рук, позволявших предпринимателям не задумываться о механизации, и полное отсутствие трудового законодательства. Мы отлично понимаем, что так долго продолжаться в нашей независимой республике не может. Но закрыть предприятие — значит лишить женщин и их детей средств к существованию, а государство — важного источника дохода от экспорта. Поэтому перестраиваемся на ходу. Вот, заходите в наш новый цех.

«Технология» здесь пока что та же самая. Но стены помещения обшиты звукопоглощающим материалом, установлены пылеуловители (из-за отсутствия которых в старом цехе очень трудно дышать), и, главное, женщины работают без детей.

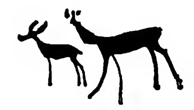
— Построили ясли,— объясняет Мпаки.— К концу года, если ничего не помешает, расширим их и начнем постепенно освобождать от детей и первый цех. Собираемся также ввести сменную работу — тогда «пропускные способности» яслей удвоятся.

Мпаки проводит нас по новеньким, еще пахнущим свежим тростником хижинам, в которых разместился «детский цех» — так называют на фабрике ясли.

— Создание «детского цеха» — сейчас для нас, можно сказать, главная задача,— продолжает Мпаки.— Это проблема не только социальная, но и экономическая. Ясли сразу же «привяжут» наших работниц к фабрике, помогут покончить с ужасающей текучкой кадров, а следовательно, и поднять производительность труда. Опираясь на опытных людей, мы сможем перейти к механизации очистки ореха.

— А подобная технология уже разработана? — интересуюсь я.

— Да, конечно,— говорит директор фабрики.— В Италии, например, уже лет десять работают заводы, очищающие мозамбикские орехи. Мы же теряем на экспорте неочищенного сырья огромные средства. Ведь не забывайте: в иные годы мы собирали больше 600 тысяч тонн этих орехов, а очищали максимум 30 тысяч. Представьте себе, как подскочут наши доходы, если всю массу кешью мы будем продавать на мировом рынке не в виде сырья, а в виде переработанного готового продукта. Модернизация «индустрии акажу» — так у нас в Мозамбике называют эту отрасль — дело огромного государственного значения.

«Три динозавра» колониальной экономики

Фабрика по переработке акажу — одно из самых крупных по численности рабочих предприятий Бейры. Однако лицо сегодняшней «столицы» Софалы определяет не она. Современная Бейра — это гигантский порт с пропускной способностью 7,5 миллиона тонн, один из самых современных в Африке железнодорожных узлов. Здесь начинается и самый большой в тропической части континента нефтепровод.

Зачем такие мощности для города или даже его хинтерланда, отнюдь не выделяющегося развитием экономики? Ответ может быть однозначным: мощности эти создавались в свое время не для освоения и развития потенциально огромных ресурсов Софалы и Маники, а для нужд соседней расистской Родезии.

Достаточно сказать, что еще в 1976 году 80 процентов гру-

зооборота местного порта приходилось на экспортно-импортные перевозки Родезии, не имеющей собственного выхода в море. Они осуществлялись по железной дороге, построенной в самом конце XIX века английским капиталом для нужд Родезии. Нефтепровод, берущий начало в порту Бейры, вел в родезийский город Умтали. Бо́льшая часть деловых зданий Бейры была занята родезийскими филиалами английских и юаровских компаний, действовавших в Софале. С ними теснейшим образом была связана и печально известная «Компаниа ди Мозамбики». Эта концессионная монополия-спрут, свившая себе гнездо в Бейре, была самостоятельным государством в португальском Мозамбике, она не подчинялась даже его губернатору. Да и после того как «Компаниа ди Мозамбики» перестала существовать, ее «наследникам» и дочерним компаниям принадлежало в Софале почти 80 процентов обрабатываемых земель.

— Бейра португальских времен — это своего рода символ коллективного колониализма,— говорил Антонио, рассказывая об экономике города.— Привлекая сюда, как и повсюду в Мозамбике, иностранный капитал, Лиссабон хотел заинтересовать Запад в незыблемости португальских позиций в этой части Африки, сделать его соучастником своих преступлений в Мозамбике. Одновременно огромными инвестициями в мозамбикскую экономику Запад подвел мину замедленного действия и под будущее нашего народного хозяйства в том случае, если португальцы будут изгнаны.

— Что вы имеете в виду, Антонио? — поинтересовался я.— Ведь за последние годы ФРЕЛИМО национализированы многие предприятия, целые отрасли.

— Да то, что позиции крупного иностранного капитала в Мозамбике остаются пока сильными,— немного подумав, ответил он.— Конечно, прогрессивные преобразования в нашей стране огромны. Правительство вернуло землю тем, кто ее обрабатывает, поставило под государственный контроль систему просвещения и здравоохранения, национализировало Центральный банк. Все это так. Но в промышленности под контроль государства перешли лишь предприятия, брошенные их прежними владельцами, преимущественно португальцами. О них-то и пишет наша печать, рассказывая о том, как этими лишившимися хозяев и технического персонала заводами и фабриками начинают управлять рабочие комитеты, как они восстанавливают разрушенное реакционерами оборудование и налаживают производство.

— Но ведь это очень здорово, что в Мозамбике широкие трудящиеся массы принимают все более активное участие в управлении своей страной, ее экономикой, что африканские рабочие показывают свою способность обходиться без белых «хозяев». Вот хотя бы посещенная нами фабрика кешью. Сдвиги к лучшему там налицо.

— Все это так,— согласился мой собеседник.— Но мне делается несколько не по себе оттого, что рядом с этими фабриками и заводами, руководство которых порой действует на ощупь, самодеятельно, существуют компании, сохраняющие связь в первую очередь с английским, а затем американским и юаровским капиталом. А поскольку многие отрасли нашего хозяйства переживают трудности, свертывают производство, относительный удельный вес этих компаний растет. Поэтому боюсь, что они еще скажут свое слово, попытаются вмешаться в наше развитие...

— Уж не сгущаете ли вы краски, Антонио? — спросил я.— Или, быть может, ваши выводы основываются лишь на специфическом положении, сложившемся в Софале, исторически ставшей вотчиной английского капитала?

— Хотел бы ошибиться, но...— Мой собеседник задумался, а потом продолжил: — Если говорить о Бейре, то позиции такого неоколониалистского спрута, как «Лонро», полное название которого, как вы конечно же знаете, звучит достаточно красноречиво: «Лондон — Родезия компани», остались в этом городе без изменений. Один из главных памятников «коллективного колониализма» — нефтепровод Умтали — ее собственность. Не изменились и позиции могущественной «Бритиш Саут Африка компани», которая была основным акционером «Компаниа ди Мозамбики» и через нее контролировала все важнейшие отрасли промышленности Бейры. Что же касается «специфического положения» Софалы, то в отношении ее будущего я даже оптимист. «Белая» Родезия стала африканской независимой Зимбабве, и это решило для Бейры уйму политических вопросов. Теперь и ее порт, и железная дорога, и нефтепровод будут работать на братскую африканскую страну.

А как скоро могут решиться аналогичные проблемы для Мапуту, который играл для ЮАР ту же роль, что Бейра для Родезии? — продолжал молодой ученый.— Там порт с грузооборотом в 15 миллионов тонн, там густая сеть железнодорожных и автомобильных дорог, ориентированных на юг. От Мапуту до границы с ЮАР — полтора часа езды по отличному шоссе, а от Мапуту до Дурбана — главного порта индустриального Трансвааля — менее полусуток перехода по океану. Эти перевозки юаровских товаров через нашу территорию в былые годы обеспечивали Мозамбику до 30 процентов его доходов в иностранной валюте. И ничто не может их возместить.

Тут уж ничего не поделаешь: географическое положение! И воспользоваться этим положением у западников всегда будет соблазн.

— Апология географического детерминизма? — вставил я.

— Да нет, попросту я имею в виду то, что ни одно, пусть даже самое дружественное нам, государство не станет возить через наши порты и железные дороги свои грузы, если это ему

«не по пути». Кроме того, крупный капитал, поддерживающий ЮАР с помощью сохранившихся у него экономических рычагов, будет стремиться использовать это географическое положение нам во вред, пытаться вновь «сблизить» Мозамбик с его расистским соседом. И дело, к сожалению, не только в транспортных связях. Так же однобоко ориентирована и наша энергетика. А ведь ее «продукцию» тоже можно экспортировать лишь соседям.

— Рут рекомендовала вас как крупнейшего специалиста по истории мозамбикского средневековья,— заметил я.— Но похоже, что современные проблемы волнуют вас отнюдь не меньше.

— Знаете, увлечение Мономотапой было своего рода протестом против существовавших при португальцах порядков, когда в социологических науках необходимо было замалчивать горькую правду и лишь петь дифирамбы «цивилизаторской миссии» Лиссабона.

В университете на историческом факультете, где я преподаю, сейчас появилась возможность заниматься современной проблематикой, и я решил воспользоваться ею, написать диссертацию о деятельности «Компаниа ди Мозамбики» и о том, как созданные ею колониальные структуры способны влиять на нынешнее развитие НРМ. Вот почему мне так важна любая возможность попасть в Софалу и почему свои выводы я делаю в основном на примере Бейры.

— Первый вывод, если я не ошибаюсь, вы мне уже сформулировали: транспорт и энергетика были основной линией интеграции с ЮАР, навязываемой в долгосрочных целях Мозамбику иностранным капиталом. Можно ли говорить уже и о других выводах?

Антонио замолчал, собираясь с мыслями. Встал с шезлонга, прошелся по длинному балкону нашего гостиничного номера, потом опять уселся.

— А вы не задумывались над тем, почему все время, что мы ехали в Мапуту, орехи акажу вдоль дороги собирали дети, реже женщины и почти нигде — мужчины?

— Наверное, потому, что для мужчин есть работа физически посложнее, попрестижнее, может быть, наконец, лучше оплачиваемая,— предположил я.

— Нет, потому что в этом районе, особенно в междуречье Лимпопо — Сави, мало мужчин. Если смотреть на территорию Мозамбика с точки зрения использования труда африканцев, то до середины 70-х годов она как бы распадалась на две части. К северу от Бейры, где хозяйничали «Компаниа ди Мозамбики» и подобные ей колониальные спруты, владевшие огромными плантациями тропических культур, мужчины почти задарма работали на них. А к югу, где товарное хозяйство вели мелкие португальские фермеры, африканские мужчины вообще не могли найти работу и уходили на заработки за границу.

До независимости за пределами страны работали 300 тысяч мозамбикцев, или более трети нашей армии наемного труда. После Малави мы, к сожалению, занимали второе место в Африке по «экспорту» рабочей силы. Позорный «рекорд»! Но колониальным властям эта торговля людьми приносила более 10 процентов стоимости товарного экспорта. И лишний доход для колониального транспорта! Еженедельно два эшелона увозили «манфарра» — завербованных рабочих — на юаровские плантации и шахты, а навстречу им ехали два эшелона «магайса» — репатриантов, проведших в расистском аду два года.

— Вы рисуете картину, из которой следует, что колониализм в Мозамбике существовал в основном за счет паразитирования на его выгодном географическом положении, — подытожил я. —Если в большинстве африканских колоний складывалась уродливая специализация на производстве монокультуры, то здесь возникла уникальная и не менее уродливая «экономика моносервиса» — обслуживания соседей за счет разбазаривания собственных ресурсов.

— И чтобы эта картина была совсем полной, я хочу обратить ваше внимание на отель, в котором мы с вами сейчас беседуем,— продолжил Антонио.— «Эшторил» — самый большой туристский комплекс в Африке. В Мозамбике есть еще с десяток ненамного меньших гостиниц-гигантов плюс множество отелей обычных размеров. Нетрудно догадаться, что все это понастроено не для португальцев, которые обитали в своих «казах» и «паласете».

— Не в обиду вам будь сказано, Антонио, туристские достопримечательности Мозамбика не идут ни в какое сравнение с тем, что туристу из Европы или США могут предложить, скажем, Кения или Сейшелы. В туристских объектах Мозамбика очень мало африканского, но зато много португальского. А интерес к нему лучше всего удовлетворять в Лиссабоне.

— Так ведь никто в Мозамбик и не ездил издалека,— поясняет Антонио.— Почти 90 процентов туристов составляли белые жители соседних расистских республик. Бейра, например, играла роль приморского курорта Родезии, откуда ежегодно приезжало более 150 тысяч человек. Причем, что интересно, все больше мужчин: соблазняло здесь знаменитое «виньо верде», португальские блюда, а главное — возможность ночью бросить вызов одному печально известному расистскому закону. Туристский бизнес породил в Мозамбике около 10 тысяч проституток, ныне выселенных из крупных городов в лагеря по перевоспитанию. Существует убийственно разоблачительная статистика, показывающая всю глубину ханжества и показного пуританства блюстителей «морали белого человека». Остановку всего лишь на одну ночь, то есть практически для того, чтобы «переспать» в Мозамбике, делали более 60 процентов южноафриканцев и 25 процентов родезий-

цев, посещавших нашу страну. Португальцам же этот «грязный бизнес» приносил примерно 15 процентов всех валютных поступлений — больше, чем продажа двух наших главных экспортных культур — акажу и хлопка.

Лиссабонская пропаганда называла инфраструктуру (включая и энергетику), миграции рабочих и туризм «тремя китами», на которых держалась мозамбикская экономика и которые обеспечивали ей 65 процентов стоимости валового продукта. Я бы назвал эти столпы уродливой экономики моносервиса «тремя динозаврами». Уж слишком архаичны они были, слишком сильно привязывали хозяйство Мозамбика к обреченному историей на вымирание расистскому Югу, любой шаг в направлении которого — это шаг в прошлое.

В золотой Софале поют маримбы

В самом центре Бейры высится довольно нескладный, построенный в неоготическом стиле кафедральный собор. Его смело можно назвать памятником колониальному варварству, о чем свидетельствует мраморная мемориальная доска на одной из стен собора, на которой можно прочитать: «Кафедрал сооружен из камня, добытого из развалин исторического форта Софала, выстроенного в начале XVI века, а также других, более ранних сооружений этого города».

— Надеюсь, теперь вам понятно, что ждет нас в Софале? — спросил Антонио.— Я бывал там десяток раз и вынес твердое убеждение: без серьезных археологических исследований увидеть и узнать там ничего нельзя. Поскольку сегодня я выступаю в ипостаси знатока средневековых чудес, мое дело — предупредить, что никаких чудес Софала нам не сулит.

— Пусть тогда нам принесет удовлетворение хотя бы то, что наше путешествие по Мономотапе начнется на земле Софалы, то есть оттуда, откуда его начала сама история,— подбодрил я своего спутника.

...И вот за окном нашего автомобиля мелькают плантации сахарного тростника, который изумрудными волнами колышется от порывов океанского ветра. Проплывают строения контролируемого юаровским капиталом огромного сахарного завода в Ново-Лузитании. За ним, то есть там, где в былые времена не ездили белые, дорога практически кончается, а на взятой нами подробной карте значится: «Колея, непроезжая девять месяцев в году». А впереди еще 150 километров...

Счастье наше, что сейчас не те месяцы. Сухой ветер, дую-

щий из Калахари, подсушил приморские равнины, заливаемые мелкими, но очень многочисленными в этих местах речушками.

Мозамбик — единственная в Восточной Африке страна, большая часть которой на физической карте закрашена зеленым цветом низменностей. Казалось бы, это благо для хозяйства. Не помехой для его развития должны были бы быть и реки, пересекающие эти низменности.

Однако на практике все получается наоборот. Осадки в горах, где берут начало эти реки, выпадают в феврале — марте, то есть именно в те месяцы, когда на их низовья обрушиваются циклоны. С запада по рекам с пологими, плохо выработанными руслами сбрасывается дождевая вода, а навстречу ей с востока вместе с нагонными волнами, рождаемыми циклонами, по этим же руслам устремляется соленая вода океана. Равнинный рельеф почти не препятствует этим волнам, и, в случае если циклон устойчив, они проникают в глубь материка на 100—120 километров. Встречаясь, два несущихся навстречу друг другу потока образуют гигантские водяные бары, а затем начинают разливаться по равнинам. Слабовыраженные водоразделы рек не служат им препятствиями. Бывают годы, когда воды даже таких крупных рек, как Лимпопо и Сави или Сави и Бузи, соединяются, сплошь покрывая гигантские площади низменных равнин.

Наводнение, уничтожающее урожай и смывающее не только тростниковые хижины крестьян, но и насыпи шоссе, железные дороги и мосты, сносящее опоры ЛЭП и линии связи, усугубляется затяжными тропическими ливнями, как правило обрушивающимися на приокеанские низменности вслед за циклоном. Тогда в провинции Софала и лежащей к югу от нее провинции Иньямбане не только деревни, но даже крупные поселки и городки, выросшие с учетом многовекового опыта на вершинах едва выраженных в рельефе возвышенностей, превращаются в островки. Два-три месяца в году они изолированы и друг от друга, и от всей страны. Для крестьян, лишающихся всего, что они имели, единственным средством транспорта становится пирога, а для полиции и армии — моторка. В пору буйства стихии значительную часть мозамбикских вооруженных сил бросают на спасение раненых и детей, эвакуацию материальных ценностей.

И все это — не из ряда вон выходящее стихийное бедствие, а скорее «норма поведения» тропической природы. Повторяясь из года в год, наводнения усугубляют экономические трудности, порождают голод, вынуждая народную власть расходовать и без того ограниченные денежные ресурсы на внеплановые, экстренные мероприятия по эвакуации из зон наводнения сотен тысяч пострадавших, на импорт продовольствия.

Мы едем по долине Бузи, пересекаем ее притоки и благодарим небо за то, что вот уже четвертый месяц оно не посы-

лает дождя. Иначе и нам бы плыть в пироге по этой континентальной равнине!

Однако остатки того, что натворили здесь циклоны, видны до сих пор: с корнями вывороченные вековые баобабы; словно скошенные разгулявшимся Мфуе — злым гигантом местных легенд, кокосовые пальмы; огромные, покрытые спекшейся на солнце тиной затопленные участки, оставшиеся на месте полей после того, как с них ушла вода. Еще более обширные площади покрыты белыми выцветами солей — следами нашествия на сушу океанской воды. Чем ближе к побережью, тем этих выцветов делается больше, почва увлажняется, появляются мертвенно-серые, почти лишенные растительности низины. Отсюда океанская вода не уходит практически круглый год. Скудная растительность зеленеет лишь там, где дорогу воде преграждают ослепительные золотисто-белые дюны.

— В былые времена натиск океана сдерживали здесь буйные мангровые леса,— говорит Антонио.— Но многовековая деятельность населения, для которого мангровая жердь была не только уникальным строительным материалом, не гниющим в соленой воде, но и наиболее доступным топливом, привела к тому, что побережье всей провинции Софала обезлесело. Океан сейчас беспрепятственно наступает на сушу. И вот вам плачевный результат... Никаких следов Софалы.

— А что, разве суахилийский порт был именно здесь?

— Именно здесь,— утвердительно кивает головой мой спутник.— Велья Софала, или Старая Софала, отождествляемая с «Суфалат ат-Тибр», шумела метрах в двухстах от современного берега. Сейчас она сплошь занесена песком и покрыта водой. Нанесенная на современных картах Нова-Софала, или Новая Софала, возникла тремя веками позже примерно в километре отсюда. Я думаю, мы переночуем там...

Сейчас время отлива, и мы с Антонио идем по щиколотку в воде по обнаженному дну, вспугивая стайки оставшихся в лужах ярких рыбешек и проворных красных крабов. Дно почти сплошь покрыто почерневшими постройками кораллов, но кое-где из-под них еще выступают серые гладкие камни, в которых Антонио видятся остатки тех монолитных глыб, которые португальцы привезли когда-то в Софалу для строительства местного форта.

А что это за неестественно белый для океанской палитры осколок с голубыми разводами? Я нагибаюсь и вытаскиваю из песка довольно большой фаянсовый черепок. Тут уж сомнений нет: подобные черепки я находил на островах Ламу и Манде, в Килве и других древних суахилийских городах. Склеенные из осколков китайские тарелки и блюда лежат в музеях Момбасы, Малинди, Занзибара. Они датируются специалистами эпохой поздней династии Сун, то есть концом XIII века...

— Форт, сооружение которого длилось с 1505 по 1512 год,

получил название Сан-Гаэтано,— говорит Антонио.— Он вырос рядом с шумным суахилийским городом.

— Только ли желтый металл фигурировал в вывозе Софалы? — интересуюсь я.

— Конечно, нет. Еще в XII веке великий аль-Идриси писал: «В стране Софала есть рудники с большими запасами железа. Оно является самой главной статьей дохода и основным товаром». В обмен на черный металл купцы везли в Софалу в основном ткани. Прежде всего именно на них жители внутриконтинентальных районов обменивали металл. Когда Лиссабон блокировал мусульманам морской путь и лишил местных купцов возможности покупать высококачественные цветные индийские ткани, купцы Софалы пошли на хитрость. Не умея окрашивать ткани, они начали распускать имевшиеся у них на складах синие материи из Бомбея и красные из Каликута, а из полученных цветных и белых нитей местного производства производить совершенно новые, пестрые ткани. Таких тканей получалось в три-четыре раза больше, чем бомбейских или каликутских, что давало дополнительный товар для совершения сделок вне контроля португальских завоевателей. Это была очень интересная и довольно эффективная форма пассивного сопротивления арабов и суахили введенной завоевателями монополии торговли.

— Ну а золото?

— Золото выдвинулось на первый план в торговле Софалы уже после того, как здесь появились португальцы,— уверенно говорит Антонио.— Конечно, можно возразить, что для аль-Масуди Софала была «страной золота» еще в X веке. Но я на это отвечу: великий арабский географ имел в виду запасы недр Софалы, хорошо известные местному населению, а не торговлю золотом. Арабский термин «Суфалат ат-Тибр»? Так можно было называть этот город и за то, что он вообще приносил купцам огромные доходы.

Вернувшись на берег, мы идем вдоль золотистого пляжа, на который уже начинает набегать приливная волна. Тихо колышатся в такт ветру ажурные ветви раскидистых казуарин, на вершинах которых чудом удерживаются длиннокрылые фрегаты. Всякий раз, когда из-за океана после охоты появляются олуши или чайки, они взмывают в воздух. Настигая свои жертвы, они сильным клювом ударяют их в хвост, заставляя отрыгнуть добытую в океане рыбу. Не дав упасть добыче в воду, фрегаты ловко подхватывают ее на лету и с победоносным видом возвращаются на вершины казуарин.

— Интересно, кто у кого учился: португальцы у фрегатов или наоборот? — замечает Антонио.— Но стиль поведения в отношении слабого у них совершенно одинаковый...

Когда султан Софалы начал дарить португальцам четки из золота, а купцы-суахили поведали им, что в Мономотапе железо ценится дороже, чем желтый металл, Лиссабон ре-

шил, что обладание легендарным Офиром стало для него реальностью,— продолжает Антонио.— И на первых порах могло показаться, что так оно и есть: ведь пока еще строился Сан-Гаэтано и португальцы не успели исковеркать всю прибрежную торговлю, арабы в 1506 году на их глазах вывезли из Софалы свыше миллиона меткалей золота. В пересчете на доступные современникам единицы измерения это около четырех тонн! Однако восстание Молида, а затем конфликт с Иньямунду добили Софалу: она превратилась в торговый тупик. Уже в 1515 году через нее было продано лишь пять тысяч меткалей золота...

Незаметно за разговорами мы дошли до Нова-Софалы — в сущности небольшой деревеньки, как и повсюду на побережье прячущейся в тени кокосовых пальм, раскидистых манго и акажу. Два десятка прямоугольных хижин, в которых обитают сотни полторы земледельцев и рыбаков, несколько видавших виды доу, качающихся на волне,— вот и все, что скрывается за будоражущим воображение названием «Нова-Софала», сохранившимся на современных географических картах.

Заночевали мы в «гостевой» хижине, которые есть почти в каждой африканской деревне, где еще не до конца разрушена община. На первых порах мне показалось, что, как и повсюду в Мозамбике, кроме разве что его северных районов, экзотичность африканского бытия подменена в Софале нищетой. Вместо некогда замысловатого традиционного костюма — застиранные шорты цвета хаки у мужчин и вылинявшая тряпица вместо юбки вокруг талии у женщин; вместо добротной, отмеченной вековой традицией керамической посуды — пивные бутылки и консервные банки; вместо захватывающих ритмов африканской музыки — диссонансы, завезенные магайсу из Южной Африки. Уже не раз поездки в мозамбикскую глубинку, где я надеялся найти что-нибудь самобытное, оборачивались для меня разочарованием. Причины подобной «культурной нивелировки» вполне понятны: мало где в Африке колонизаторы «усердствовали» над разрушением местных традиций целых пять столетий.

Но нет, неистребимо африканское начало! Когда уже совсем стемнело, вернулся Антонио, ходивший проведать своих знакомых.

— Местный старейшина решил в честь гостей созвать со всей округи музыкантов — мастеров игры на маримбе. Он приглашает нас к костру,— сообщил он мне.

Маримба — это огромный, в здешних краях нередко достигающий трех метров в длину ксилофон, снабженный резонаторами из полых тыкв-калабашей.

Долго упрашивать меня не пришлось, и мы поспешили к костру.

Обычно вместе собираются пять-шесть исполнителей, но на

сей раз то ли случай, то ли добрая воля старейшины объединила у костра 13 инструментов. Все они были сделаны из разных пород деревьев — от мягкого, издающего в высушенном виде гулкий звук баобаба до поющего на все лады в зависимости от толщины брусков черного мбнсену. У каждого ксилофона была своя, принятая только в одной деревне, хитроумная система резонаторов. И каждый из них озвучивается отличным друг от друга молоточком, подбитым то кожей жирафа, то шкурой шакала, а то и оплетенным слоновьим волосом. Все это создает многоголосый оркестр, неповторимый в своем звучании, в своей оригинальности.

Еще раньше я отметил одну черту, вообще, наверное, свойственную традиционному стилю музицирования на маримбах. Исполнение начинается на редкость вяло, скучно, очевидно, с дальним психологическим прицелом поразить слушателя эффектностью виртуозно буйной концовки.

Обычно такой минорной прелюдией служит подражание музыкантов шелесту листьев кокосовых пальм. Прислушиваясь к природе, они подчиняют звуки маримб прихотям дующего с океана ветра, заставляющего пальмовый лист издавать то металлический лязг, то бархатный, ласкающий ухо шелест.

Здесь, в Софале, музыканты настраивают свои маримбы на шум океана. Набежала-убежала волна, загудел где-то на рифах прибой, разбилась, разлетаясь вдребезги, пена у ближней скалы... На первых порах ухо еще силится отличить эти колдовские звуки музыкантов от естественных. Но очень скоро их мастерство побеждает, и мелодия океана сливается воедино с музыкой маримб.

Упиваясь своим искусством, ксилофонисты могут продолжать перекличку с океаном и час и два, особенно если тот не спокоен и требует от музыкантов настоящей игры, изобретательности, постоянного действия. Отвернитесь от маримб — и вы тотчас же забудете, что слышите их игру, отдадите все звуки океану. Но взгляните на музыкантов — и в бликах костра вы увидите, как и кто творит это чудо.

Дирижера нет — но вдруг музыканты разом все замирают. И одновременно на фоне шума морского прибоя начинает слышаться всплеск лодочных весел. Я было начал всматриваться в сторону океана, но Антонио, тронув меня за плечо, отрицательно покачал головой и указал в сторону музыкантов: «Это они».

Всплески весел усиливались, делались все ритмичнее, и наконец на фоне однообразного гула океана маримбы повели свою основную тему — задорную и мужественную мелодию о мореходе или рыбаке, вступившем в единоборство со стихией. Прелюдия, длившаяся на сей раз около часа, кончилась.

И тотчас же откуда-то из темноты на освещенную костром площадку выскочили танцоры. Наряды их оставляли желать лучшего: к каждодневной одежде у кого было прикреплено

длинное перо, у кого — кусочек меха. Но виртуозное мастерство, с которым они исполняли танец, полностью компенсировало эту дисгармонию.

Танец гребцов. Танец пловцов. Танец рыбаков. Танец потерпевших крушение. Танец тонущих. Каждый сюжет предполагает усиление драматизма музыки и убыстрение ее ритма. Обливаясь потом, мечутся из конца в конец своих инструментов музыканты, поют и плачут, стремясь превзойти самих себя, маримбы. Потом исполняется песня. Окружив ксилофонистов, поющие взялись за руки и мерно раскачиваются в такт музыке.

— О чем она? — спросил я у Антонио.

— Это длинная, почти бесконечная песня об истории местного края и его жителей из племени мандоуа. Но припев у нее общий для многих современных фольклорных песен, бытующих вдоль побережья. Суть его такова:

Когда португальцы пришли на наш берег,
У нас было много земли и золота,
А у них — только крест.
Потом музунгаш обманули нас,
И получилось так,
Что мы стали владеть лишь крестом,
А они — и золотом, и землей, и всем, всем, всем, всем.
Но потом пришли солдаты ФРЕЛИМО,
И восторжествовала правда. И теперь у нас в руках
Самое главное, чем обладает человек,—
Свобода.

Мы едем в Мономотапу

Четыре маримбы почему-то так и не угомонились в ту ночь до самого рассвета, а певцы и танцоры прервались лишь для того, чтобы приветливо пожелать нам: «Боа вьяжем, боа вьяжем» *.

Возвращаться в Бейру не хотелось, да и оживленная, заезженная магистраль, ведущая из этого города в Манику, не привлекала нас. Поэтому, изучив карту, мы променяли асфальтированное шоссе на ухабы проселка и покатили напрямик.

— У какого-то хрониста я вычитал, что от Софалы до дворца Зимбабве, где жил владыка Мономотапы,— 170 часов ходьбы,— сообщил мне Антонио, как только мы перестали махать провожавшим нас.— Мы, правда, направляемся не в Зимбабве, а в расположенную ближе Манику, и не своим ходом, а на машине, поэтому дорога не займет у нас и одного

* «Боа вьяжем» *(португ.)* — счастливого пути.

дня. Поскольку все мозамбикские земли, которые нам сегодня предстоит пересечь, в том числе и Маника, были составной частью территории, которой правили из дворца в Зимбабве, тема моей сегодняшней «автолекции» будет именоваться...

— «Мономотапа»,— проявил я свою догадливость.

— С чего бы только начать? Наверное, прежде всего надо сказать, что этническое ядро королевства Мономотапа и его столица находились на территории нынешней Республики Зимбабве и что у его периферийных восточных княжеств, включая мозамбикскую Манику, были свои специфические интересы, своя политика и в отношении метрополии, и в отношении португальцев.

Но пожалуй, я все же расскажу вам немного о государстве Мономотапа вообще. Его создал в 1440—1450 годах народ каранга, который англичане, обосновавшись позже в Родезии, начали называть шона. Сегодня они составляют примерно 80 процентов населения Республики Зимбабве, доминируют в мозамбикских провинциях Софала и Маника. Легенды гласят, что первого правителя государства каранга звали Мване Мутапа — «владыка рудников». По его-то имени арабы и суахили, уже в конце XIV века имевшие в этом районе большие торговые интересы, и начали называть все государство.

Вплоть до сегодняшнего дня неотъемлемой составной частью фольклора шона служат легенды и сказания о завоеваниях Мутоты — сына основателя государства, а также его внука Мотапы. Опираясь на доминирующую среди каранга этносоциальную группу «аристократов» розве и не без помощи купцов-арабов, заинтересованных в том, чтобы на землях, поставлявших им прибыльные товары, царили мир да порядок, династия Мване Мутапы создала конфедерацию родственных шона племен. В середине XV века, в пору своего расцвета, эта конфедерация занимала огромную территорию — от реки Замбези на севере до Лимпопо на юге, от пустыни Калахари на западе до побережья Индийского океана на востоке. Верховный правитель этого раннефеодального государства присвоил себе династический титул «мутапа» — владыка; власть его обожествлялась.

Я преднамеренно до сих пор не отвлекал внимания читателей от профессионально отработанной «автолекции» университетского преподавателя А. Кошты описаниями мест, по которым мы проезжали, потому что за окном мелькала все та же унылая равнина, хранящая следы насилия воды над сушей. До гор Маники, куда мы направлялись, еще далеко, подъем приморской низменности к ним столь незаметен, что никаких изменений не видно ни в рельефе, ни в растительности. Лишь километрах в ста от побережья среди тощих серых кустарников начинают попадаться большие, с пахучими семенами деревья — мопане. Кроны их раскидисты и ветвисты, но практически не дают никакой тени, так как листья этого

дерева, чтобы сократить испарение, постоянно повернуты ребром к солнцу.

Чем дальше на запад, тем мопане делается все больше и больше. Начинается мопаневельд — очень распространенная в Юго-Восточной Африке лесная формация, растущая на тяжелых глинистых, как правило, бесплодных почвах.

Вдали от заезженных дорог и селений леса мопане и поныне служат излюбленным местом обитания слонов. Судя по обилию навозных куч и поваленных старых деревьев, с которых толстокожие гиганты любят общипывать молодые побеги, этих животных здесь еще немало.

Несколько раз мы спугивали стада грациозных антилоп-импала, а жемчужнокрылые цесарки вырывались из-под колес нашей машины в таком количестве, что вскоре мы перестали обращать на них внимание. Там, где деревья росли близко от дороги, ее глубокая колея была сплошь засыпана темно-красными листьями. Да и на самих мопане преобладал багряный наряд, сближавший по колориту мопаневельд с нашими лиственными лесами.

— А вот и первые предвестники Маники,— указывает Антонио на небольшие холмы, появившиеся впереди.— И каждый из них ждет своих исследователей, в первую очередь археологов. Раскопки, проведенные преподавателями и студентами нашего факультета, показали, что на вершинах этих холмов сохранилось немало остатков святилищ, где проводились культовые церемонии в честь почитавшихся каранга предков — мвари. Сделали мы и находки, связанные с периодом конкисты. Ведь были времена, когда безлюдные ныне леса мопане служили ареной событий, имевших первостепенное значение для будущего как всей Юго-Восточной Африки, так и Португалии.— Вы удивлены? — замечая недоумение на моем лице, спрашивает Антонио и продолжает: — Все дело в том, что, опасаясь серьезной военной конфронтации с белыми и не желая видеть их в своей столице, мутапа пошел на компромисс, приказав пропустить воинство Баррету в Манику. Португальцев это устраивало, поскольку добычу золота из аллювиальных песков Маники они считали для себя делом более перспективным, чем строительство рудников в глубинных районах Мономотапы. Однако на пути из Софалы в Манику лежало тогда княжество, названное по имени правившей там династии Китева. Хотя его владыка Китеве III и находился в полувассальной зависимости от мутапы, у него была своя собственная политика. Он вовсе не собирался пропускать португальцев в Манику через свою территорию даром. Китеве III лелеял мечту облагать данью каждый караван белых, проходивший по его землям. К тому же в Манике правил его заклятый враг Шиканга и никто не мог гарантировать Китеве, что в лице португальцев тот не найдет себе союзника.

Так началась затяжная и жестокая война между конкиста-

дорами и подданными Китеве. После нее остались многие из тех холмов и могильников, мимо которых мы проезжаем. Вооруженным до зубов португальцам африканцы, поднявшиеся на партизанскую борьбу, могли противопоставить лишь ассагаи, дротики, луки и... голод. Засыпая колодцы, уничтожая запасы продовольствия, предавая огню не только свои поля, но и дикорастущие деревья, дающие съедобные плоды, местные жители увлекали незваных пришельцев все дальше и дальше в глубь незнакомой тем страны. Объевшись плодов мопане, давно уже пали верблюды и лошади, начали болеть ослы, а люди изнемогали от голода. Охотиться в этом богатом дичью крае португальцы не могли: неуловимые, преследовавшие их люди Китеве отпугивали животных. Ничего не досталось воинству Баррету и в столице Китеве, покинутой ее жителями. Спалив дворец из дерева и соломы, предав огню остальные строения города, поредевшие наполовину отряды крестоносцев двинулись в Манику.

Рассказ Антонио прервала свадебная процессия, повстречавшаяся у переправы через неширокую, почти высохшую реку Ревуэ. К нам обратился благообразного вида старец с необычной для африканца седой бородой. Он попросил, чтобы мы «оказали честь жениху и невесте» — перевезли их через реку на машине. Собравшаяся по случаю торжества публика была одета довольно бедно и разномастно, но все — по-европейски. Брачующиеся же с довольным видом усевшиеся на заднее сиденье машины, удивили меня своей униформой: весь их наряд составляли коротенькие юбочки, сделанные из какого-то несотканного растительного волокна.

— Ну, вот вам и отголоски порядков, когда-то существовавших в Китеве,— объяснил Антонио, когда, пожелав счастья и множества детей новобрачным, а также пожав руки по меньшей мере сотне их гостей, мы вновь тронулись в путь.— Формально жених и невеста принадлежат к народу шона, но помнят, что когда-то их предки причисляли себя к племени абатеви, создавшему королевство Китеве. А у его владык существовал строгий придворный этикет: в их дворец можно было являться лишь в юбках из луба баобаба. Королевства уже давно нет, а традиция надевать такие юбки в знаменательные дни осталась.

Вскоре за Ревуэ на горизонте появились первые признаки возвышенного рельефа. Отсюда, со стороны низменностей, была полная иллюзия того, что перед нами — грандиозная неприступная стена базальтовых гор. Это так называемый Большой, или Великий, Уступ, которым высокие плато Южной Африки обрываются на восток, в сторону прибрежных равнин. Плато расчленено на отдельные части, наиболее высокие из которых португальские географы называют горами. Таковы горы Иньянга, вытянувшиеся на севере вдоль границы Зимбабве, горы Маника, занимающие основную, центральную

часть провинции, и горы Бинга на юге. Именно там, на юге, расположена одноименная, поднимающаяся на 2436 метров над уровнем моря вершина, считающаяся высшей точкой территории Мозамбика. К труднодоступным склонам Бинга, почти не посещавшимся португальцами, и хочет пробиться Антонио: там, по его словам, находятся древние, но еще хорошо сохранившиеся шахты и селения рудознатцев каранга.

Через два часа воздух стал свежее и суше, разноцветные мопане и бесцветные солончаки сменились посадками канарской сосны с длиннющей темной хвоей. Изумрудными оазисами замелькали кукурузные поля, небольшие табачные плантации. Дорога начала резко набирать высоту.

— По всему видно — Маника рядом,— порадовал меня Антонио.— А значит, настала пора завершить рассказ о Баррету. Дойдя до границ владений Шиканги, он заболел, вернулся в Сену и вскоре там умер. Огромное воинство Баррету уменьшилось до 180 человек. Командование экспедицией принял на себя Омень — фигура зловещая, великий магистр ордена святого Яго. Наученный горьким опытом плавания по Замбези, он в новый карательный поход отправился из Софалы. В сущности мы сегодня повторили его путь. Но португальцы потратили на него не один день, а два месяца, поскольку Китеве вновь поднял свой народ на партизанскую войну. В конечном итоге Омень добрался до столицы Маники и установил португальский контроль над районами, простирающимися на запад вплоть до современного зимбабвийского города Умтали. Что же касается нас, то мы достигли Маники в районе мозамбикского городка Ротанда, где некогда была одна из столиц правителей этого прекрасного края,— заключил Антонио, указывая на дорожный знак.

Ньялы дерутся при луне

В Ротанде надо было получить специальное разрешение местных властей на пребывание в заповедном безлюдном районе Бинга. Здесь в горном тропическом лесу неискушенного человека подстерегает уйма неожиданных неприятностей.

Разрешение нам незамедлительно выдали и любезно предложили местного проводника. Им оказался камарада Мпангу — низкорослый, кряжистый мужчина из местных, совмещающий роль лесника, егеря и, главное, чуткого знатока местной природы. Сразу же после нашей «пристрелочной» первой беседы он понял, что я кое-что смыслю в африканских животных, и взял меня «на крючок».

— Рудниками и печками пусть занимается Кошта, а я дол-

жен показать тебе, камарада, то, что ты не видал даже в Серенгети, Цаво и Горонгоза,— лукаво улыбаясь краешками глаз, сказал Мпангу, как только мы покинули Ротанду и пешком отправились в горы.— Но это нелегко будет сделать. Надо потратить не одни сутки.

— Мы не спешим.

— Тогда хорошо. А как ты думаешь, кого я тебе покажу?

— Надеюсь, ты покажешь мне, Мпангу, то, что считаешь гордостью Бинга,— винторогую ньялу. Ведь полюбоваться этой редкостной ночной антилопой я могу лишь в Мозамбике. А коли так, то у кого же, как не у тебя?

...Красная тропинка все круче ползла вверх. Внизу, совсем рядом, лежала изнывающая от жары и солнца низменная равнина, корчились от безводья акации и истекали обильным потом гиппопотамы. А здесь мы шли среди буйных, огромных, уходящих в голубое небо вечнозеленых деревьев, ярких цветов. Повсюду раздавался беспечный крик птиц.

Лес завален гниющими стволами и почти лишен подлеска. И живые и мертвые деревья покрыты мхами. Бородатые лишайники фестонами свисают с ветвей, развеваясь по ветру, словно флаги. В зарослях скрывается множество ручейков и больших луж-водопоев. На восточном склоне Бинга, перехватывающем влажные ветры Индийского океана, лужи эти никогда не высыхают. В бездождные годы, когда на равнинах останавливаются даже крупные реки, берега таких «вечных луж» бывают, как рассказывал Мпангу, сплошь покрыты ярким ковром бабочек. Вслед за бабочками слетаются птицы. А вечером, когда утихает щебетанье пернатых и массив Бинга замирает в молчании, из леса на водопой выходят небольшие стада красавиц ньяла.

— Вообще-то по законам природы ньяла здесь жить не должна,— говорит Мпангу.— Обычно эта антилопа сторонится горных лесов и обитает в зарослях колючих кустарников. Но важнее этих колючек для нее всегда оказывается близость водопоя с пресной проточной водой; полумертвых рек и солоноватых болот она не признает. Но на равнине сейчас засуха, поэтому антилопы и оказались у меня в гостях. В Кении, небось, ты насмотрелся на ближайших родственников ньялы — больших куду. У тех, конечно, рога подлиннее, до полутора метров вымахивают. У ньялы они редко отрастают до 80 сантиметров. Но зато спирали рогов у наших антилоп покруче. А какой красоты шкура!

— Видел я, конечно, в Кении больших куду, но редко. Ведь из-за фантастически длинных рогов антилопу эту безжалостно истребляли: она была самым желанным трофеем для европейских и американских охотников. В начале века среди английских поселенцев в Восточной Африке проводились даже соревнования: кто убьет куду с самыми длинными рогами. В

итоге сейчас во всей Кении сохранилось максимум 300 больших куду.

Мпангу сокрушенно качает головой и цокает языком, выражая свое неодобрение.

— Нет, у нас винторогих антилоп больше,— говорит он.— Только на равнине вокруг Бинга я знаю голов девяносто. А это не самое богатое ньялами место.

Четыре вечера провели мы в засаде у одной из «вечных луж» в ожидании длиннорогих красавиц. Это на редкость пугливое животное никогда не рискует: почувствовав малейшую опасность, ньяла скрывается в зарослях. Я же на вторую ночь сделал непростительную ошибку: завидев одинокого самца, приближавшегося к водопою, нажал вспышку фотоаппарата. Снимок получился плохоньким, самец же молниеносно скрылся, и ни этой ночью, ни следующим вечером антилопы не появлялись. Мпангу предрекал, что нам придется ждать не меньше недели, прежде чем животные вновь придут к этому водопою. «Зачем они пойдут сюда, если кругом полно мест, где можно напиться, ничего не опасаясь?» — повторял он.

Однако предсказания егеря не сбылись. На четвертый день скрюченное сидение в сыром тростниковом шалаше окупилось сполна. Еще не совсем стемнело, когда из зарослей, настороженно озираясь вокруг, вышло стадо из семи антилоп: две самки и молодняк. Шерсть у них была рыжеватая, на боках, как и у куду, виднелись белые поперечные полосы. Деловито попив, животные собрались было вернуться в заросли, когда оттуда, ломая сухие ветки, выскочили два серовато-коричневых самца. Самки с молодежью, не разобрав что к чему и испугавшись, бросились в кусты, но в последний момент признали «своих» и остановились у кромки леса, наблюдая за пришельцами.

Ньялы, как и большинство антилоп, образуют разнополые стада. Зрелые самцы живут отдельно от самок и детей, присоединяясь к стаду лишь в период гона. Очевидно, такой период и наступал, потому что быки явно хотели завоевать расположение самок и присоединиться к стаду. Однако сразу вдвоем стать членами стада они не могли. Такой чести удостаивается лишь один бык, на глазах у самок продемонстрировавший свою удаль и отвагу, выйдя победителем из схватки с соперником.

И схватка началась. Сначала быки наскакивали друг на друга сбоку, однако каждый раз успевали развернуться, подставив сопернику рога. Убедившись в бесплодности подобной тактики, самцы стали друг против друга и принялись бодаться. Они то стукались лбами, то резко размахивали рогами. Иногда казалось, что это сражаются искусные фехтовальщики, каждый из которых взял в руки по две рапиры. У одного из быков рога были сантиметров на двадцать длиннее, и это, казалось, предрешало исход схватки. Но вдруг самец с рога-

ми поменьше высоко подпрыгнул и, просунув свои рога между рогами соперника, как бы повис на них.

Не знаю, предусмотрен ли такой прием правилами антилопьей борьбы, или это был экспромт молодого быка, но несколько минут оба животных стояли неподвижно. Потом соперники попытались разойтись, но не тут-то было. Спирали их рогов как бы вошли одна в другую, крепко сцепились и теперь не давали быкам возможности разъединиться. «Подвешенность» меньшего самца лишь усугубляла положение. Сначала оба быка дружно мотали головами, потом самец помоложе, очевидно обессилев, предоставил инициативу старшему.

Тут уж было время насмотреться на редкостных животных! Характерная особенность самцов ньяла, резко выделяющая их среди других сородичей,— так называемая юбка. Это густые черные волосы на бедрах, брюхе, шее и груди, которых нет ни у одной другой антилопы.

Самки, прогуливаясь по опушке и общипывая листья с верхушек кустов, с интересом наблюдали за происходящим. Взошла луна, а самцы все еще продолжали свои упражнения. Затем оба быка улеглись на землю и возобновили свои попытки избавиться друг от друга. В какой-то неуловимый для меня момент им все-таки удалось это сделать. Минут десять они лежали, пристально смотря в глаза друг другу. Затем обладатель меньших рогов встал и, немного пошатываясь, пошел в сторону леса, признав себя побежденным и предоставив сопернику возможность устраивать кратковременное семейное счастье.

Победитель поднялся с земли и, высоко подняв голову, увенчанную огромными рогами, пошел к воде. Он долго пил, смотрел на луну, плывшую среди облаков, и опять нагибался к луже. Я взглянул на часы. Три часа сорок минут продолжалась их затянувшаяся схватка.

Потом самец высоко подпрыгнул на одном месте и направился к стаду. Выйдя на середину поляны, залитой лунным светом, он горделиво поднял голову и замер. Победитель явно хотел показаться самкам во всей своей красоте и величии. В призрачном голубом свете месяца винторогий красавец был подобен изваянию, вылитому из серебра.

Минут пять продолжалась эта немая сцена. Потом одна из самок, очевидно приняв вызов, тоже подпрыгнула на месте и бросилась в кусты. За ней устремился серебристый красавец.

— Будет любовь,— прошептал мне Мпангу.— Если бы самка не пожелала иметь дело с быком, она бы не убежала в лес, а напала бы на самца, пару раз с разбегу ударив его головой в бок. А сейчас завлекает, заманивает...

Скрылись в лесу и остальные ньялы. Вскоре на противоположном конце водопоя появились три небольших буйвола. Шустрый заяц подбежал к месту, где еще совсем недавно бодались антилопы.

Я собрался уходить.

— Погоди, камарада,— остановил меня Мпангу.— Если начал дело, надо довести его до конца. Ньялы обязательно вернутся пить воду на то место, где познакомились.

Было холодно, и на траву лег иней, одев ее в серебристый наряд. Ждать пришлось долго, но зрелище, которое мы увидели, нельзя забыть.

Около двух часов ночи из кустов появилась обручившаяся в лесу пара антилоп. Они шли рядом — безрогая грациозная самка и сильный гордый бык, теперь кротко наклонивший голову. Его рога лежали на шее отвоеванной в тяжелом бою подруги. Два создания скользили по залитой лунным светом поляне...

— Разве кто-нибудь, кроме старого Мпангу, еще показал бы тебе такое чудо? — с гордостью спросил старик.

Ничего не ответив, я обнял его, и мы медленно пошли к лесной сторожке, где похрапывал Антонио. Как истый африканец-горожанин, тот не испытывал особого интереса к природе.

По следам африканских рудознатцев

С самого утра мы колесили на машине в поисках следов деятельности тех, кто добывал железо и золото Мономотапы. У Антонио было две карты. Одна из них — копия с португальской, составленной еще в XVII веке, из которой следовало: в те времена именно мозамбикская часть Маники была главным районом добычи золота в Мономотапе. Вторую карту вычертил сам Антонио. На ней были нанесены открытые в основном им же горные разработки прошлых веков в районе между горами Бинга и главным городом Маники Шимойо.

— О средневековых Мономотапе и Зимбабве написаны десятки монографий, но что обидно: о подчинявшихся им мозамбикских территориях там не сказано ни слова,— с горечью говорил А. Кошта во время одной из поездок, ориентиром в которой нам служили эти карты.— А между тем о прошлом Маники, свидетельствующем, в частности, о хорошо налаженной административной и экономической системах этого государства — вассала Мономотапы, есть что рассказать.

На примере золотодобычи это выглядело так,— продолжал ученый.— Как только местное население выявляло на своей земле признаки золота, местный вождь сообщал об этом высшему наместнику мутапы в Манике, носившему титул «муэнемамбо». Тот направлял на место предполагаемой добычи желтого металла «послов». В их обязанности входило следить, чтобы каждый из золотодобытчиков ежедневно делал в

пользу правителя «одну ходку», то есть ссыпал в «фонд мутапы» один сшитый из козлиных шкур мешок с рудой. Добыча велась, как правило, членами одной семейной общины — муча. Поэтому можно говорить, что это были своего рода семейные рудники, на которых до появления португальцев были заняты в свободное от сельскохозяйственных работ время в основном женщины и дети. Для мужчин добыча золота была делом непрестижным.

— Мне вот что непонятно,— говорю я.— Ведь многие португальские авторы отмечают, что местное население не имело представления об истинной цене золота, считало, что оно дешевле железа, что на некоторых рынках Маники слиток золота обменивался на соответствующий по весу кусок мяса. Какая же нужда была загонять женщин и детей под землю?

— Сейчас объясню. Мономотапа была довольно развитым государством, а это значит помимо всего прочего, что ее население облагалось налогами в пользу высшей власти. Ни в столицу мутапы, ни в ставку муэнемамбо простой общинник не мог войти с пустыми руками. Даже в случае если рядовой член мучи был гол как сокол, он был обязан подойти ко дворцу, неся связку соломы на голове. С политической точки зрения эта связка была нужна для того, чтобы продемонстрировать подчиненность всех и каждого высшей власти, с практической — чтобы ремонтировать крыши бесчисленных построек королевского крааля. В Манике каждая муча была обязана возделывать «королевское поле»: собранная с него кукуруза принадлежала мутапе. Ему же охотники были обязаны отдавать один из бивней каждого убитого слона, все клыки добытого ими бегемота или когти леопарда.

По мере того как в Манику начали проникать арабы, имевшие дело с представителями аристократии шона, те начали проявлять все больший интерес к золоту. Рядовые члены мучи быстро поняли, что с его помощью можно откупиться от властей, увильнуть от общественных работ, оставить себе оба слоновьих бивня, в которых традиционно виделся символ богатства. Проникновение португальцев в Манику, особенно усилившееся после похода Оменя, активизировало этот процесс. Вот почему женщин и детей, которые у каранга, как и почти всюду в Африке, были наиболее эксплуатируемой частью общества, начали загонять под землю, в рудники.

Сами осуществлять эксплуатацию рудников португальцы еще не могли. Поэтому они делали это с помощью местной аристократии, правящей верхушки. Так возникла у Лиссабона заинтересованность в сохранении власти мутапы, но при условии, что он будет португальской марионеткой,— заключил Антонио.

Вдоль древнего тракта — от Ротанды, через Умтали до подножия Иньянги, от которого осталась лишь жалкая тропка, по которой мы сейчас двигаемся, а также в других золото-

носных районах Мономотапы возникли ярмарки, где местное население могло обменять золото на ткани и стеклянные бусы. Каждый купец платил на этой ярмарке пошлину, а посетитель покупал нечто вроде «входного билета», доходы от которых пополняли казну мутапы. Ведал этим бесконтрольным бизнесом так называемый капитан у ворот. На самой большой ярмарке, в Массапу, этот пост по инициативе португальцев заняла «капитанша» — старшая жена самого мутапы. Прибыли этой не умевшей считать дамы, в значительной степени зависевшие от манипуляций ее португальского советника Магальяо Гомеша, были столь велики, что тот вскоре докладывал губернатору на остров Мозамбик: «Королева уже поняла все выгоды сотрудничества с нами. Она не скрывает, что готова служить нам, а не своему мужу-монарху. В ее лице мы также имеем нашего главного союзника в борьбе с маврскими купцами».

Вскоре в сети Лиссабона попал и сам мутапа Гаци Лусере. Португальцы, оказавшие ему военную помощь в конфликтах с соседями, потребовали предоставления им в качестве компенсации права контроля над всеми рудниками на территории Мономотапы. Согласие на это Гаци Лусеро было воспринято обществом каранга как предательство. Последовавшие вслед за этим поражения войск мутапы в войне с соседями еще более подорвали его престиж. В 1609 году в Зимбабве из Тете якобы для «защиты мутапе» была прислана первая полсотня португальских солдат. Это был признак того, что правитель Мономотапы начинает терять политическую власть.

В 1627 году эти «защитники» смещают правившего тогда мутапу Капранзине и сажают на престол его дядю Мавуру. Тот объявляет себя вассалом Португалии и принимает христианство под именем Филиппа. Не скрывая своих верноподданнических чувств, эта марионетка разрешает «во всем своем владении португальцам рудники устраивать, сколько они пожелают, и не закрывать их, поскольку много прибыли монарху и купцам они приносят».

Я рассказываю Антонио о разысканных мною в губернаторском архиве острова Мозамбик ранее не известных материалах.

Антонио с интересом слушает. Вспомнил я и о документе-отчете иезуита П. Коррейо «Об умонастроениях туземной знати золоторудных земель в Африке», подготовленном в 1631 году. Его автор отмечал, что, чем больше усиливался контроль португальцев над добычей и торговлей золотом, тем меньше делались доходы местной знати. Исчезли ярмарки, поскольку португальцы, снаряжая огромные караваны, состоящие из 400—500 носильщиков, начали торговать повсюду сами и одновременно все большее число рядовых общинников загоняли добывать желтый металл под землю, в чем «туземцы повсеместно винят белых».

— Иезуиту нельзя отказать в проницательности, тем более что христианин-мутапа по имени Филипп был вызовом всему традиционному обществу каранга,— говорит А. Кошта.— Однако когда мы воссоздаем историю этого района, опираясь лишь на писания португальских хронистов и официальные документы, то всегда существует опасность свести все к борьбе за власть, к интригам в «высших сферах». А между тем для понимания событий тех времен существует еще один богатейший источник — фольклор, насыщенный богатейшим историческим материалом. Я упомянул об этом потому, что сейчас мы приближаемся к древнему селению Мавита, которое и у ндау, и у маньика, и у розви, в легендах и сказаниях всех племен каранга фигурирует как место, где зародилось и откуда пошло по всей Манике движение «Засыпем шахты — забудем о золоте».

Ничего не осталось от прежних веков в Мавите, кроме огромного, развесистого капского каштана. Но именно под ним, как из поколения в поколение передает народная молва, тайно собрались вожди и старейшины Маники, Китеве и Киссанги, объявившие «войну золоту». Было это где-то в самом начале второй половины XVII века.

Конечно, африканские легенды — источник не документальный и довольно далекий от понятий современной политэкономической науки, в категории которой Антонио пытался втиснуть фольклорные сюжеты. Однако если сопоставить эти легенды с португальскими документами, то общие экономические и исторические параллели в них прослеживаются.

Так, легенды рассказывают о том, что «с приходом мазунгаш золото стали заставлять искать даже перед наступлением дождей», отчего «людей в деревнях вовсе не оставалось, поля не обрабатывались, посевы хирели и голод наступал». А вот письмо некоего сеньора Алвиша Оливейруша из Тете в Порту, датированное июлем 1665 года. После пяти лет пребывания в Манике он пишет, что «земли этого богом созданного земного рая, в первый год моего туда прибытия ласкавшие глаз зеленью полей и разнообразных красок садов, возделанных местными необычайно трудолюбивыми неграми, отныне поглощает тропический лес... И виною всему тому — насилие властей наших, кои этих негров на рудниках работать принуждают, не оставляя им ни времени, ни сил для занятия землей. Тяжелый труд их при добыче золота и бескормица стали причиной мора повсеместного, который, словно страшная эпидемия, ведет к обезлюдению огромных районов».

А вот еще одно сопоставление фольклора с португальскими источниками. В записанном Антонио сказании ндау говорится о том, что «сама земля, протестуя против насилия над нею, не допускает людей к золоту... И обрушивается эта земля на людей, погребая их числом не меньшим, чем листьев растет на дереве». Метафора, конечно, вынужденная, по-

скольку в языке каранга вплоть до начала XX века не было слов, обозначающих числительное свыше ста. Но какой элемент гиперболы содержится в этом иносказании? Изданная в 1683 году в Лиссабоне книга «Sobre os Rias de Cuama» позволяет уточнить цифры: «Сначала строился большой дом для тех, кто наблюдал за работой. Затем, разбившись на группки по четыре-пять человек, негры рыли колодцы-входы средней глубиной саженей в тридцать. Когда примерно 20 тысяч таких колодцев одинаковой глубины были готовы, негры залезали в них и начинали выбирать породу между ними, дабы все входы соединились один с другим под землею. Иногда, когда внизу находилось 30—40 тысяч туземцев, вся земля обрушивалась... Тел погибших почти не находили, а только раздавленные кости». В этой книге отмечается, что в некоторых местах добычи золота «собиралось 60—80 тысяч негров, иногда их число доходило до 90 тысяч...».

«Засыпем шахты — забудем о золоте»,— прозвучал из Мавиты призыв, который был услышан на всех землях мозамбикских каранга. И почти одновременно, выражаясь современным языком, поддержал его «на высшем уровне» правитель мятежной Китеве. «Не добывайте золото, а обрабатывайте землю,— призвал он своих подданных.— От этого выгода большая будет, а жить станете в мире и спокойствии».

Именно тогда в Манике началась кампания клятв на крови жертвенных животных. По призыву вождей и старейшин сотни тысяч людей клялись духам предков не работать на португальцев в шахтах, скрывать от мазунгаш переходящие из поколения в поколение сведения о месторождениях золота, не давать пришельцам возможности открывать новые рудники. Опасаясь мести всесильных духов и неминуемой смерти, очень редкий африканец даже сегодня осмелится нарушить такие клятвы. В те же времена эти клятвы были равносильны приговору планам Лиссабона превратить Мономотапу в «португальский Офир».

По ночам, повинуясь приказу старейшин, тысячи людей, живших в золотоносных районах, снимались с насиженных мест, оставляя белых пришельцев без рабочих рук.

— Кое-где еще сохранились следы брошенных тогда рудников, деревень и ярмарочных центров,— говорит Антонио.— Ведь шона бóльшую часть своих строений сооружали из камня, и поэтому хоть фундаменты их в некоторых местах уцелели. Хотите посмотреть?

Я с готовностью соглашаюсь: ведь район, который мы сейчас проезжаем, известен как восточная периферия огромной, занимавшей 5—6 тысяч квадратных километров зоны средневекового каменного строительства. Ее первый исследователь, английский археолог Ренделл-Макайвер, назвал эту зону «огромным музеем африканской архитектуры под открытым небом». Совсем неподалеку от нас, на территории

Зимбабве, находится древнее селение розве Пеньялонга, каменные сооружения которого произвели на ученого не менее внушительное впечатление, чем знаменитые руины Зимбабве, столицы Мономотапы. Он писал, что от Пеньялонга и далее на восток, в сторону Мозамбика, лежит обширный район, где трудно пройти и десяток шагов, не наткнувшись на стену, строение или искусственное нагромождение камней.

Антонио, искушенный в средневековых португальских документах по истории Маники, не знаком с этой работой Макайвера, проводившего свои исследования в 1905 году. Я рассказываю ему о вызвавших тогда сенсацию в науке открытиях англичанина, который на склонах плато Маника и гор Иньянги обнаружил не только мертвые каменные поселения, но и следы высокой земледельческой культуры, остатки террасированных склонов и каналов, сооруженных с широким использованием камня.

— С каменной архитектурой шона мы познакомимся чуть позже, поближе к Пеньялонге,— говорит Кошта, когда, покинув машину, мы начинаем пробираться вверх сквозь заросли густых кустарников.— Что же касается остатков сооружений из камня, имевших сугубо хозяйственное назначение, то далеко ходить не надо. Они перед нами.

Мы выходим на неширокую плоскую площадку, от которой по склону поднимается нечто вроде гигантской лестницы. Почти все кругом поросло колючими акациями и причудливыми, канделябровидными молочаями, но даже они не могут скрыть того, что естественный рельеф склона некогда был изменен вмешательством человека.

— Террасы? — не без доли сомнения говорю я.

— Конечно! Да еще какие! Землю сюда приносили в мешках из козьих шкур снизу, где она намного плодороднее. Поэтому, опасаясь, что дожди смоют драгоценную почву или, не приведи господь, эрозия вообще разрушит террасированный склон, его укрепляли каменными барьерами.

Мы идем вдоль одного из таких барьеров, а по сути дела — каменной стены. Идем сто, двести, триста метров... Террас же, нависших одна над другой, а следовательно, и каменных стен здесь восемь. Кое-где еще сохранились выложенные каменными плитами каналы и запруды, по которым в засушливое время воду пускали на поля. Длина этих каналов, как утверждает Антонио, превышает три километра, а глубина редко меньше метра. Он же показывает мне остатки некогда переброшенного с одного холма на другой акведука, с помощью которого вода поступала в деревню. Осматриваем едва различимые фундаменты жилых строений, поросшие колючей травой следы каменных заборов и стен, некогда окружавших всю деревню.

— На сооружение этих террас и каналов, разбросанных на огромной территории, равной по площади иному европейско-

му государству, затрачено труда не меньше, чем на сооружение египетских пирамид,— увлеченно продолжает свой рассказ историк.— Когда я брожу среди местных развалин, мне всегда вспоминаются слова прогрессивного английского африканиста Бэзила Дэвидсона, который писал, что впечатление от успехов древних жителей этого района тем более огромно, если учесть, в каких условиях существовали здесь люди. Сохранившиеся остатки их материальной культуры рисуют народ, который создал цивилизацию, пусть грубую и простую, но вполне заслуживающую этого термина.

— Нечто подобное, если только не принимать во внимание характер каменной кладки,— и террасированные поля, и каналы, и акведуки — я видел уже в Кении, на землях народов элгейо, мараквет и покот,— говорю я.— Только там эти древние сооружения зачастую еще поддерживаются крестьянами и «работают» на них. А это покинутое ндау селение в общих чертах очень напоминает мертвый танзанийский город Энгаруку, лишившийся жителей примерно в то же время, когда началось движение «Засыпем шахты — забудем о золоте».

— Я не вижу ничего особенного и удивительного в подобном сходстве,— немного подумав, отвечает Антонио.— Подобно тому как на побережье развивалась единая суахилийская цивилизация, так во внутриконтинентальных районах Африки формировалась также единая цивилизация, с носителями которой и поддерживали связи прибрежные купцы. Мы называем эту цивилизацию азанийской и считаем ее наследницей достижений Аксума и других великих древних африканских государств. Шона — это не народ-вундеркинд, а всего лишь частица этой цивилизации.

Взбираясь вверх по террасам, словно по гигантским ступеням, мы выходим на вершину холма, а затем по его противоположному склону спускаемся в небольшую, со всех сторон зажатую горами, засушливую и поэтому почти совершенно лишенную растительности котловину. Честно говоря, я бы не обнаружил в ней ничего примечательного. Но опытный глаз Антонио, проведшего не один сезон в археологических партиях, распознал на дне котловины и следы «колодцев», с рытья которых африканские рудознатцы начинали освоение месторождения, и обрушившиеся своды кровли, и отвалы пустой породы по краям. Указал мне Антонио и на небольшой перевал, через который золотоносную руду носили промывать к ручью.

— Ныне на землях Мономотапы выявлено около 90 тысяч золотоносных мест, где осуществлялась добыча желтого металла. А в междуречье Замбези и Лимпопо обнаружены десятки тысяч заброшенных рудников по добыче железа,— увлеченно рассказывает Антонио.— Здесь, в Западном Мозамбике,— в Манике, Киссанге, Китеве и Седанде — существовала поистине рудниковая цивилизация. Стук железных кайл и

отблеск каменных плавильных печей, как справедливо заметил Б. Дэвидсон, составляли здесь в средние века столь же важный элемент, как и железные дороги в Европе XIX века.

Но в уродливой экономической ситуации, созданной португальцами, торговля и добыча металла, служившие ранее величию Мономотапы, обернулись своей противоположностью. Народ первым понял это и поднялся на борьбу, которая по своим формам не имела прецедента в многовековой истории Африки. Для того чтобы удержаться у власти и окончательно не потерять авторитета в глазах соплеменников, мутапе Педру не оставалось ничего иного, как сверху легализовать инициативу низов. В 1683 году его гонцы разнесли по всей стране приказ закрыть все рудники и под страхом смерти прекратить добычу золота. Один из документов тех лет свидетельствует: «Предательство и черное колдовство, ранее рассматривавшиеся как самый тяжкий грех, теперь считаются куда меньшим преступлением, чем работа на руднике. Жестокому наказанию — чаще всего смерти — подвергают не только нарушителя приказа мутапы, но и его родителей и детей. Люди боятся даже подходить к местам, где раньше добывалось золото, и в ужасе разбегаются при упоминании об этом металле».

Из одной легенды шона в другую переходит сюжет о том, как некая прекрасная девушка, готовясь выйти замуж, вспомнила о бытовавшем среди маника древнем поверье: если закопать в землю самородки желтого металла, то после дождей под землей появится «большой урожай» золотистых блесток. Желая иметь к свадьбе красивые украшения наподобие тех, что начали носить знатные женщины в Зимбабве, девушка собрала целый горшок самородков и уже было начала закапывать их в землю, когда за этим занятием ее застала мать. Тотчас же созвала она соплеменников, раскрыла им страшное преступление дочери и первой бросила в нее камень. И как ни плакала и ни молила о пощаде прекрасная девушка, соплеменники забили ее камнями до смерти.

Вчера и сегодня легендарной Маники

Под вечер, на восьмой день наших странствий у подножия Большого Уступа, мы наконец выехали на асфальтированное шоссе, связывающее Зимбабве с Бейрой. А вскоре огромный щит у обочины оповестил: «Вы въезжаете в Шимойо — столицу Маники».

Шимойо — симпатичный, уютный городок в неширокой горной долине. Тропические хвойные леса, покрывающие обращенные к ней склоны гор, мощными языками врываются

и в город, как бы дробя его на кварталы и районы. Главная архитектурная достопримечательность одноэтажного Шимойо — выстроенный в виде мельницы ресторан «Мулен руж» *. А единственное крупное промышленное предприятие столицы Маники — открытая в 1946 году текстильная фабрика.

Есть еще в Шимойо джутовая фабрика, несколько небольших предприятий по консервированию фруктов и бананов, а также многочисленные мебельные мастерские и лесопилки.

Лес, а не золото — теперь главное богатство Маники. Именно по склонам ее гор и дальше на северо-запад, к границе с Зимбабве, на уступах Иньянги, наряду с ценными хвойными породами растут знаменитые жамбир и палисандр, причем зачастую таких размеров, что их не обхватить даже четверым—пятерым людям. После уроков, полученных от Мпангу, я без труда распознавал не только их, но и другие не менее ценные породы: макарангу, кесарию, стромбосию, хлорофору. Макаранга дает розовую поделочную древесину, кесария — лимонную, стромбосия — красную, хлорофора — желтую.

Редко где в мире столь благоприятны условия для лесоразработок. Здесь на небольшой площади встречается целый «букет» ценнейших пород. Кроме того, рельеф Маники не затрудняет строительства дорог. Однако в колониальные времена тропические леса либо погибали своей естественной смертью, либо губились хищническими вырубками, сопровождавшимися пожарами. Вопрос об экологических последствиях подобной варварской эксплуатации лесных богатств Мозамбика португальцами даже не поднимался.

Только в условиях независимости в программных документах Партии Фрелимо ** было указано на необходимость изучения лесных ресурсов страны. Главный упор народная власть делает на учет лесных богатств в отдельных районах, на развитие лесной промышленности путем организации и контроля над разработкой наиболее ценных пород древесины, идущих в первую очередь на экспорт.

Когда попадаешь в благодатную, умеренно теплую Манику, не знающую ни засух, ни наводнений, все время ловишь себя на мысли: «Вот тут бы и строить дороги, развивать земледелие, не остерегаясь цеце, создавать животноводство, сюда бы переселять людей и их руками осваивать горы, отвоевывать у них плодородные тропические земли». Но парадокс политики моносервиса таков, что, обслуживая соседей, португальские власти предавали полному забвению интересы

* «Мулен руж» *(франц.)* — красная мельница.

** Партия Фрелимо — это название было принято на состоявшемся в феврале 1977 г. III съезде Фронта освобождения Мозамбика.

разумного освоения мозамбикской территории. Любопытно, что одним из первых внимание на это обратил крупнейший буржуазный исследователь экономики Мозамбика Р. Мартинш душ Сантуш. Он пишет, что, когда анализируешь развитие экономики Мозамбика в интересах моносервиса, становится понятным, «почему огромные и богатые районы этой страны с оптимальными климатическими условиями еще ждут освоения, тогда как бóльшая часть населения, как местного, так и пришлого, сосредоточена в низменных зонах, в бедных и вредных для здоровья районах приморской полосы, и именно там развивает свою хозяйственную деятельность».

Как только мы выехали за пределы Шимойо и свернули с дороги в Бейру, сооруженной когда-то для родезийцев, так тут же почувствовали справедливость этих слов. Богатейший, один из наиболее благодатных в природном отношении районов Африки остался не обжитым и не освоенным португальцами.

Последний мозамбикский населенный пункт перед границей с Зимбабве — Масекесе. Поднявшись повыше, на какую-нибудь гору, отсюда можно уже разглядеть Умтали — в прошлом столицу «британской» Маники, а чуть дальше на севере — уютные домики Пеньялонги. Как и повсюду в Африке, колониальные границы и здесь расчленили единый народ. Разделив территорию Мономотапы на «английскую» Родезию и «португальский» Мозамбик, колонизаторы расчленили между двумя странами и племена шона. Кстати, Масекесе — один из памятников тех времен, когда это единство еще не было нарушено. Отражая умонастроения каранга, в 1684 году на борьбу с португальцами поднимается один из вождей розве — Чангамире Домбо. Имя его, ныне незаслуженно забытое, в будущем, бесспорно, займет надлежащее место среди имен наиболее выдающихся политических деятелей освободительного движения в Африке. Собрав огромное войско в королевстве Бутуа, располагавшемся к юго-западу от Маники, Чангамире в 1684 году вторгся в пределы метрополии Мономотапы. Первая битва с португальцами и поддерживавшими их отрядами африканских лучников, продолжавшаяся целый день, казалось, должна была окончиться его поражением. Несмотря на проявленные розве чудеса героизма, их стрелам и копьям было не под силу противостоять огню аркебузов и мушкетов колонизаторов.

Однако с наступлением темноты Чангамире прибег к излюбленной хитрости античных полководцев, которую скорее пристало бы знать европейцам, чем африканцам. Как только село солнце, он приказал разжечь костры по всей долине, которую занимала его армия. Затем вождь послал своих людей на вершины всех соседних холмов, велев им через определенные промежутки времени разводить на них огонь. Появление каждого нового костра ассоциировалось у португальцев с

прибытием все новых подкреплений для армии Чангамире. Не дождавшись наступления утра, африканские наемники Лиссабона покинули поле боя. Вслед за ними бежали и португальцы.

Эта победа не только привела под знамена Чангамире бóльшую часть племен шона, но и вынудила пойти на открытый союз с ним самого Ньякамбиро, нового правителя Мономотапы.

Подчинив себе западную часть Маники, Чангамире кладет конец политическому влиянию португальцев за пределами нынешних границ Мозамбика. Он подчиняет себе все земли каранга, превращает Мономотапу в своего вассала. Затем Чангамире продвигается далее на северо-восток и появляется у стен Тете и Сены — главных и последних оплотов португальцев вне побережья. Со всей территории Мозамбика «знатные сеньоры и монахи бегут под защиту грозных пушек и двенадцатиметровых стен форта Сан-Себаштьян»,— констатирует хронист.

Воспитанные иезуитами черные предатели по приказу с острова Мозамбик проникают в ставку Чангамире Домбо. Не без их помощи при весьма загадочных обстоятельствах, приписываемых преданиями колдовству и черной магии, освободитель Мономотапы в 1695 году гибнет. Его преемник Себабеэ превращает имя Чангамире в династический титул. На первых порах он ведет себя по отношению к португальцам довольно либерально и восстанавливает кое-какие из их былых привилегий.

Однако делается это лишь для того, чтобы, задобрив мазунгаш, подтолкнуть их к продаже шона огнестрельного оружия. Получив отказ, Себабеэ вторгается в Зимбабве, ставит там у власти своего человека, запрещая этому мутапе любые контакты с белыми.

Лишь во второй половине XVIII века, когда влияние Лиссабона в Восточной Африке почти сошло на нет, а могущество Розве — так все чаще именуют новое государство — близилось к апогею, Чангамире соизволил разрешить португальцам вновь появляться в Манике. Однако вести какие-либо горнодобывающие работы им запрещалось. Торговать они могли лишь после уплаты «куруа» — налога, да и то лишь на ярмарках, которые были специально отведены властями для этой цели.

Самая большая среди этих ярмарок и возникла в Масекесе, который долгое время играл роль главного центра португальского присутствия в Манике, слыл столицей маникийских ярмарок. До сегодняшнего дня здесь сохранились остатки крепостной стены, фундаменты нескольких жилых домов старого Масекесе.

— Посмотрите на кладку этих строений, хорошенько ее запомните, а затем ступайте за мной, по дороге сопоставляя ее

с хрестоматийной «безрастворной» кладкой, употреблявшейся создателями знаменитых строений Зимбабве,— говорит Антонио, направляясь в сторону гор. Мы идем вдоль русла узкой кристально чистой речушки, в которой, играя на перекатах, прыгает форель. Затем сворачиваем вправо, огибаем пологий холм и выходим в довольно широкую, почти лишенную растительности долину, зажатую лесистыми горами.

Впечатление от первого знакомства с этой долиной такое, будто там работали опытные каменотесы, отделявшие от ее днища крупные плиты. Толщина этих плит примерно одинакова — 30—40 сантиметров, ширина — до метра, в длину же некоторые вдвое больше.

— Вам, конечно, понятно, что материалом для строительства крепости Масекесе служили эти плиты. Но догадываетесь ли вы, что их высекла сама природа? — спрашивает Антонио.

Действительно, вспомнил я, многие ученые, исследовавшие культуру Мономотапы, в своих работах отмечали, что граниты, кремнистые сланцы, кварциты и гнейсы, слагающие здешние плато, под воздействием довольно значительных суточных перепадов температуры, деятельности ветра и грунтовых вод расслаиваются на плиты разной величины, имеющие зачастую почти гладкую поверхность.

— Расисты от науки до сих пор силятся доказать, что каменное строительство привнесено в эти районы извне, что знаменитые сооружения Зимбабве и другие многочисленные архитектурные памятники, сохранившиеся в пределах бывших границ Мономотапы, если и не сооружены руками финикийцев, египтян, «посланцев Соломона», то уж во всяком случае результат их «руководящей идеи»,— продолжает Антонио.— А между тем совершенно не надо было быть гениями архитектуры и строительного дела, чтобы начать класть эти «вырезанные» природой плиты одна на другую, воздвигая сначала примитивные ограды, а затем хижины и строения позамысловатее вроде дворца и акрополя в древнем Зимбабве. Крепость в Масекесе строили ведь португальцы, но они пошли тем же путем, что и местные жители: попросту пригоняли одну плиту к другой, стремясь, чтобы их естественные неровности служили лучшему сцеплению. Сопоставьте кладку безвестного португальского Масекесе и кладку знаменитого африканского Зимбабве — и вы сразу же придете к выводу: суть одна и та же. Это знаменитая сухая кладка — строительство без использования связующего раствора, без специальной предварительной обработки плит, в расчете на их естественную «притирку». В этих местах действительно нельзя пройти и десяти шагов, не натолкнувшись на следы древнего каменного строительства, ведь Пеньялонга отсюда в каких-нибудь десяти километрах по прямой.

— Ну а сохранились ли какие-нибудь следы этой древней

традиции каменного строительства в современной бытовой деревенской архитектуре? — спрашиваю я.

— Я как раз и хотел предложить вам съездить в один из тех немногих районов, где каменное строительство еще живо. Хотя вообще-то тут трудно было чему-либо сохраниться. Ведь не успел закончиться длившийся до середины XIX века конфликт шона с португальцами, как у западных границ Мозамбика появились англичане, начавшие создавать Родезию как переселенческую колонию, как «страну белого человека». В отличие от португальцев, которых в мозамбикской части Маники не интересовало ничего, кроме золота, англичане в родезийских районах Маники видели главное богатство в плодороднейших почвах и благодатном климате. У африканцев в районе Умтали начали отбирать все земли, перепахивая их под плантации в будущем знаменитого родезийского табака. Десятки тысяч обезземеливших шона мигрировали на восток, на земли, совсем недавно покинутые их мозамбикскими соплеменниками. Но, подвергаясь гонениям португальских властей, они чувствовали себя беженцами и не были склонны заниматься фундаментальным каменным строительством. Так впервые за много веков на склонах Маники вновь появились тростниковые хижины.

Будучи еще студентом, я облазил в этом районе все, что было можно,— продолжал Антонио.— И совершенно неожиданно нашел то, что искал, не в Манике, а к северо-востоку от нее, в труднодоступных горах Горонгоза. Там еще в XVII веке обосновались земледельческие племена маньика и ндау, относимые теперь к шона. Спасаясь от португальцев, они сначала жили в многочисленных пещерах гор Горонгоза, но затем, убедившись, что чужеземцы не суются в этот неприветливый край, вспомнили и о каменном строительстве, и даже о сыродувной черной металлургии.

Разгадка каменного строительства: помощь природы

За Вила-Говеа — еще одной португальской «столицей» Маники — мы свернули с древнего тракта на восток. «Макоса»,— было написано на выщербленном дорожном указателе. Дороги, правда, никакой не было, но по усыпанным щебенкой водоразделам и руслам сухих рек, покрытым слоем мелкого, порою сцементировавшегося песка, машина катила довольно бодро. Иногда приходилось объезжать высокие гранитные купола, круто возвышавшиеся над ровной поверхностью древних плато, почти сплошь покрытых уже знакомыми нам плос-

кими плитами. Строительного материала хватило бы здесь на целый город из гранита.

— Между прочим, обратите внимание на песок, покрывающий речное дно,— заметил Антонио, как только мы начали перебираться через русло реки Ньяндуге.— Он гранитный и образовался в результате выветривания этой горной породы на протяжении долгих миллионов лет. В сезон дождей вода перемешивает его мельчайшие частицы с гранулированной глиной, и получается то, что шона называют «дагой»,— созданный самой природой строительный материал, по своим качествам мало чем отличающийся от цемента. Даге обязана своим возникновением и знаменитая керамика шона — огромные сосуды для хранения воды, а раньше и зерна. Такие сосуды, для маскировки слегка обляпанные глиной, очень похожи на валяющиеся вокруг валуны. Португальцы, рыскавшие вокруг в поисках продовольствия, даже и не догадывались об их существовании, как не догадываетесь и вы, что находитесь метрах в ста от деревни, в которую мы направляемся. Попробуйте найдите ее.

Я удивленно посмотрел на Антонио, огляделся вокруг, но ничего не заметил. Затем, остановив машину, вышел из нее и стал внимательно всматриваться в причудливые формы местного рельефа. На равнине — хаос гранитных глыб с ржаво-красным загаром, по склонам холмов — какие-то чахлые баобабы, на вершинах холмов..? Память опять выдала информацию: шона предпочитали селиться на возвышенных местах, именно поэтому двигавшиеся внизу португальцы оказывались отличной мишенью для их лучников. Первый, второй, третий холм венчали лишь готовые сорваться вниз огромные камни. Четвертый, пятый, шестой, седьмой холм... Едва заметная голубая струйка дыма, в дневное безветрие перпендикулярно поднимавшаяся в синеву неба, выдала мне место, где, слившись с природой, обосновалась деревня ндау.

— Нашел! — победоносно кричу я.

— Лучше поздно, чем никогда,— иронизирует Антонио.— И согласитесь, что, не появись дымок, вы бы простояли здесь до тех пор, пока не получили бы солнечного удара. Архитекторы шона обладали удивительным искусством «вписывать» жилища и даже целые деревни в ландшафт, подражая формам природы. Вот почему очень многое оказалось португальцами незамеченным, а затем и утерянным.

Устроившись в тени машины, мы рассматриваем снизу деревню. Одна хижина с округлой крышей своими очертаниями удивительно напоминает камень-валун, другая прячется за скалой, которая одновременно служит стеной, третья висит над обрывом, подобно одному из тех камней, что стерегут тропинки на вершину холма.

По одной из этих тропинок поднимаемся и мы. На полпути нам встречается громкоголосая ватага восторженных маль-

чишек. Традиционные приветствия и небольшой подарок старейшине деревни, вопросы мужчин о последних событиях в мире, удивление, затем и радость от того, что к ним пришел советский человек — амигу *.

Подходит средних лет мужчина с двух-трехлетним мальчуганом на руках. Расталкивая собравшихся, протягивает мне сына.

— Я партизанил в отрядах ФРЕЛИМО,— говорит он.— А когда вернулся сюда, первого же родившегося у меня сына назвал Калаш. А меня зовут Мпфуму.

«Калаш» — распространенное среди фрелимовцев сокращенное название советского автомата Калашникова, помогавшего мозамбикским патриотам отвоевывать независимость своей родины. На севере, где шли основные бои против колонизаторов, я встречал десятки мальчишек по имени Калаш, в котором отразилась глубокая благодарность народа Мозамбика за бескорыстную помощь нашей страны. Но подобная встреча в этой горной глуши удивила и растрогала меня.

— Желаю тебе счастья, Калаш Мпфуму,— обнимая ребенка, говорю я.— Тебе повезло — ты родился хозяином на своей древней земле.

Потом к Мпфуму обращается Антонио. Они что-то долго обсуждают на изобилующем скороговорками языке чишона, затем Кошта резюмирует:

— Я попросил Мпфуму быть здесь нашим экскурсоводом. Думаю, вам не менее интересно послушать местного жителя, чем историка-профессионала. Мпфуму многое может рассказать.

Тот кивает головой в знак согласия и, довольный выпавшей ему ролью, тотчас же начинает:

— Деревня у всех людей шона называется «муша». Моему отцу сказал его дед, а его деду — его прапрадед, что эта муша построена так, как раньше строились селения по всей стране шона. У нас, в долине Ньяндуге, создают коллективную деревню — «алдейя коммунал», где все будут работать в поле вместе. И мы решили, что построим эту деревню похожей на нашу мушу, потому что в ней удобно жить.

— С чего же начинается строительство муши?

— Надо выбрать холм, у которого большая плоская вершина, откуда все видно. В середине эту вершину мы расчищаем от камней. Некоторые из них скатываем вниз, а другие отодвигаем к краю вершины. Там, между камнями, и ставим хижины. Если площадка, на которой должна стоять хижина, неровная или земля под ней влажная, то делаем...— Мпфуму запнулся, подыскивая нужное слово.

— Фундамент,— подсказал Антонио.

---

* «Амигу» *(португ.)* — друг.

— Да, делаем фундамент из плит, которых полным-полно внизу. Из таких же плит можно выложить пол. Но чаще всего поверх земли мы накладываем раствор даги. Так лучше, потому что между трещинами плит любят селиться змеи. А в даге трещин нет...

— Фундамент построен, пол зацементирован, что же дальше? — поинтересовался я.

— Дальше? — Мпфуму вопросительно посмотрел на Антонио и что-то сказал на чишона. Тот утвердительно кивнул головой.

— Дальше кто как хочет. Можно позвать из соседней муши старого мгангу *. Он вобьет посреди пола деревянный кол, обольет его кровью белого петуха и скажет: «Мир этому жилищу». А можно и не звать мгангу, а делать так, как советует ФРЕЛИМО: пригласить всех соседей и с их помощью сообща строить хижину.

— Из чего? — спросил я.

— Каркас дома мы делаем из деревянных кольев. Потом оплетаем его прутьями, а затем обливаем раствором даги. Даговые хижины стоят очень долго и не промокают от дождя. Вот почему мы хотим строить такие хижины и в «алдейя коммунал».

— А кто же сооружает каменные изгороди вокруг всей вершины холма?

— Изгороди строят сообща, потому что они служат всем. Но возводят их только после того, как появляется первый ряд хижин. И ремонтируют эти изгороди-стены все. У нас, как и в других мушах, все мужчины делятся на каменотесов и переносчиков камней, занятых внизу, в долине, и каменщиков, работающих здесь, наверху. Когда наступает время ремонта или когда внутри селения образовывается второй или третий круг из хижин, которые надо отделить стеной, каждый знает свое дело.

— И на этом строительство деревни кончается?

— Почему же кончается? — удивился Мпфуму.— Я еще не рассказал про центр муши. Его тоже покрывают раствором даги, потому что в центре деревни ночует скот. Ближе к центру, на высоком каменном фундаменте, строят также общественные амбары из даги.

Мы обошли деревню, которая, как и следовало из рассказа Мпфуму, представляла собой типичный крааль — селение, окружающее загон для скота. Однако в отличие от южноафриканских краалей, обитатели которых предпочитают селиться на равнине и сооружают свои жилища из тростника, жители этих мест вели строительство на холме и в камне.

Затем мы зашли в хижину приветливого Мпфуму, по мест-

---

* Мганга *(банту)* — отправитель местных религиозных культов, знахарь.

ному обычаю, с помощью тростниковой трубки попили пива из общего кувшина и еще раз пожелали много радости Калашу, спавшему прямо на даговом полу.

— Амигу обидит меня, если не посмотрит мою кузницу,— проговорил Мпфуму, когда мы покидали его жилище.— Это совсем недалеко отсюда, на склоне холма у одной из троп, по которой мы будем спускаться вниз. В отряде ФРЕЛИМО я научился многому. А с металлом в этих краях сейчас туго, да и не всякий твердый заводской металл мне здесь под силу обработать. Поэтому я и плавильную печь построил, старики помогли...

Когда мы подошли к кузнице, разместившейся в пещере, и я увидел печь, стоящую между скалами, то не поверил своим глазам. Трудно было представить, что ее соорудили, даже не имея рисунков, воспроизводящих сооружения древних металлургов, только по рассказам стариков.

— Ну, что скажете? — прозвучал из-за моей спины лукавый вопрос Антонио.

— Так ведь это же почти точная копия конической башни руин Великого Зимбабве — столицы Мономотапы, форма которой вызывает так много толков у ученых! Хоть беги в машину за путеводителем и сличай с фотографией.

— Ах, если бы не было так жарко, я бы обнял вас и расцеловал! — довольно хлопая меня по плечу, засмеялся Антонио.— Это же моя старая идея! Башня Великого Зимбабве — своего рода памятник, символ плавильной печи как первоисточника богатства и могущества Мономотапы. По всей стране каранга были разбросаны маленькие печи, поставлявшие железо на экспорт, а в ее столице, на удивление иностранным купцам, выросла печь гигантская, царь-печь. Но и форма и кладка у них одинаковая, равно как очень много одинакового вообще в архитектуре и технике строительства как этой деревни, чудом пронесшей через века древние традиции каранга, так и многочисленных каменных построек эпохи Великого Зимбабве. Эта муша дает возможность проследить, с чего все началось в Мономотапе и как все развивалось: от примитивных плавильных печей, даговых хижин и каменных стен, сложенных техникой сухой кладки, к торговле железом и архитектурным шедеврам Зимбабве. И все — по подсказке африканской природы, благодаря смекалке местных жителей, но без всякой помощи неких высокоразвитых пришельцев!

Мпфуму рассказал нам, как, основываясь на советах стариков, он воссоздал в своей деревне издревле известное у шона изготовление железа. Легкоплавкую руду — концентраты окислов железа, которые нередко в тропических районах содержат до 70 процентов металла,— собирают на дне небольших речушек. Измельченные куски такой руды, прослаивая древесным углем, загружают в печь через ее верхнее отверстие. Необходимую высокую температуру пламени поддер-

живают с помощью мехов из шкур антилоп, которыми непрерывно нагнетают воздух через специальные фурменные отверстия, оставленные в нижней задней части печи. А через отверстия в передней части, замазываемые на время плавки металла глиной, извлекают с помощью толстых сырых кольев крицу.

Затем уже на открытом огне, на меньшем жару, эту крицу несколько раз переплавляют, отделяя уголь и шлак до тех пор, пока не получится металл, пригодный к обработке в кузнице. Следы этого древнего и мудрого своей простотой металлургического процесса я не раз встречал в «азанийском поясе» Замбии и Кении.

...По тропке, указанной Мпфуму, мы поехали на север. Вдоль нашего пути теснились причудливые канделябры молочаев, и всякий раз, когда наша машина ломала их мясистые, лишенные листьев ветви, растения обильно проливали на красную землю белый, словно молоко, сок.

— Есть легенда о молочаях,— нарушил окружавшую нас тишину Антонио.— В ней говорится, что африканские женщины, погибшие во время борьбы против добычи золота, отдали этим растениям свое молоко до лучших времен, с тем чтобы, когда земля шона освободится от чужестранцев, природа взрастила на ней сильных и смелых людей. Под наиболее старыми и уважаемыми молочаями общинники маньика и ндау проводили церемонию посвящения юношей в мужчин. На густом и горьком соке растений, символизировавшем у шона молоко героически погибших женщин, юноши клялись: ни при каких условиях, ни под какими пытками не выдавать иноземцам тайны древних рудников.

И они сдержали свое слово. Исчезли, превратились в священный фетиш, недоступный для глаз чужестранцев, карты золотоносных мест времен Мономотапы, вычерченные на ткани, изготовленной из древесного луба. Португальские хронисты с нескрываемым удивлением отмечали, что эти карты свидетельствуют о тонком знании туземцами геологии своей местности и никогда не подводят. Конкистадоры на протяжении веков охотились за этими картами, но так и не убедили шона вынуть их из тайников. В 1970 году в золотоносной Манике португальцами был добыт лишь один килограмм золота!

Однако спецслужбы ЮАР, действуя по совету амазизи — знахарей и колдунов-готтентотов, издревле практикующих среди шона, организовали нечто вроде... археологических раскопок в Северном Трансваале. Там, в фундаменте дома летней резиденции одного из Чангамиров, в тайнике, выложенном все тем же способом безрастворной кладки, они обнаружили несколько обрывков карт на лубе. Их сопоставили с современной топографической картой и без труда определили район, о котором идет речь. Результатом этой находки стало создание в 1971 году консорциума для эксплуатации старых рудни-

ков Маники, куда вошли три юаровские компании — «Миндеп оф Саут Африка», «Саут Африкен файненс корпорейшн» и «Минерал депозитс оф Саут Африка» — и две португальские — «Маника аурифера» и «Маника минас». Геологические изыскания позволили этому консорциуму сделать в своем отчете за 1974 год вывод: «Изученный район Маники имеет весьма перспективные для разработки современными промышленными методами месторождения золота». В преддверии событий 1975 года вся документация об этих месторождениях была вывезена в ЮАР.

Однако провозглашение независимости НРМ отменило клятвы, которые на протяжении трех столетий давали под молочаями шона. В конце 1975 года в отделение ФРЕЛИМО в Шимойо пришел один из старейшин розве и положил на стол комиссару карту рудников в треугольнике Масекесе — Мавонде — Пунгве. Другой старейшина рассказал о тайнике с важными документами, который был устроен под самым носом у колонизаторов, на труднодоступной скале Массере, где, словно в природной крепости, отсиживался, опасаясь местного населения, гарнизон мазунгаш. По следам древних рудознатцев пошли современные геологи. Необходимость создания государственного предприятия по добыче золота в Манике подчеркивается в Директивах Партии Фрелимо по социально-экономическому развитию НРМ.

— Ну, вот и кончается наше путешествие по Манике,— говорит Антонио.— И если хотите продолжать его по следам истории, то нам следует теперь отправиться на Замбези. Потерпев фиаско с золотом в Мономотапе, португальцы с конца XVIII века превращают эту реку в главную артерию своей активности в Мозамбике, укрепляют крепости в Сене и Тете. Потери прошлого они надеются компенсировать с помощью сказочных прибылей, которые сулит им торговля слоновой костью и живым товаром.

Кооператив у моста через Замбези

В небольшой городок Мутараре, возникший по чьей-то злой прихоти посреди широченной поймы ежегодно разливающейся Замбези, мы прибыли с двуединой целью: посетить Сену, расположенную на противоположном берегу, и сфотографировать мост, переброшенный через главное русло, бесчисленные рукава и старицы великой реки. Это самый большой железнодорожный мост на континенте и, как утверждают, третий по длине во всем мире.

В Мутараре я, Антонио Кошта и корреспондент из ГДР

Вольфганг Вагнер прилетели на четырехместном самолетике «Чесна». Еще в воздухе, пролетая над мостом, мы договорились, что самолет будет ждать нас, пока мы закончим свои дела, а потом увезет в ближайший провинциальный центр — Келимане. Однако, едва «Чесна» плюхнулась на усыпанную болотными кочками посадочную полосу аэродрома, машину обступили явно чем-то возбужденные мужчины.

Встречавший нас комиссар Мутарары камарада Нафаси объяснил:

— Группа «динамизаторов» — молодых активистов ФРЕЛИМО — еще ночью поймала трех диверсантов, пытавшихся втащить на мост солидную порцию взрывчатки. Преступники признались, что являются членами террористической организации, финансируемой из ЮАР. Один из них даже прошел там курс подрывных наук. О случившемся сообщили в Келимане, откуда потребовали: «Задержанных срочно доставить в Мапуту».

Так что наш самолетик, даже не успев выключить двигатели, вновь взмывает в воздух. Антонио сразу же находит попутную машину и отбывает в Сену, а Вольфганг и я поступаем в полное распоряжение камарада Нафаси, который предупреждает: «Приготовьтесь, что расстанемся не скоро. В аэропорту Келимане нет горючего, так что новый самолет придется подождать».

Поимка террористов взбудоражила обитателей обычно сонного городка. Наши увешанные фото- и киноаппаратурой фигуры вызывают у африканцев подозрение. Всякий раз, когда мы выходим на улицу и удаляемся на два-три квартала от дома, бдительные жители «задерживают» нас и доставляют для разбирательства к комиссару. Нафаси объясняет им что к чему, «освобождает» нас, но вскоре все повторяется сначала.

Тогда комиссар приставляет к нам солдата ФРЕЛИМО с автоматом наперевес. Завидев нашу троицу, мутарарцы решают, что фрелимовец изловил белых диверсантов, и предлагают солдату свои услуги. На местном языке тот не разговаривает и не может разъяснить что к чему. Поэтому каждый встречный, движимый патриотическими чувствами, присоединяется к солдату, с тем чтобы воспрепятствовать нашему бегству. Вскоре мы оказываемся в окружении с полсотни явно враждебно настроенных людей, отпускающих в наш адрес язвительные замечания. Заниматься съемками в подобной обстановке нечего и думать.

Приходится вновь искать убежище в комиссарском доме. Нафаси выходит на балкон и, пользуясь тем, что к нашей «охране» присоединилась добрая половина мужского населения Мутараре, объясняет:

— Товарищи, Партия Фрелимо учит, что не все белые — наши враги. Мы не расисты. Эти двое людей — первые, кто

приехал в Мутараре из стран, которые всегда помогали нашей борьбе. Это друзья из Советского Союза и ГДР. Принимайте их в Мутараре как добрых гостей.

Наши недавние недоброжелатели улыбаются и, выбрасывая руку в рот-фронтовском приветствии, скандируют: «Вива СССР!», «Вива ГДР!», «Вива ФРЕЛИМО!» Затем кто-то притаскивает тамтамы. Их призывная дробь служит для всех сигналом к танцу. Прямо на улице жители Мутарары выделывают незатейливые «па».

В самый разгар плясок на террасу комиссарского дома поднимается молодой высокий африканец, одетый в костюм «сафари» в отличие от всех танцующих, довольствующихся шортами. Он приветливо здоровается с комиссаром, о чем-то довольно долго говорит с ним на местном языке, затем обращается к нам по-португальски.

— Мое имя Вашку Жоао Альфреду,— протягивая нам руку, говорит он.— Камарада Нафаси мне сообщил, что он не сможет сегодня показать вам мост. Поэтому хочу предложить познакомиться с работой кооператива резчиков по дереву, которым я руковожу.

И вот мы вновь идем по чавкающим, насквозь пропитанным влагой улицам-тропкам Мутараре, огибающим речные рукава и старицы, покрытые сплошным ковром ярко-фиолетовых кувшинок и водных гиацинтов. Впереди, разлившись по равнине, лениво катит воды широченная Замбези. За ней, насколько хватает глаз, необъятная заболоченная зеленая пойма.

— Как это получилось, что кооператив резчиков по дереву возник именно в этом безлесном крае? — интересуюсь я.

— Людям, в первую очередь мужчинам, надо было дать заработок,— балансируя на доске, переброшенной через месиво черной грязи, говорит Вашку.— Это только кажется, что кругом много воды и здешние места приспособлены для сельского хозяйства. С наступлением «большой жары» жижа, что под нашими ногами, превратится в нечто вроде асфальта. Его не то что лопатой, а и топором не разрубишь. На этот период, продолжающийся семь-восемь месяцев в году, мужчины уходили либо на плантации побережья, либо в города. Окрестные деревни скудели, поскольку в них оставались лишь женщины.

— Но коль в округе были мастера, умевшие резать дерево, они могли бы в сухой сезон заработать на месте,— резонно заметил Вольфганг.

— В том-то и дело, что мастеров здесь тоже почти не осталось. Не забывайте: на противоположном от Мутараре конце нашего знаменитого моста находится Сена. А там самая первая и самая старая португальская крепость на Замбези. Колонизаторы обосновались в этих местах через каких-нибудь 30—40 лет после плавания Васко да Гамы. Белые чиновники и церковники вытравляли местные традиции и обы-

чаи, разрушали нашу культуру. На землях народа сена католические падре устраивали аутодафе священных масок и запрещали древние ритуальные пляски. Вы заметили, наверное, как танцевали сегодня в вашу честь местные жители?

— Честно говоря, мне показалось, что они исполняли скорее нечто вроде рок-н-ролла,— признался я.

— Вот именно,— кивнул головой Вашку.— Молодежь не знает наших традиционных плясок и учится танцевать у тех, кто пожил в городе. А там сами знаете, что за стиль...

— Тогда тем более непонятно: дерева нет, мастеров не осталось, как же возник кооператив резчиков? — с немецкой педантичностью допытывался мой коллега.

— До завоевания независимости я партизанил в Кабу-Делгаду. У жителей этой лесной провинции — маконде я впервые увидел поразившие мое воображение огромные деревянные резные столбы черного дерева мпинго, увитые рельефными изображениями полуфантастических существ, и крохотные, но прекрасно выполненные фигурки людей-тружеников. Потом меня назначили руководителем одной из освобожденных зон Кабу-Делгаду,— продолжал Вашку.— В перерывах между боями с португальцами я стал пробовать свои силы в резьбе, присматривался к работе старых мастеров маконде. Я перенял у них творческую манеру и технику резьбы. А героями моих первых скульптур стали окружающие меня люди — комиссары ФРЕЛИМО, крестьяне освобожденных районов, первые учителя и их первые ученики. В те последние годы антиколониальной войны в Мозамбике резьба маконде была существенным источником казны ФРЕЛИМО. Мы переправляли наши изделия в Танзанию, а оттуда они расходились по всей Африке. Говорят, что мои скульптурки — «революционные маконде», как их стали называть,— пользовались даже бóльшим спросом, чем работы традиционалистов.

— Но как все же возник кооператив? — гнет свою линию Вольфганг.

— Еще тогда, в лесах Кабу-Делгаду, у меня зародилась идея: а почему бы древнее искусство резьбы по дереву, ранее известное и у народа сена, не возродить на новой основе? Вернувшись в 1976 году в Мутараре, я было принялся за поиски старых мастеров, но отвлекли более неотложные дела: меня назначили руководителем группы «динамизаторов».

Потом пришел 1977 год, и меня избрали делегатом III съезда Партии Фрелимо. На нем приняли решение о выборе Мозамбиком социалистического пути развития. Делегаты съезда говорили о необходимости создания по всей стране кооперативов, об использовании местных ресурсов, о роли инициативы на местах, о необходимости борьбы с безработицей, особенно среди молодежи. И тут я опять вспомнил о своих «деревяшках».

Свой рассказ Вашку заканчивал, когда мы переступали порог огромной хижины из тростника, заваленной пряно пахнущими щепками мпинго и жамбира. Под ее пологом работали десятка два парней. Еще шесть человек разместились снаружи, с теневой стороны мастерской.

По правде сказать, первое знакомство с образцами изделий, вышедших из-под их резца, вызвало у меня разочарование. Подумалось, что я попал не к скульпторам, а к мебельщикам-чернодеревщикам. Почти все трудились над изготовлением витых ножек, по рисунку напоминавших сплетение змей. Кое-кто приделывал к такой ножке дискообразную подставку снизу и нечто вроде деревянной резной тарелки сверху — получалась пепельница. Другие соединяли ножки резными перекладинами, и вырисовывался скелет квадратных или шестиугольных столиков. Искусно вырезанные, отлично отполированные, эти атрибуты житейского быта поблескивали на солнце своим эбеновым великолепием. Но при чем тут искусство, и тем более африканское?

Вашку представил нас, назвал по именам своих коллег, потом подозвал к себе двоих:

— Вот с ними — Жоао и Рашиди — мы и начинали наш кооператив. Во всей округе только они умели тогда хорошо владеть резцом. Жили в Сене, при католической миссии, где и резали вот такие заготовки для мебели. И еще кое-что...

— Не скрывай, чего не надо,— улыбаясь, перебивает его Жоао.— Чаще всего резали крестики из жамбира. Падре продавал их верующим, уверяя тех, что они «святые». Еще резали изображение Христа, распятого на кресте, и силуэт Марии Магдалины. За выполненную норму — пять ножек или тридцать крестиков в день — платили 12 эшкуду. Это меньше чем полдоллара. За Магдалину, правда, давали в два раза больше.

— Сюжеты, сами понимаете, не для нашего кооператива,— говорит Вашку.— Попробовали мы работать по тем образцам, которые я привез из Кабу-Делгаду. Получалось, но дело непривычное, на первых порах на одну фигурку по неделе уходило. Ведь старики у маконде как работали? По вдохновению, после того как их во сне дух предка посетит. Им спешить некуда. А кооператив работает по плану. Чтобы в него привлечь людей, особенно молодежь, надо было прежде всего обеспечить заработки. Вот тогда-то мы и решили: на первых порах будем резать только заготовки для мебели, а также всякие хозяйственные мелочи — ступки, коробки для хранения крупы и муки.

На первых порах мы втроем и были «кооперативом». Потом нашли в округе первых учеников. Через месяц они уже научились орудовать стамеской.

Постепенно начала налаживаться и кооперативная «экономика». Сначала изделия резчиков повадился оптом скупать

за бесценок местный торговец-пакистанец. Однако вскоре выяснилось: в открытый в Мутараре «ложа ду пову» (народный магазин) сдавать их куда более выгодно. Государство платило кооператорам в три-четыре раза больше, помогло наладить сбыт в Келимане, Нампуле, Бейре и других городах. Там легкоразбираемую жамбировую «мебель» на витых ножках нарасхват покупали туристы. От столичного магазина поступил заказ: сделать подставки для торшеров, украшенные рельефными фигурками. Тут-то Вашку и пригодились уроки маконде! Через полтора месяца в Мапуту ушли первые сто подставок, сделанные из вырезанных из эбена человеческих фигурок. И сразу же подскочили заработки.

— Все это интересно и очень здорово,— задумчиво произнес Вольфганг.— Но пепельницы, торшеры, ступки... Это ведь так далеко от подлинного африканского искусства с его непредвиденными находками. Не хочется ли вам попытаться возродить то, что было забыто под влиянием церковников?

— О, я ждал этого вопроса,— улыбнувшись, произнес Вашку.— Сегодня пятница, да и та на исходе, суббота — день работы на коллективной машамбе, в воскресенье все, конечно, отдыхают. А вот в понедельник поговорим о «возрождении забытого»...

Форт Сена: маски зовут на борьбу

Дивно красив заход над Замбези. Я сидел на террасе комиссарского дома, некогда служившего «загородной резиденцией» португальскому наместнику в Сене, и наблюдал, как пурпурное светило погружается в воду великой реки, окрашивая ее все в более яркие красные тона. То розовыми, то кроваво-алыми бликами отсвечивают озерки и лагуны. Сначала как бы блекнет, желтеет, а затем становится кирпично-бурой еще час назад изумрудная трава поймы. Ветер шевелит краснеющие на закате метелки рогоза, и они начинают искриться фантастическим фейерверком. Но вот бордовые облака нагоняют зловеще черные тени на это великолепие красок. «Когда впервые видишь красные закаты в долине Замбези близ Сены, наивно думаешь, что наблюдаешь чудо необычной красоты,— писал португальский путешественник С. де Перрейру.— Но когда наблюдаешь это чудо во второй раз, то знаешь: это кровавое предзнаменование того ужаса, который наступает с наступлением темноты».

Все началось сразу же после семи. Впечатление было такое, будто, погрузившись в Замбези, солнце изгнало из нее мириады комаров и мошек. Они пищали, жужжали, кусались и жалили. Мы с Вольфгангом ретировались с террасы, но в

доме летающих тварей оказалось не меньше. Сетки на окнах через какие-то полчаса были почти сплошь покрыты насекомыми, и мы даже начали испытывать недостаток воздуха. Не проходило и двух-трех минут, чтобы в оконное стекло что-то не стукнулось. Сначала мы думали: это кто-то из местных, еще не знающих, что мы не диверсанты, кидает в окно камешки. Но камарада Нафаси, вернувшийся из поездки на машамбу, объяснил: это жуки. Они были величиной с голубиное яйцо, иссине-лиловые, со страшными мохнатыми лапами.

Мы долго не отваживались зажигать свет. Но перед ужином это все же пришлось сделать, и тогда из всех щелей на лампу начали слетаться личинки термитов. Они истово бились о все блестящие предметы с единственной целью — избавиться от крыльев. Пока мы поглощали курицу в жестоком соусе из красного перца, термитов стало меньше, но зато вся скатерть и еда покрылись их прозрачными крыльями. Когда подали кофе, движок местной электростанции перестал стучать, и все погрузилось во тьму. Замолк и кондиционер воздуха. Из черноты ночи на нас стал надвигаться липкий, осязаемо влажный воздух.

— Пока еще можно дышать, следует попытаться уснуть,— поделился опытом Нафаси.— Вот вам карманный фонарь. Если среди ночи появится змея или что-нибудь вам непонятное, не поднимайте паники, но меня позовите — я сплю в соседней комнате. Завтра с утра едем осматривать мост. Боа нойте *.

Какой уж тут покой! Везде и всюду что-то продолжало пищать и кусаться. К полуночи взошла полная луна, и тогда звуки насекомых потонули в неистовых криках, поднятых лягушками. Можно было, конечно, представить себе, сколькими миллионами исчисляется лягушачье население широченной заболоченной долины Замбези. Уверен: никто из них не молчал в эту ночь! Я знал, что ни львов, ни слонов давно нет в освоенном районе Сены. Но, будь они совсем рядом, им бы не удалось перекричать кваканья и трелей обитателей замбезийских вод...

Наступившее наконец утро избавило нас от пыток.

Путешествие по мосту оказалось достаточно интересным. Передвигались мы на дрезине.

Мост носит название «Донна Анна». Строили его не столько португальцы, сколько англичане, стремившиеся дать выход к морю своим богатейшим владениям в Центральной Африке — Южной и Северной Родезии, Ньясаленду. На сооружение моста, начавшееся в 1925 году, ушло восемь лет. Одновременно на строительстве работали 6 тысяч африканских рабо-

* «Боа нойте» *(португ.)* — спокойной ночи.

чих, из них ежедневно погибало не менее 60 человек. Поэтому местные жители предпочитают называть «Донну Анну» «мостом смертников».

Над самым руслом Замбези висит не более одной пятой этого гигантского сооружения. Остальная часть «шагает» над ее рукавами, заболоченной поймой, гиблыми топями, ставшими пристанищем тысяч птиц.

Через каждые полкилометра вооруженные патрули солдат останавливают нас. Хотя Нафаси знают в лицо, солдаты придирчиво проверяют наши документы.

— Мост имеет огромное стратегическое значение для народной республики,— поясняет Нафаси.— Он связывает провинцию Тете с остальной страной, дает выход к океану нашей угольной кочегарке — Моатизе, ведет к Каора-Бассе — самой большой ГЭС во всей Тропической Африке, обслуживает перевозки транзитных грузов из Зимбабве, Замбии, Малави.

Наконец мы на противоположном берегу. Вот и Сена — один из главных и самых старых оплотов португальцев во всей Африке, существующий с 1530 года. Отсюда в глубь континента уходили первые белые землепроходцы, открывшие для Европы существование Мономотапы, системы Великих озер, знаменитых порогов на Замбези. Из Сены же наместники Лиссабона руководили военными факториями на землях непокорных соседних народов.

У въезда в город нас встречает Антонио. Водя нас по улицам Сены, он рассказывает:

— Как и повсюду в Африке, португальцы за долгое время своего «цивилизаторского правления» не оставили здесь ничего, кроме нищеты. Местный архив давным-давно вывезен, в иезуитском колледже, основанном в середине XVII века для подготовки духовенства из числа белых и африканцев, не осталось никаких документов.

Мы осматриваем единственную из архитектурных «достопримечательностей» Сены — увенчанные католическим крестом ворота существовавшей когда-то крепости, за стенами которой прятались солдаты и миссионеры. Во всем остальном это обычная африканская деревня, разве что размером побольше соседних. Вокруг — необозримые плантации хлопчатника кооператива «Синшал» — одного из передовых хозяйств молодой республики.

— За то время, что вы кормили комаров в Мутараре, я поговорил с теми немногими португальскими старожилами, которые здесь остались,— продолжает Антонио.— И все они в один голос объясняют отсутствие каких бы то ни было «вековых следов» португальского присутствия в Сене тем, что со дня основания город этот подвергался непрекращающимся нападениям местного населения. Несмотря на некогда высокие крепостные стены, его без конца разрушали и жгли. Один из белых, которых здесь осталось не больше десяти, дал мне

старый номер «Бюллетеня Географического общества Лиссабона» за 1882 год. Вот что там было написано:

«Сена все больше походит на умирающий город. Его жители часто вынуждены платить дань местным туземцам, а ночами баррикадироваться от львов. Воздух, которым приходится там дышать, переполнен зловонными парами, поднимающимися с застаивающихся вод Замбези. Церковь господня остается единственным прибежищем душе и телу в этом городе, где белый человек тщетно пытается утвердиться вот уже почти четыреста лет».

— И вот что интересно,— говорит Нафаси,— именно в Сене, где католические церковники повесили крест на всех африканцев и как будто вытравили из их сознания все, что связано с племенными традициями, мы нашли людей, которые больше чем кто бы то ни было помогли нам эти традиции вспомнить. И знаете, кто оказался среди них первым? Местный курандейру!

— «Курандейру»? — удивленно переспросил Антонио.— Ритуальный знахарь?

— Он самый! Падре из местной миссии подвергали его таким гонениям, так озлобили против мазунгаш, что он постепенно перешел на сторону антиколониальных сил. Собирал и пересылал через наших людей целебные растения и змеиные яды, которые использовались в лесных лазаретах ФРЕЛИМО. Лечил патриотов, искалеченных в тюрьмах ПИДЕ или раненных во время столкновений с карателями. А когда пришла независимость, наш курандейру, вытащив из своих тайников старые священные маски и фигурки-тотемы, заявил: «Готов поставить их на службу строительства нового общества».

Тут споров конечно же разгорелось много. Ведь раньше, надев маску, курандейру изгонял злых духов, запугивал врагов, общаясь с «предками», навязывал рядовым соплеменникам их «волю», а вернее, волю старейшин. Сами понимаете: социалистические идеи подобным образом пропагандировать не станешь. Но мы нашли все-таки способ использовать маски в своей пропагандистской работе.

— Нельзя ли познакомиться с вашим прогрессивным знахарем? — робко спросил Вольфганг.

— Что может быть проще! — отозвался Нафаси.— К курандейру ведь все всегда ходят по необходимости, а не по приглашению. А у вас своя, журналистская необходимость. Только старика лучше называть на местный манер: мканка.

Хижина знахаря такая же, как у остальных, ее отличает только огромный рог антилопы пала-пала на крыше — местный символ знахарства. И старик как старик, только часть мочек ушей у него вырезана и на том, что осталось, висят сережки из крокодильих зубов.

Камарада Нафаси что-то долго объясняет мканке, тот

улыбается. Затем он удаляется в хижину, моет там в белом эмалированном тазу руки, долго вытирает их лежащими рядом широченными банановыми листьями и приветствует нас. Мы обмениваемся рукопожатиями.

Но от стенограммы нашего разговора я откажусь, поскольку, как мне представляется, Нафаси не переводил, а интерпретировал слова мканки.

А суть его рассказа такова. В старые времена маска была связана исключительно с религиозными верованиями. У племен малави существовало нечто вроде тайного союза мужчин, в который входили старейшины, самые смелые воины и мудрые общинники. Только они имели доступ к маскам. Надев их, члены союза появлялись у вечернего костра и вещали измененными голосами те решения, которые были приняты тайным союзом. Многие рядовые общинники, особенно молодежь и женщины, даже не догадывались, кто скрывается под страшной личиной маски. Для них это были вышедшие из лесных чащоб могущественные духи предков, имевших власть над живыми. Все сказанное ими воспринималось как безусловное руководство к действию.

О чем вещали маски? Они призывали быть честными и смелыми, хорошо трудиться в поле, заботиться о стариках, защищать племенные земли от набегов воинственных соседей. Но чем больше на землях малави обосновывалось португальцев, тем чаще маски призывали людей у костров бороться с белыми захватчиками, не работать на их плантациях, поджигать их амбары, заваливать их дороги. Маски стали одним из главных врагов колонизаторов, и поэтому те объявили им настоящую войну. Многие маски были сожжены, а мастера, умевшие их резать, убиты. Однако самые главные, самые уважаемые маски, которые знахарь унаследовал от своего отца и деда, были спасены. Сделать это было нелегко, ведь на окрестных землях нет ни лесов, ни гор, а в болотистой почве долины Замбези дерево гниет, его пожирают насекомые. Поэтому мканка отдал «великие маски» племени людям ФРЕЛИМО, которых снабжал лекарствами. Они надежно спрятали их далеко в скалах.

Некогда были у малави и маски, которые были доступны всем. Если на семью обрушивались невзгоды, если у деревни или племени появлялся лютый враг, люди вырезали маску — символ «злой нечисти». Устраивали танцы, приносили жертву добрым духам, а затем бросали маску в костер. Люди верили, что вслед за нею сгорит в огне и «нечисть».

«А что, если возродить этот древний обычай? — подумал мканка.— Ведь у наших людей есть общий лютый враг — колониализм». Своими мыслями он поделился с Жоао и Рашиди. Те одобрили и поддержали идею мканки. На задворках католической миссии в перерывах между изготовлением крестов и девы Марии они начали резать маски-наголовники,

смахивающие на основных представителей колониальной администрации Сены и Мутараре. Появилась маска коменданта Гомеша с ослиными ушами, свинорылого полицая Луиша Матеуша, агента ПИДЕ Диогу с кандалами вместо ушей.

Когда Замбези после «больших дождей» разливалась во всю ширь, сотни жителей окрестных деревень по ночам съезжались на небольшой лесистый островок посреди реки, где старый мканка проводил церемонию сожжения белых наголовников. Затем из укромных пещер были перевезены две древние «великие маски». Они звали соплеменников подниматься на вооруженную борьбу, присоединяться к патриотам.

...В полусонном оцепенении мы сидели как-то на террасе дома Нафаси после очередной бессонной ночи. Комиссар тщетно пытался связаться по рации с Келимане, чтобы выяснить хотя бы примерную дату нашего отъезда. Однако там упорно молчали.

— Воскресенье...— безнадежно махнув рукой, проговорил комиссар и щелкнул выключателем.— Воскресенье, воскресенье! — вдруг оживился он.— А это значит, что сегодня в Мутараре почти никто не работает, все изнывают от безделья и поэтому с радостью покажут вам, что маска у нас и не помышляет о смерти. Мпагу! — позвал он солдата, охранявшего комиссарский дом.— Сходи-ка в бюро ОММ *, а если там никого нет, то домой к Марселину, секретарю. Скажи: я просил собрать молодежь и, как начнет спадать жара, устроить «борьбу с шиконьоками».

«Шиконьока» — слово, недавно придуманное, но сегодня известное буквально по всей стране. Шико — это имя печально прославившегося в колониальные времена африканца — агента секретной охранки ПИДЕ, доносчика, провокатора, грязного дельца. «Ньока» в переводе с большинства местных африканских языков означает «змея». Итак, «шиконьока» означает нечто вроде человекозмеи. Его образ придумали активисты столичной штаб-квартиры «динамизаторов», и с тех пор он стал антигероем мозамбикского политического плаката.

И вот, в Мутараре, перед нашей террасой, развертывалось целое театрализованное действие о том, как бороться с «человекозмеями». Занято в нем было с полторы сотни человек, практически вся молодежь Мутараре. В качестве зрителей перед комендантским домом собрались все остальные жители городка.

Положительные герои — солдаты ФРЕЛИМО, активисты ОММ, кооператоры и прочие «сознательные» — выступали без масок. Зато отрицательные персонажи составляли целую галерею наголовников, вырезанных с юмором, изобретательностью, находчивостью. Бюрократ с заплывшими от безделья

---

* ОММ — Организация мозамбикской молодежи.

глазками, красномордый пьяница с подбитым носом, сплетник с огромными ушами... Маски же без ушей и глаз символизировали человека, не желавшего посещать курсы ликбеза. Залепленный денежными купюрами наголовник изображал спекулянта-хапугу. Маски-изображения Яна Смита и Форстера олицетворяли расистов.

Одновременно молодежь, разбившись на группки, разыгрывала не менее семи-восьми сюжетных линий. В одном углу «сцены» раскулачивали сельского богатея, в другом — наставляли проституток на путь истинный, в третьем — прорабатывали лентяев и лодырей, в четвертом — конфисковывали излишки припрятанного перекупщиками продовольствия. В центре шла борьба за «алфабетизацию», сопровождавшаяся сжиганием безглазых и безухих масок. Ясно было одно: все это грандиозное и в основе своей явно импровизированное действие в целом символизировало картину глубоких социально-экономических преобразований, происходящих по всей стране.

Когда стемнело и комары разогнали всех по домам, к нам заглянул Вашку.

— Ну что, неплохие маски? — довольно улыбаясь, спросил он.— Наша работа. Так что не только резными ножками пробавляемся.

Вверх по великой реке в Тете

Нашим неожиданным спасителем из комариного плена Мутараре оказался не самолет, а моторная лодка, на которой Рашиди направлялся в лесистую теснину Кебрабаса за новой партией чурбаков мпинго. Удобств, правда, на кооперативной барке, заваленной мешками с кукурузой, не было никаких. Но все компенсировалось сознанием того, что плывешь вверх по Замбези, повторяя маршрут португальских первопроходцев Африки и Ливингстона, общением с великой африканской рекой и возможностью близко наблюдать жизнь ее прибрежных районов.

Да и вообще моторка, наверное, самый удобный транспорт на такой своеобразной реке, как Замбези. Судно покрупнее так и норовит сесть на мели, которые возникают в самых непредсказуемых местах, а пирога хотя и маневренна, но с трудом преодолевает довольно быстрое течение. Моторка тоже налетает на песчаные косы, совершенно невидимые в непрозрачной желтой воде. Но какое удовольствие, высадившись на эту неведомую косу, отдохнуть, подышать, подержать ноги в тепловатой речной воде, а затем отправиться дальше! На небольших перекатах и порогах моторку, правда, приходится тянуть волоком. А это значит размяться после утомительного

сидения на жестком дне лодки и почти обязательно «влипнуть» в какое-нибудь занятное приключение с крокодиленком или буйволенком. Вырасти до взрослого состояния на давно освоенной Замбези им теперь почти никогда не удается. Поэтому остается лишь удивляться: кто же производит на свет этих детей природы?

Еще раньше, общаясь с африканскими шоферами, я отметил, что, собрав в машине всех пассажиров, они никогда не едут туда, куда надо этим людям или куда можно было бы заехать чуть раньше без оных. Шофер, как правило, направляется в место, диаметрально противоположное ранее объявленному. Водители моторных лодок, оказывается, обладают такой же особенностью. Сначала вместо того, чтобы плыть вверх по течению в Тете, мы спустились километров на шестьдесят, до места впадения в Замбези реки Шире, и причалили к берегу там, где прямо у воды стояла хижина. Не выходя из лодки, Рашиди минут тридцать говорил с какой-то женщиной, внешность которой вряд ли могла заставить его отправиться в столь далекое путешествие. Затем он неожиданно запустил мотор, но тут же посадил лодку на мель.

Это происшествие дало повод Антонио вспомнить о том, что в былые времена в месте слияния Шире и Замбези, равно как и в дельте Куамы, население прибрежных районов еженедельно было обязано выходить на общественные работы — так называемую речную барщину, с тем чтобы расчищать судоходные протоки от песчаных наносов. Рашиди заметил, что по призыву Партии Фрелимо население занимается подобными работами добровольно.

Затем мы поплыли вверх по реке Шире, берега которой скрывали заросли высокого тростника. Рашиди несколько раз пытался пробиться сквозь них, но каждый раз терпел неудачу. Наконец нам удалось высадиться. Рашиди вытащил из-под мешков с кукурузой пустые канистры и, раздав их нам с видом большого начальника, велел следовать за ним.

— Муррумбала,— проговорил он, указывая на покрытую лесом гору, одиноко возвышающуюся среди низменной, заболоченной долины.— Раньше, когда до этих мест поднимались океанские пароходы, Муррумбала — «гора-часовой» — служила им как бы маяком. У ее подошвы бьют ключи целебной воды. Мы запасемся ею в дорогу.

Вода оказалась горячей и очень минерализованной. Ее всегда брал в свои экспедиции Ливингстон.

Следуя далее вверх по Шире, мы повернули затем на восток, оставив слева остров Инха-Нгома, спугнули несколько стай пеликанов, два раза сели на мели широкой протоки — так называемой реки Сена — и выскочили на Замбези прямо напротив Мутараре, покинутого нами ранним утром.

— Здесь пообедаем — и в путь,— как истинно африканский водитель распорядился Рашиди.

...После трапезы, немного отдохнув, мы наконец отправились вверх по Замбези. В нижнем ее течении нет ни будоражащих воображение экваториальных лесов, как на реке Конго, ни вызывающих романтических ассоциаций величественных пустынь, как на Ниле. По обеим ее сторонам тянутся поредевшие от вырубок леса из мопане. В условиях увеличивающегося населения, стягивающегося к реке из-за участившихся засух, а также активной вырубки леса на топливо и строительство крупные деревья доживают здесь последние дни. Многовековая активность человека, и в первую очередь белого, лишила Замбези и галерейных лесов, как правило сопровождающих все реки тропиков. Исчезают даже их жалкие остатки — рощи тамариндов, масличных и рожковых деревьев, а из пальм — масличной, пальмиры и рафии. На смену таким рощам к берегам Замбези подступают более засухоустойчивые виды, характерные для парковой саванны. Преимущественно это бобовые — брахистегия и джульбернардия, не дающие ни тени, ни деловой древесины. Ландшафты этих районов отличаются удивительным однообразием, которое особенно поражает в сухой сезон, когда огромные равнины Замбези покрываются серо-бурой жесткой травой, среди которой возвышаются лишь огромные термитники и лишенные листьев, но усаженные длинными колючками деревья и кустарники с черными стволами.

Во время одной из наших остановок на берегу, когда мои африканские попутчики увлеченно рушили термитники, а затем жарили на костре добытых жирных насекомых, я счел за благо уйти подальше и заняться изучением местной флоры. Как и повсюду, где господствует брахистегия, ей сопутствуют высокие травы с низкими кормовыми качествами — гипаррения, андропогон, тимеда, селин, порою достигающие в этих местах более двух метров. Для домашнего скота эти жесткие травы, растущие в зараженной мухой цеце речной долине,— не подарок. Но для диких крупных копытных, а также слонов они чуть ли не самое любимое лакомство.

Тщетно, однако, разжигал я свое воображение, готовясь к встрече с кем-нибудь из гигантов африканской фауны! Не было не то что гигантов, но даже их следов. И не мудрено. Достаточно познакомиться с воспоминаниями португальских или английских охотников, чтобы понять, как нещадно истребляли в Мозамбике крупных животных. Так, португалец Диогу, промышлявший между Сеной и Тете в 90-х годах прошлого столетия, свидетельствует: «Расположившись в комфортабельной лодке, сиденья которой не по местной жаре были обиты красным бархатом, я за один день без труда уложил 172 слона... Следовавшие за нами в отдалении по берегу туземцы не успевали отделять бивни от туш, и поэтому мне пришлось прервать охоту, дабы договориться с одним из местных вождей дать мне в помощь еще сотню туземцев».

Уже в наше время для выставленной ныне в музее Мапуту знаменитой экспозиции, демонстрирующей развитие эмбриона в утробе слонихи, было убито 980 взрослых животных...

В те годы, когда слоновая кость, а не золото вдруг стала сулить португальцам в Мозамбике солидные доходы, число уничтоженных гигантов вдоль Замбези было таково, что остается лишь воскликнуть: кто бы мог подумать, что здесь жило столько слонов! Например, в 1809 году, согласно данным Губернаторского архива острова Мозамбик, «через Келимане, который для Куамы играл роль главного экспортера слоновой кости, бивней было вывезено 1 млн. 012 тыс. килограммов», что стоило жизни примерно 120 тысячам слонов.

Вернувшись к лодке, я застаю всю компанию за поеданием термитов. Гибрид жареных семечек и грибов, сдобренных кисловатым соусом, термиты не так уж плохи на вкус, но приобщиться к трапезе меня останавливает вызываемая этим блюдом аллергия кожи. Лишь после того как Вольфганг выдвигает поддержанный всеми лозунг: «Не отведаешь — не поедешь», мне приходится сдаться.

Заслужив право на дальнейшее плавание, я сетую на полное отсутствие живности в долине Замбези.

— Основной удар по слоновьему царству вдоль этой реки нанесла система, которая вошла в историю под названием «празу»,— говорит Антонио.— Система эта родилась в процессе португальского проникновения в долину Замбези и стала основой основ политики Лиссабона в Мозамбике после того, как он потерпел фиаско в Мономотапе. Празу — это земельная концессия. Весь бассейн нижней Замбези, от Бейры и Келимане до Тете, был разделен на огромные вотчины, порою достигавшие 50 тысяч квадратных километров. Их отдавали на откуп особо отличившимся перед колониальными властями конкистадорам или обедневшим аристократам — празейруш, которые управляли этими вотчинами как настоящие короли. Затем празу стали обзаводиться простые колониальные солдаты, отслужившие срок, и даже «деградадуш» — ссыльные из Португалии. Отвоевывая у африканцев все новые и новые земли и присоединяя их к своим владениям, многие празейруш присваивали власть туземных вождей, окружали себя сонмом колдунов, знахарей и т. д. Некоторые из владельцев празу, вытянувшихся вдоль Замбези, словно средневековые европейские феодалы, воевали между собой.

Так начал зарождаться белый дворянско-помещичий класс Мозамбика, социально-экономические интересы которого не всегда совпадали с интересами метрополии.

Понятно, что и для поддержания того роскошного образа жизни, который вели празейруш, и для продолжения войн с соседями нужны были деньги. Их главным источником и стали слоны, огромные стада которых разгуливали по празу.

Когда все «свои» слоны оказались выбитыми, празейруш начали снаряжать огромные охотничьи экспедиции на «ничейные» земли на север, на берега озера Ньяса. Участвуя в них, африканцы прокладывали пути, по которым вслед за охотниками на слонов пошли охотники за рабами.

Чуть позже вдоль Замбези возникли первые плантации хлопчатника и сахарного тростника, где использовался принудительный труд африканцев. Условия жизни африканцев на этих плантациях были хуже, чем у рабов, ведь рабов покупали, и поэтому их владельцы были заинтересованы в том, чтобы они дольше работали, окупая своим трудом затраченные на них деньги. Празейруш же в условиях португальского колониализма получали рабочую силу бесплатно, и им было абсолютно безразлично, доживет ли подневольный африканец до завтрашнего дня.

В некоторых празу вдоль Замбези работали по несколько тысяч рабов, но производительность их труда была крайне низкой, и экономическая отдача от плантаций, приходивших все в большее противоречие с капиталистическим способом производства, приближалась к нулю. Вот почему в 1890 году система празу была ликвидирована...

— «Ликвидирована»? — удивленно перебивает Антонио приютившийся на носу моторки Рашиди.— Да я с самого рождения в 1947 году до 20 лет прожил в хозяйстве португальца и все это время называл его «сеньор празейру», а себя чувствовал рабом. Кстати, мы будем проезжать мимо этих мест вблизи Ширамбы.

Рашиди немного помолчал, а потом, вздохнув, продолжил:

— Этот португалец содержал собственный отряд «сипаев» — черных сволочей, которые колотили нас по спине плеткой-пятихвосткой всякий раз, когда мы во время работы на его арахисовом поле смели разогнуться и взглянуть на небо.

— Вам платили что-нибудь за эту работу? — поинтересовался Вольфганг.

— Если это можно назвать платой, то два эшкудо в день. В месяц набиралось меньше двух долларов. Правда, еда была хозяйской. На завтрак — горсть фасоли со свиной щетиной, на обед — ничего, кроме воды, так как, заботясь о здоровье, празейруш «воздерживался» и сам есть в жару; на ужин — две вяленые рыбки из Замбези, сдобренные такой горстью соли, что и не поймешь, свежие они или тухлые.

— А на что же содержали семью те, что выращивал арахис сеньору?

— Сеньор нам говорил: «Я кормлю вас только для того, чтобы вы могли работать на моем поле. Заботиться о том, набиты ли животы у ваших жен и детей,— не мое дело...»

Рашиди немного притормозил лодку, вглядываясь в появившиеся на берегу круглые хижины.

— Вот и Ширамба, а за ней — арахисовые поля, о которых

я говорил. Можно было бы провести здесь ночь, но боюсь, что без головной боли мы оттуда утром не уедем... Да и уедем ли: много друзей! Так что предлагаю облюбовать один из многочисленных островков посреди реки и устроиться на ночлег там. Так мы и сделали. А утром снова отправились в путь.

Вскоре за Ширамбой мы проплыли мимо мрачного, построенного на века здания католической миссии. Затем миновали собор в Мираве, миссию в Бандаре, приходский центр в Сунго. Каждый населенный пункт в этом районе Замбези вырастал вокруг центра деятельности церковников или же церковники строили свои центры в каждом более или менее крупном африканском селении.

— У иезуитов, которые появились на территории Мозамбика раньше всех католических орденов, было нечто вроде афоризма: «Замбези — богом созданная дорога проникновения в глубь Африки»,— говорил Антонио.— И они широко пользовались этой дорогой, в своей хищнической деятельности редко отставая от празейруш. Охота на слонов и рабский труд на плантациях — вот что позволило возвести в долине Замбези эти миссии, напоминающие дворцы.

Замбези нередко называют могилой белого человека в Африке. И не только из-за обилия мухи цеце, передающей практически неизлечимую «сонную болезнь», но и потому, что климатические условия Куамы на редкость тяжелы; 35-градусная жара плюс 99 процентов влажности — это формула климата любого тропического приокеанского города. Однако близость океана предусматривает бриз, ночную прохладу, редкие, но все же возможные спады температуры и ободряющую надежду выкупаться. Огромная водная гладь Замбези обусловливает те же 99 процентов влажности, но здесь нет ни бризов, ни возможности выкупаться. Воздух в долине всегда застойно жарок, а вода таит в себе уйму опасностей, связанных с всепроникающими глистами и простейшими. Португальские географы склонны помещать на Замбези в районе Тете то «полюс жары» южного полушария, то «самое жаркое место Африки к югу от экватора». Последнее, наверное, близко к истине.

Расположенный на правом, чуть возвышенном берегу Замбези город Тете для нас начался с ажурного моста, переброшенного через реку. Ближе к этому мосту, в районе недавно появившихся двух-трехэтажных, с замахом на модернизм зданий, находятся деловые кварталы, в самой высокой части города — старая крепость, та самая, что была главным опорным пунктом португальцев в пору их проникновения в Манику. Сюда они привозили крестить уже начавших сдавать свои позиции владык Мономотапы, за этими стенами, словно в христианской тюрьме, воспитывали кое-кого из наследников престола Зимбабве. Здесь же пытали и казнили 136-летнюю колдунью Гаалзе, призывавшую народ скрывать от белых, где

находятся месторождения золота, и послужившую, вероятно, прообразом колдуньи Гагулы в хаггардовских «Копях царя Соломона». И наконец, в ворота этой крепости, направляясь к губернатору Тете, неоднократно въезжал британский консул в Мозамбике, миссионер и великий путешественник Ливингстон.

Чем дольше бродишь по воскрешающим далекую историю улочкам этого города, тем отчетливее понимаешь, что отнюдь не ностальгической обращенностью в прошлое живет Тете — административный центр огромной одноименной провинции, вытянувшейся по обе стороны великой Замбези. Что заставило крупные банки и компании построить здесь, у реки, свои филиалы — целый квартал новеньких зданий? Чем объяснить столь большое количество легковых машин? И куда несутся по мосту огромные, двадцатипяти- и сорокатонные самосвалы, огромные бульдозеры и катерпиллеры, растворяясь в пыли замбезийского левобережья?

Моатизе — мозамбикская кочегарка

Всего 20—30 минут езды в пыли, которая из красной делается серой, а из серой — черной,— и пейзаж разительно меняется. На смену чахлому мопаневельду неожиданно приходят засыпанные угольной пылью пустыри, развязки подъездных грунтовых и железнодорожных путей, терриконы пустой породы, горы добытого угля. То тут, то там виднеются подъемные машины, здания административных корпусов, мастерских, складов. Настоящий индустриальный, промышленный пейзаж, как будто нарочно скрытый в этой глубинке от борцов за «экологическую чистоту». Таков Моатизе — крупнейшее в стране месторождение коксующихся углей и главная, пока что единственная кочегарка Мозамбика.

У проходной предприятия Вольфганга и меня встречает Эрнешту Вайту. В прошлом он простой шахтер-забойщик, теперь — член ЦК Партии Фрелимо, секретарь партийной организации всего огромного угольного предприятия.

Глядя на наши фотоаппараты со вспышками, он сокрушенно качает головой:

— Давайте договоримся сразу: фотографировать только после того, как я разрешу, и только на открытом воздухе. Это не потому, что у нас от друзей есть секреты, а потому, что мы не хотим вместе с вами взлететь на воздух. Ведь электровспышка может повлечь за собой взрыв в шахте.

Мы согласно киваем головой и идем вдоль угольных отвалов к карьеру, где ведется подготовка к открытой разработке угля. Эрнешту, взяв нас под руки, объясняет:

— В положении, сложившемся в Моатизе, как в зеркале отразилась ситуация, характерная для всей нашей республики в целом. Вы ведь, насколько я знаю, бывали в Бейре и в Мапуту и в 1974 и в 1975 годах? — обращается он ко мне.

— Был,— подтверждаю я.

— И видели сотни, а порою и тысячи людей в мозамбикских аэропортах, заваленные контейнерами причалы в портах?

— Вы имеете в виду массовый отъезд белого населения из Мозамбика? — уточнил Вольфганг.

— Конечно. Португальцы бежали, ничем не принуждаемые к тому ФРЕЛИМО. Если в 1974 году белая община в этой стране составляла почти 300 тысяч человек, то в 1983 году она едва превышала 20 тысяч. Среди уехавших были не только агенты ПИДЕ и отъявленные расисты, но и инженеры, техники, врачи, учителя, агрономы, а в вывезенных ими контейнерах — не только мебель из жамбира и эбена, но и машины, станки, оборудование, документация предприятий.

Эрнешту остановился, закурив папиросу-самокрутку, а потом продолжил:

— А то, что мы не дали им вывезти, колонисты испортили, спалили, залили водой. Белые фермеры, которые поставляли бóльшую часть продовольствия для африканских рабочих наших шахт, собираясь уезжать, не бросили в землю ни одного семени. Десятки тысяч голов скота были забиты или переправлены в соседние страны. В результате подобного саботажа производство сельскохозяйственной продукции в целом по стране сократилось почти вдвое, а индустриальной — не менее чем на 35—40 процентов. Так колонизаторами и реакцией были «заложены основы» нехватки продуктов питания и промышленного ширпотреба, с которыми и сегодня сталкивается НРМ.

Стоя на краю огромного котлована будущего карьера открытой разработки угля, с которого экскаваторы снимали первую вскрышу, секретарь по-хозяйски оглядывал стройку.

— Вот, видите, начали и успешно осваиваем без белых беглецов,— с гордостью произнес он.

Мы интересуемся, как произошла национализация шахт.

— Если говорить коротко, толчком к этому был саботаж со стороны их бывшего владельца — «Компаниа карбонифера ди Мосамбики», в которой преобладал бельгийский капитал. В 60—70-х годах в Моатизе ежегодно добывалось 250—350 тысяч тонн топлива в год, причем бельгийцы планировали увеличение добычи. После 1975 года, однако, выдача угля на-гора резко пошла на убыль, хотя народная республика остро нуждалась в топливе. Владельцы шахт категорически отказывались ввести представителей рабочих комитетов в правление, уклонялись от выполнения постановлений ФРЕЛИМО об улучшении условий труда шахтеров и увеличении их заработной платы. На земле нам еще кое-что удалось изменить к луч-

шему, а под землей все осталось как в былые времена, вплоть до телесных наказаний. Когда с помощью товарищей из ФРЕЛИМО мы поприжали господ из правления, в шахтах начались необъяснимые несчастные случаи. Нам просигнализировали: диверсии, провокации, саботаж. Тогда и пришлось бывшим владельцам Моатизе расписаться под указом, уведомляющим их о национализации шахт. Наше предприятие — крупнейшее в государственном секторе. Оно получило название «Карбомок».

— Ну а трудности сегодняшнего дня? — спрашиваю я.

— Главная трудность — дурацкая конфигурация железных дорог, построенных португальцами,— говорит Эрнешту.— Запасы угля в Моатизе исчисляются в 400 миллионов тонн, еще 200 миллионов разведаны в соседних бассейнах. При нормальных условиях мы могли бы обеспечить углем всю страну. А добываем мы в лучшие годы столько же, сколько импортируем. В чем же дело? Да в том, что на юг, к главному потребителю угля — заводам и ТЭЦ Мапуту, наше топливо можно довезти только с двумя пересадками, через территорию Зимбабве и ЮАР. Зимбабве хотя и рядом, но для нас не рынок: там своего угля хоть отбавляй. Вот и приходится Мапуту сидеть на юаровском топливе, а нам искать покупателей чуть ли не в Японии...

Мы подходим к управлению «Карбомока». У входа — огромная грифельная доска, на которой белыми и красными мелками нанесены ряды цифр.

— Здесь мы ежедневно фиксируем производственные показатели,— объясняет Эрнешту.— Красным написаны результаты работы партийцев и кандидатов. У них должны быть лучшие показатели: на них равняются другие. Кроме того, ежемесячно кандидаты в члены Партии Фрелимо отчитываются на собрании партячейки о проделанной работе, получают новые задания: кому из отстающих помочь, кого проверить, в чем проявить инициативу. В прошлом на шахтах в Моатизе нередко случались обвалы, взрывы, другие аварии. Их предотвращение — задача службы профессиональной безопасности, тоже созданной фрелимовцами. От них не ускользают и такие вопросы, как организация культурной жизни на предприятии, строительство детского сада, помощь горнякам-инвалидам, работа женской организации шахты. Разговаривая, мы дошли до кабинета Э. Вайту. Он приглашает нас зайти, и мы продолжаем беседу, уже сидя у его рабочего стола.

— Я вот часто думаю, кто действительно достоин быть членом партии,— размышляет Э. Вайту.— В её Программе сказано об этом весьма четко: «Членами партии могут быть все мозамбикские трудящиеся, всецело преданные партии, Родине и социализму, живущие исключительно за счет своего труда и отдающие все свои силы выполнению Программы партии и соблюдению Устава». А как это оценить: «все»

или «не все» силы отдает тот или иной кандидат? Просто по бумажкам это не проверить. А вот «фильтр» определит безошибочно...

— «Фильтр»? — переспросил я, подумав, что мой собеседник употребил какое-то горняцкое, чисто профессиональное выражение.

— Да, да, «народный фильтр». Так мы в Мозамбике называем народное мнение. Кому же, как не твоим коллегам или односельчанам, лучше всего знать, настоящий ты партиец или хочешь просто примазаться к партии. На прошлой неделе мы обсуждали заявление Жоакима Перейры о приеме в партию. Не скрою: кандидатуру его я поддерживал. Казался мне работящим парнем, план всегда перевыполняет. А его сосед по дому говорит: «Сестра Жоакима — спекулянтка, перепродает втридорога продукты из народного магазина, а он ей помогает». Встал другой: «Конечно, если кто у нас безграмотный, то ему путь в партию не закрыт. Но если уж подал заявление о приеме в партию, изволь учиться. Перейра же с тех пор, как на курсы ликбеза записался, ни разу на них не показывался». Так и не прошел этот парень через «народный фильтр».

Прощаясь, Эрнешту подарил нам на память по кусочку моатизского угля и дал письмо к своему другу Педру, руководителю Геологического департамента провинции Тете. В его-то компании, несмотря на настойчивые призывы поджидавших нас в лодке Рашиди и Антонио, организовавших «пикник на островке», мы и провели остаток этого дня.

Педру «грыз» геологические науки в Лиссабоне. Затем пять лет стажировался в ЮАР, где сделался доктором наук благодаря мозамбикскому докембрию — тому самому, с которым связывают происхождение большинства месторождений полезных ископаемых НРМ. Любимая формулировка Педру: «Тете — это либо «геологическое чудо», либо «геологический блеф»».

Многие утверждают, что помимо угля на территории Тете и в близлежащих районах существуют огромные залежи железных и урановых руд, бокситов, серебра, вольфрама, никеля, хрома, алмазов и многого другого. И действительно, есть цифры, которые дают повод думать, что так оно и есть. В частности, хотя в 1974 году на долю горнодобывающей промышленности Мозамбика приходилось не более 1,5 процента валового внутреннего продукта, португальцы к началу XXI столетия собирались довести этот показатель до 20 процентов. Нельзя сказать, чтобы они широко открыли внутренние районы Мозамбика для иностранных геологических поисковых партий: Лиссабон предпочитал, чтобы его партнеры делали свои выводы на основе португальских геологических съемок. Однако в Тете, особенно в связи с предстоящим там строительством ГЭС «Каора-Басса», все же кое-кто побывал. Педру даже на-

звал цифры, проливающие свет на то, что международный капитал имел определенные сведения о богатствах этого района. И тогда между многонациональными компаниями разгорелась настоящая борьба за получение концессий на поиски и добычу полезных ископаемых в долине Замбези.

Среди иностранных государств, рвавшихся в Мозамбик, лидировала ЮАР, а среди юаровских монополий — связанные с оппенгеймеровской ААК. Они намечали добывать в Тете золото и алмазы, цветные и редкие металлы, уран, бокситы. От ЮАР не отставали США, Франция, Япония.

— Итак, все свидетельства пропагандистского «геологического чуда» в Тете как будто налицо,— говорит Педру.— Однако пришел год провозглашения независимости НРМ. ААК вывезла всю свою геологическую документацию, поставив правительство ФРЕЛИМО перед необходимостью заново организовать исследование недр этой огромной страны. Но поводов, чтобы опять раздувать этот бум, я не вижу,— говорит Педру.— Это и мое мнение как специалиста, «воспитанного» на местных геологических структурах, и мнение многих уже побывавших здесь иностранных геологов. Есть, конечно, в Тете минеральное сырье, разрешающее создать собственную черную металлургию, есть бокситы, но все это вполне в ординарных масштабах. Во всяком случае подвести реальную основу под многое из того, о чем говорили португальцы, пока что не удается. А это ведет к срыву государственных планов НРМ, делавших ставку на освоение геологических богатств Тете.

И вот тут-то на ум приходит мысль о «геологическом блефе». Не распускались ли португальцами слухи о несметных минеральных богатствах Тете и не поддерживались ли они их союзниками из ЮАР для того, чтобы экономическими резонами оправдать куда более важные для них стратегические причины строительства ГЭС «Каора-Басса» на Замбези?

«Каора-Басса» — самая большая ГЭС в Африке

Чем должна была в сущности стать эта ГЭС для португальцев? И почему Лиссабон, на протяжении пяти веков ничего не сделавший для экономического развития Мозамбика, почему Португалия, самая отсталая и бедная страна Западной Европы, вдруг решила подарить своей колонии ГЭС, которой суждено войти во все новейшие энциклопедические справочники в качестве самой мощной ГЭС Африки — 3,6 миллиона киловатт. Но и среди крупнейших гидростанций планеты «Каора-Басса» занимает место совершенно неожиданное, пропуская перед собой лишь Саяно-Шушенскую, Красноярскую, Брат-

скую и Усть-Илимскую ГЭС в СССР и «Черчилль-Фоллс» в Канаде. Мозамбикская ГЭС может вырабатывать до 18 миллиардов киловатт-часов энергии в год, что в три раза превосходит производство электроэнергии в самой Португалии...

Так чем же объяснить ее строительство? Плотина «Каора-Басса» должна была стать для португальских колонизаторов не только основой гигантской ГЭС, дающей самую дешевую в капиталистическом мире электроэнергию, но и, выражаясь фигурально, своего рода политическим водоразделом, возведенным в самом центре страны на пути победоносно продвигавшейся с севера освободительной армии ФРЕЛИМО. Ведь комплекс «Каора-Басса» — это не только ГЭС, но и подпруженное ее плотиной водохранилище (кстати, тоже одно из самых больших в мире рукотворных морей), вытянувшееся почти на 300 километров вдоль широтного течения Замбези, до самой границы с Зимбабве. А что значит создание такого водохранилища среди плодородных, но издревле страдающих от засухи территорий? — В первую очередь появление огромных площадей орошаемых земель. Салазаровская администрация планировала переселение на берега нового внутриафриканского моря до одного миллиона португальцев — как отслуживших свое время солдат колониальной армии, так и безземельных крестьян из метрополии. «Они будут заниматься сельским хозяйством, не выпуская из рук винтовку,— заявил, выступая в одном из частных клубов Лиссабона среди европейских промышленников, последний генерал-губернатор Мозамбика.— Так будет создан мощный заслон на пути распространения марксистской ереси ФРЕЛИМО к югу от Замбези. Так будут созданы гарантии тому, что экономика южного Мозамбика, куда наши южноафриканские друзья уже делают столь большие инвестиции, со временем станет составной частью белой Южной Африки».

Эта тирада на грани откровений объясняет очень многое. Своими силами противостоять натиску ФРЕЛИМО бедная и отсталая Португалия не могла, средств на строительство «Каора-Бассы», обошедшееся более чем в 400 миллионов долларов, у нее не было. Поэтому сначала Лиссабон принялся раздувать пропагандистскую шумиху вокруг геологических богатств Тете, с тем чтобы под предлогом развития сулящих немалые доходы «энергоемких производств» подтолкнуть Запад субсидировать сооружение стратегического комплекса ГЭС. За это Лиссабон расплачивался со своими благодетелями-инвесторами раздачей концессий на разработку уже открытых, а в еще большей мере — гипотетических месторождений полезных ископаемых в Тете. Так возникла столь необходимая для Лиссабона круговая порука, скрепленная многомиллионными долларовыми инвестициями и заинтересованностью западных монополий в том, чтобы колониал-фашистский режим, давший гарантии под строительство гиганта на Замбези, не стал до-

стоянием истории. А это было самым главным для Лиссабона!

Хотя строительство «белой ГЭС» на Замбези было осуждено ОАЕ и неоднократно подвергалось критике в ООН, это не помешало транснациональным компаниям, а фактически правительствам крупнейших капиталистических стран включиться в острейшую конкурентную борьбу за доступ к прибыльным заказам для «Каора-Бассы». Она изобиловала шумными скандалами и аферами и привела в конечном итоге к тому, что контракт на строительство гидроэнергетического комплекса получил «Замбези консорсио идроэлектрико» (ЗАМКО). Вряд ли стоит уточнять, что возглавляла его оппенгеймеровская ААК, которая вместе с другими юаровскими компаниями обеспечивала до двух третей общей стоимости сооружения. Среди прочих монополий лидировали западногерманские и французские: «Сименс», «АЭГ-Телефункен», «Компани де конструксьон энтернасьональ» и другие. Комплекс «Каора-Басса» с полным основанием можно назвать коллективным детищем международного капитала.

На «Каора-Бассе» я бывал и раньше: и в 1974-м, когда ее гигантская плотина стояла «сухой», и в 1976-м, когда началось затопление, и несколько раз позже, когда водохранилище уже достигло своих максимальных отметок. И на опыте этих поездок знаю: на щекотливые политические темы никто из руководителей «Каора-Бассы» разговаривать не желает. ГЭС остается собственностью португальского правительства, ситуация вокруг нее напряженная. Помощь фрелимовских товарищей там сводилась лишь к тому, чтобы помочь добиться пропуска на плотину.

Помню, еще в свой первый приезд на ГЭС, когда она была оцеплена отрядами португальских «командос» и юаровских наемников, меня принимал там один из создателей плотины, «звезда» португальской энергетики Каштру Фонтиш. Светский человек, сама любезность, он в первый же день предоставил в мое распоряжение вертолет для ознакомления с будущей зоной затопления и визита в Зумбо — «дальний запад» Мозамбика. На следующее утро его машина отвезла меня в Вила-Васко-да-Гама, на земли народа ангони, где жили славящиеся на всю округу танцоры. Потом К. Фонтиш лично повел меня в машинное отделение ГЭС. Он называл множество цифр, сыпал непонятными мне даже на русском языке терминами, но, когда я спросил его: «Какова доля капитала ЮАР и других западных стран в этой стройке?», он, галантно улыбнувшись, ответил:

— Товарищ Сержио, я знаю, что для вас как «красного» журналиста это «белая» плотина. Для меня же это любимое детище, вершина современной гидроэнергетики. Я знаю, что в Советском Союзе есть и получше, но мое честолюбие удовлетворяется тем, что в Соединенных Штатах такой нет. Так вот, когда наступает день рождения вашего ребенка, вас же

не интересует, откуда взялись деньги на дорогой подарок у его тетушки. Точно так же не интересует и меня, откуда берутся деньги для «Каоры-Бассы», лишь бы они были.

...На этот раз я подъезжал к «Каора-Бассе» с особым интересом благодаря возможности, предоставленной баркой Рашиди. Скучные поездки по разбитой сорокатонными самосвалами дороге, по которой перевозилось буквально все, что было нужно для строительства, или тем более перелеты туда на самолете не давали представления о главном, чем прославилось это место еще задолго до того, как великую реку перегородила плотина. В переводе с чиньянджа «Каора басса», упрощенная европейцами до «Кебрабасы», означает «место, где кончается работа». Так говорили гребцы-африканцы, которые, отплыв из Тете и преодолев на своих перегруженных португальскими товарами пирогах 120 километров вверх по Замбези, останавливались. Дальше путь им преграждали непреодолимые бурные пороги — работа для них действительно кончалась.

Сейчас, когда пороги Кебрабасы спрятаны водохранилищем, можно лишь догадываться, как внушительно и грозно выглядела теснина Замбези в том месте, где великая река обрушивалась на перегородившие ее скалы. В те времена, когда этот участок реки еще не был исследован, европейские географы утверждали, что она течет здесь между чрезвычайно высокими мраморными стенами, вершины которых покрыты снегом. В этом месте помещали некий «хребет мира», «остов материка». Арабы, стремясь воспрепятствовать проникновению португальцев за пороги, усиленно распространяли небылицы о Кебрабасе, утверждая, например, что там обитают кровожадные чудовища.

Если на всем протяжении нашего путешествия от Сены ширина Замбези превышала два километра, то здесь, в ущелье, сузилась до 200 метров, а в створе ГЭС сжалась до 40. Сама природа создала здесь оптимальные условия для строительства плотины, и поэтому ее размеры отнюдь не впечатляют. Куда внушительнее выглядит почти вертикально поднимающаяся более чем на 200 метров северная стена теснины, сложенная пересекающимися чуть ли не под прямым углом пластами кремнистых сланцев. По ней шагают опоры высоковольтной линии электропередачи. Восточный склон более отлогий и лесистый, через него перекинуты провода электролинии, питающей близлежащие экономические объекты НРМ.

Станция уже могла бы работать на полную мощность, однако из-за неурегулированности целого ряда финансовых проблем с Португалией, политических осложнений с ЮАР, диверсий контрреволюционеров на ЛЭП одновременно все пять турбин ГЭС практически никогда не вращаются. После того как расизм проиграл в Родезии и она стала независимой Зимбабве, Мозамбик изъявил готовность продавать электроэнер-

гию в эту промышленно развитую страну, которую отделяют от Сонго лишь 100 километеров. Ток «Каора-Бассы» могла бы использовать и соседняя Малави, где уже давно разведаны месторождения энергоемкого алюминиевого сырья, расположенные всего лишь в 150 километрах от ГЭС. Наконец, не дальше, чем до ЮАР, от мозамбикской ГЭС до знаменитого замбийского «Медного пояса», для которого энергетическая проблема — одна из главных. Все эти перспективы использования тока «Каора-Бассы» северными соседями НРМ активно обсуждаются в регионе. В их решении руководители заинтересованных стран видят один из способов избавления от экономического диктата ЮАР.

— Но главное, конечно, поставить ток «Каора-Бассы» на службу народному Мозамбику,— говорил представитель Партии Фрелимо при управлении ГЭС У. Матеуш.— К сожалению, экономические трудности, в первую очередь провокации расистов, не дали возможности реализовать поставленную III съездом партии цель — на базе дешевой электроэнергии начать освоение уже разведанных минеральных ресурсов Тете. Но создание водонапорной плотины ГЭС и регулирование стока рек бассейна Замбези позволяют нам оросить несколько миллионов гектаров земли. Около четверти миллиона гектаров теперь оказались пригодными для лесоразработок. А это значит, что вместо миллиона португальских поселенцев мы можем переселить сюда миллион мозамбикцев из южных районов с избыточным населением, дать им землю и работу.

Мы стояли с Матеушем у кромки плотины, наблюдая, как веселые радуги играли в брызгах, поднимающихся над тугими струями воды, вырывающейся из сопла турбины. Завыла сирена, предвещая, что сегодня работать не ей одной.

— У нас в народе говорят вот как,— силясь перекрыть нарастающий рев воды и сирены, кричал мне на ухо Матеуш.— Винтовка в руках солдат колониальной армии была оружием для совершения преступления, а в руках мозамбикского солдата — оружием для освобождения народа и страны. Так же и «Каора-Басса». Раньше она должна была служить упрочению империалистического господства во всей Южной Африке. Теперь, в независимом Мозамбике, она будет служить интересам народа...

Чайные холмы Мландже и Гуруэ

Министр сельского хозяйства Мозамбика как-то пригласил меня съездить с ним в чайные районы республики.

— Право же, мешать я вам не буду,— пошутил он.— У меня там в программе бесконечные сидения в президиуме

на собраниях, разбор дела о проворовавшемся португальце — директоре чайного склада. А вы поговорите с людьми, пофотографируете, посмотрите места, до которых теперь одному не так уж и просто добраться. А потом, глядишь, и в хлопковые районы заглянем.

Основные чайные плантации Мозамбика — у самой границы с Республикой Малави, на склонах горного массива Мландже. Это благодатный, плодородный край. Когда над горами рассеиваются постоянно отдыхающие на их вершинах тучи и ласковое, нежаркое в этих местах солнце делает небо ослепительно голубым, а сбегающие с холма на холм чайные плантации — глянцево-изумрудными, более красивого места на земле трудно и придумать.

Пока министр занимается своими делами, приставленный ко мне камарада Оливейру — мулат, бегло говорящий по-русски с откровенно грузинским акцентом,— делится со мной мечтами о внедрении в Мозамбике машинной уборки чайного листа. В Тбилиси он выучился на агронома, освоил там все передовые методы ведения сельского хозяйства и теперь горит желанием применить их у себя на родине.

Я интересуюсь у Оливейру качеством местного чая, его конкурентоспособностью на мировом рынке.

— Видите ли, если бы я был лжепатриот, то сказал бы вам, что мозамбикский чай — лучший в мире. Но этого не может быть из-за биологических особенностей этого растения. Чай — максималист. Наиболее ароматный, высококачественный чай получается либо у самой верхней границы его возможного произрастания в горах, либо у самой северной границы его существования на равнине. Пример для первого случая — Шри Ланка и Кения, для второго — ваш Краснодар. А у нас ни то ни сё. На любом международном аукционе наш чай получает твердую «четверку».

— А какие сорта чая здесь культивируются? — интересуюсь я.

— Вообще-то чай попал сюда из соседней Малави. Туда же он был завезен, как это ни парадоксально звучит, из... Шотландии, где в Эдинбургском ботаническом саду росло деревце цейлонского чая. Однако, поскольку чаю свойственно перекрестное опыление, в результате разнообразных скрещиваний у нас впоследствии возникли гибридные формы. Я читал, что на родине, на юге Восточной Азии, где чайное дерево встречается в диком виде, оно редко вырастает выше 10—12 метров. Наши же полукровки, одичав, вымахивают и до 25 метров.

Мы идем по проходам вдоль обильно умытых ночным дождем плантаций, взбирающихся по склонам Мландже. Кое-где чай зацвел, что совсем нежелательно, так как при этом резко уменьшается образование молодых листьев, только-то и собираемых для приготовления излюбленного всеми напитка.

Перехватив мой взгляд, Оливейру, как бы извиняясь, объясняет:

— Плантация в плохом состоянии: после бегства португальцев она осталась бесхозной, лишь в начале нынешнего сезона принялись за ее восстановление. А тут с гор начали наведываться бандиты, угрожать сборщикам чая: «Выйдете на работу — перестреляем». Опытные рабочие, которые отлично знали свое дело, собирая с кустов лишь «пеко» — самые верхние, скрученные в трубочку, еще не развернувшиеся листки, из которых-то и получается наиболее высококачественный чай, на плантации теперь выходить остерегаются. А молодежь, работающая с винтовкой через плечо, зачастую валит в корзину что попало.

Вой гудка, доносящийся с посадочной площадки, дает знать, что мне пора спешить в самолет. Оливейру прощается со мной и по-русски, и по-грузински, и по-португальски.

— Посадили гада, окопавшегося на местном складе,— бросает мне министр, углубляясь в бумаги.— Контра! Чая сгноил столько, что, располагая им, мы бы могли сейчас выполнить годовые экспортные обязательства.

Час полета — и в иллюминаторе показывается двухглавый горный пик Намули. Одна из его порфировых, словно отполированных скал почти лишена растительности и поэтому ослепительно блестит на солнце. Другая, затененная первой, покрыта негустым лесом, радующим глаз всеми оттенками зеленого цвета. У местного народа ломве — ближайших родственников макуа — скалы эти священны. Они считаются олицетворением мужского и женского начал, а сама гора Намули — местом, откуда на землю снизошло человечество. Окруженная бесконечными, уходящими за горизонт чайными плантациями, Намули особенно прекрасна, когда выпавший в горах град надевает на ее вершины белоснежные шапки. Тогда все ломве, что бы они ни делали, кончают работать и любуются своей священной горой. Но она разрешает отдохнуть людям очень недолго: через 15—20 минут беспощадное солнце тропиков уничтожает подвенечный наряд Намули.

Нам повезло: мы не только застали гору одетой в белую шапку, но и попали к началу соревнования сборщиков чая, в котором приняло участие практически все население округи. Сотни людей, одетых в новенькие, специально выданные по этому случаю яркие и блестящие пластиковые куртки, разбрелись по изумрудной плантации. Издалека они напоминали гигантские цветы — красные, синие, желтые, лиловые, белые, распустившиеся в этот яркий, радующий всех голубым небом день.

Центр этого самого крупного чаепроизводящего района НРМ — крохотный городок Гуруэ. В 1929 году, когда на склонах Намули были посажены первые чайные кусты, он слыл вотчиной богатого португальского семейства Гусмао. Посте-

пенно расширяя плантации, колонисты главную свою задачу видели в том, чтобы не допустить к выращиванию чайного куста африканцев. Оплачиваемая Гусмао «чайная армия» громил рыскала по всей округе, уничтожала любое проявление «черной конкуренции».

Так длилось до начала 60-х годов, когда у Гусмао появились новые соседи. В Вила-Жункейру, где сейчас работает самая большая в НРМ чаеобрабатывающая фабрика, а также в самом Гуруэ власти решили создать показательный колонат белых поселенцев — бывших солдат колониальной армии. Это был самый дорогой из всех проектов, задуманных Лиссабоном с целью осуществления аграрной колонизации Мозамбика. Поскольку на деньги власти не поскупились, дела у новоявленных чаеводов быстро пошли в гору. Но нужно ли говорить, что коттедж и плодородную землю на склонах Намули колониальные власти давали в награду не всем, а только наиболее свирепым солдатам, обратившим на себя благосклонное внимание начальства своими преступлениями против африканцев.

Поэтому, как только стало ясно, что война в Мозамбике колонизаторами проиграна, первыми, кто сбежал из этой страны, были «чаеводы» Гуруэ. Они так спешили, что в отличие от большинства других своих улепетывавших соплеменников не успели перепахать плантации и взорвать фабрику в Вила-Жункейру.

— Так что все у нас здесь осталось в целости и сохранности,— говорит управляющий чайными хозяйствами Гуруэ Т. Магальяниш.— И поэтому дела идут тоже неплохо. Принадлежавшую Гусмао компанию «Ша Мозамбики, лда», а также около 20 капиталистических кооперативов мы объединили в одно государственное хозяйство. И знаете, что получилось? Говорят, что у нас здесь по площади самое большое в мире чайное хозяйство! И управляемся! Тяжело только готовую продукцию вывозить в Бейру или Мапуту: на дорогах не всегда безопасно.

Кончается рабочий день, и нам навстречу по разбухшей от ночного дождя и не успевшей высохнуть дороге идут сборщики чая — участники соревнования. За спинами у них огромные корзины с чайным листом. Многие здороваются с Магальянишем, кое-кто заговаривает с ним.

— И сколько же листа надо собрать за день? — спрашиваю я.

— Норма — сорок пять килограммов,— отвечает вихрастый, боевой на вид парень.

— А сколько собрали?

— По случаю соревнования сегодня три нормы отпотели. А в обычные дни я две запросто тяну.

— На оплату не жалуетесь?

— Зачем жаловаться? После независимости за норму ста-

ли платить вдвое больше, да еще один метикал * за каждый килограмм свыше. Жалуемся на другое: заработанные деньги девать некуда.

Сказанное парнем явно нашло поддержку среди других подошедших рабочих. Все сразу заговорили, заспорили.

— Это как же? — удивился я столь откровенному заявлению о «денежных излишках».

— А очень просто,— вступил в разговор рабочий постарше, как выяснилось потом — бригадир сборщиков.— Климат у нас такой — коротких штанов на все сезоны хватает. Еда на своей шамбе растет. А куда же деньги девать, если каждый день по две-три нормы собирать? Вы спросите их, рабочих, что они хотят купить?

В многоголосом хоре окружавших нас сборщиков чая явно доминировали два слова: «радио» и «мотоцикл».

— Вот, слышите? — с явным удовлетворением кивает головой бригадир.— Прошли те времена, когда ломве все свои деньги на выкуп невест тратили. Теперь парень штаны купил, а вслед за ними ему по важности — радио. Он новости из столицы хочет слышать, курсы ликбеза. А потом и свой транспорт заиметь — не первую попавшуюся девицу из своей деревни взять, а подальше отъехать — может, чего покрасивее да получше найти.

Парни вокруг опять одобрительно зашумели, затем загоготали отпущенной кем-то смачной шутке.

— Да, с товарами у нас плохо,— согласился Магальяниш.— Наши сельские рабочие готовы хорошо работать, но от материальной заинтересованности никуда не денешься. А в магазинах не много купишь... Район наш отдаленный, а на дорогах — то мина, то засада.

Вой аэродромовского гудка, прервав наш разговор, вновь позвал в дорогу. Министр, судя по тому, как он прощается с местным фрелимовским начальством, на сей раз доволен.

— Молодцы здесь ребята,— говорит он, устало откинувшись на спинку сиденья.— Делами доказывают, что там, где нам португальцы оставили не руины, там где нам не мешают делать свое дело, мы можем работать не хуже, чем при колониальных надсмотрщиках. Вам уж, наверное, похвастались самым большим в мире чайным хозяйством? А завтра займемся хлопком в провинции Ньяса. Будет трудно и хлопотно.

---

* Метикал — денежная единица НРМ.

«Трагическая культура» — хлопок

Не сразу хлопок принес боль и страдания Мозамбику. Есть арабские описания полей хлопчатника в районе острова Мозамбик, в которых говорится, что женщины убирали хлопок, пританцовывая и подпевая в такт подбадривавших их тамтамов. Сохранились свидетельства путешественников о том, что даже в конце XIX века крестьяне-малави и их соседи яо сеяли хлопчатник безо всякого принуждения, считая его культурой престижной и прибыльной.

И вот хлопчатник стал «трагической культурой», причем, как я знал из литературы, из рассказов мозамбикских друзей, наиболее мучительной трагедия хлопка была именно в Ньясе — самой отдаленной от столицы, самой забытой португальцами провинции Мозамбика. Как же это случилось?

Изжила себя, как мы знаем, феодальная система «празу». Ее наследниками сделались концессионные компании. Поддерживаемая крупными дозами инъекций английского капитала, «Компаниа ди Мозамбики» преуспела настолько, что превратилась в «государство в государстве» со столицей в Бейре. «Компаниа да Замбезия» выколачивала миллионы, эксплуатируя рабский труд африканцев на гигантских плантациях сахарного тростника в дельте Замбези, истребляла леса Маники, проворачивала аферы с минеральными богатствами Тете.

Что же касается «Компаниа ду Ньяса», получившей в 1893 году право на владение огромной частью Мозамбика к северу от реки Лурио, то она преуспела меньше всех. Поэтому, когда в 1929 году срок ее концессии истек, власти и не подумали его продлевать, а взялись за «освоение» территории сами.

Каким образом? Агрономы и экономисты положили на стол колониальному начальству доклады о том, что в условиях северного Мозамбика наиболее перспективной культурой является хлопчатник. Он был нужен и для быстро развивающейся текстильной промышленности метрополии, и для экспорта на мировой рынок. Попытки уговорить африканцев выращивать хлопок на добровольных началах на своих шамбах не увенчались успехом: культура была трудоемкой, а закупочные цены, установленные властями,— низкими.

И тогда хлопчатник сделался «принудительной культурой» в Ньясе и соседней провинции Нампула. Одной из главных функций колониальной администрации с начала XX века стало формирование армии африканских рабочих, насильственно принуждаемых к работе на хлопковых плантациях.

Мозамбикское законодательство было переписано таким образом, чтобы «легализовать» принудительное направление

рабочих в хлопкопроизводящие районы. Где бы ни жил рабочий — в Лоренсу-Маркише, Бейре или в родной деревне, за любое нарушение рабочей дисциплины — будь то опоздание на работу, затянувшийся «перекур», брак на производстве — администрация могла уволить его и «выслать на хлопок». Кроме того, по аналогии с ЮАР с ее пресловутой «системой пропусков» в Мозамбике были введены специальные документы — «кадернету». Любая неточность или исправление в кадернету — а их нарочно допускали чиновники — механически влекли за собой «поездку на север».

Однако были и «нелегальные» способы принуждения африканцев к рабскому труду, которые Португалия пыталась всячески скрывать от мирового общественного мнения. Самый распространенный из них — ночные облавы, когда полицейские врывались в спящие деревни, угоняя на работу всех, вплоть до беременных женщин. За каждого подобного «пойманного рабочего» власти взимали с предпринимателей мизерный налог в 80 американских центов, из которых две трети шли в государственный фонд, а одна треть — деревенскому вождю, принимавшему участие в охоте за соплеменниками. Это была настоящая торговля людьми в XX веке!

Со временем, действуя не экономическими, а чисто полицейскими методами, колониальные власти все же заставили африканцев возделывать хлопчатник и на своих собственных шамбах. Этот процесс насильственного внедрения хлопчатника в крестьянские хозяйства шел настолько быстро, что к началу 70-х годов выращиванием хлопчатника занималось более 600 тысяч африканских хозяйств. Жестоко и неотвратимо хлопок вовлек в товарное производство минимум треть местного населения и стал наряду с кешью и кокосовым орехом главной экспортной культурой африканского сектора экономики. Накануне провозглашения независимости Мозамбика «туземные фермеры» давали уже 70 процентов общего производства хлопка-волокна в Мозамбике.

По страницам работ западных авторов о Мозамбике рассеяны признания того, что насильственное внедрение здесь хлопчатника, резко сократив площади под продовольственными культурами, стало причиной массового голода среди населения. Португальский социолог Ж. де Силва свидетельствует: «Лишенные в «хлопковых районах» возможности производить продукты питания, сотни людей умирали от голодной смерти. Это не гипербола, а трагическая действительность Мозамбика... Вдоль дорог можно было видеть трупы африканцев со вздувшимися животами».

Неграмотный, забитый предрассудками и опутанный религиозными догмами, мозамбикский крестьянин видел основную причину своих бедствий не в социально-экономической системе колониализма, превратившей для него хлопчатник в «трагическую культуру», а в самой этой культуре. Безобидное расте-

ние с белыми пушистыми коробочками стало для него символом зла.

И поэтому, когда была провозглашена независимость Мозамбика, рабочими и крестьянами хлопкопроизводящих районов она была воспринята не в последнюю очередь как «независимость от хлопка». Надсмотрщики и их хозяева бежали с плантаций в одну сторону, рабочие — в другую. Мелкие крестьяне, с истинным наслаждением освободив свои шамбы от ненавистной культуры, засадили их сообразно своим вкусам бататом, фасолью и овощами. Производство хлопка, который по стоимости в экспортной статистике Мозамбика нередко конкурировал с кешью, катастрофически упало. В первые годы не хватало даже сырья для двух собственных текстильных фабрик.

Партия, опираясь на активистов-«динамизаторов», развернула на севере огромную работу, чтобы объяснить крестьянам: в народной республике у хлопководов новые условия труда, новые материальные стимулы, новые обязательства перед государством. На крупных плантациях эта кампания возымела свое действие. Убедившись, что там исчезли надсмотрщики с плетками, что рабочий день сократился с 14 до 9 часов, а после работы не загоняют, как раньше, в бараки за колючей проволокой, а разрешают идти куда хочешь, рабочие стали возвращаться на плантации. А места тех, кто не вернулся, заняла молодежь.

Но с мелкими фермерами-частниками дела шли куда хуже. Во-первых, пропагандистской работой эффективно их так быстро не охватишь. А во-вторых, почему крестьянин должен отдавать свою землю и свой труд ненавистному хлопку, если ему нравится, встав утром, съесть со своей шамбы свежий банан?..

— Трудный сегодня будет день,— после приветствия повторил вчерашние слова министр, которого я встретил у вертолета.— По плану надо посетить четыре поселка: там нас будут ждать люди. А следовало бы в каждом поселке просидеть по четыре дня, объяснить крестьянам что к чему да и самим коечто понять.

Первая остановка в Сайди — типичном для мозамбикского севера поселке, где вокруг белого каменного здания полиции и азиатских лавчонок теснятся две-три сотни африканских хижин. Митинг организуется прямо на площадке, на которую плюхнулся вертолет. Народу — тысячи три, все больше мужчины.

Министр подробно излагает причины «хлопковой трагедии», говорит, что теперь никто не совершает по ночам облавы на рабочих для плантаций, никто не запрещает крестьянам сажать рядом с хлопком все, что им заблагорассудится.

— Ведь раньше мазунгаш твердили: «Все силы — хлопку»,— говорит оратор.— Теперь же мы обращаемся к вам с просьбой: «Все силы — народному государству». Сейте бобы и

возделывайте бананы. Но рядом с ними пусть растет и хлопчатник.

— Абайшу алгодао! — ожесточенно кричат крестьяне.— Долой хлопок! От него одни убытки.

Призывая людей к порядку, министр объясняет, что государство резко подняло закупочные цены на эту культуру, что закупать ее у крестьян теперь будут не обдиралы-частники, а государственные заготовительные пункты, которые контролируют фрелимовцы. Он еще раз подчеркивает, что государство не принуждает, а просит выращивать хлопок, что каждое незасеянное поле — убыток для народной республики.

Провожают нас люди улыбками и обещаниями не забывать о хлопке. Но в Намикунде — следующем пункте остановки — страсти накаляются до неожиданного предела. Местный комиссар ФРЕЛИМО, опережая наш выход из вертолета, сам залезает в кабину и докладывает министру обстановку.

Выясняется, что дела в Намикунде с хлопком шли, можно сказать, хорошо, местные «динамизаторы» еще в прошлом году привезли из Нампулы семена высококачественных сортов, засеяли показательное поле. Урожай был отменный, удививший всех, и местные крестьяне решили: на своих приусадебных шамбах будем выращивать, что хотим, а за поселком выкорчуем лес, расчистим одно большое поле — коллективную шамбу и будем сообща выращивать на ней хлопчатник.

И вот сегодня ночью на поселок нагрянул отряд молодчиков, одетых в форму солдат народной армии (ФПЛМ *). Они уничтожили, выжгли, вытоптали все приусадебные шамбы, обстреляли несколько зданий, а на центральной площади вывесили плакат: «Все силы — хлопку». Военного гарнизона в Намикунде нет, отстреливаться было некому, и поэтому ночные налетчики беспрепятственно скрылись.

— ...— отпускает смачное словечко мой спутник и приказывает связаться по рации с ближайшими полицейскими пунктами и частями ФПЛМ в радиусе 100 километров. Все вертолеты — в воздух, все автомашины — на оцепление Намикунде, прочесать все залесенные участки, поднять на ноги «динамизаторов».

Министр стягивает с себя штатский костюм, переодевается в военную форму и выходит из вертолета. Огромная толпа — не менее 10 тысяч человек — встречает его неестественной, гнетущей тишиной.

— Мне уже доложили о происшедшем здесь сегодня ночью,— медленно, как бы подбирая слова, говорит он.— Негодяи нарядились в форму ФПЛМ, и, судя по тому, как вы встретили меня, кое-кто думает, что это Партия Фрелимо, отобрав

* ФПЛМ — Народные силы освобождения Мозамбика.

власть у португальцев, действует их же методами. Но я, как видите, вышел к вам в такой же форме, потому что горжусь ею и не сниму ее ни за какие деньги, ни под какими пытками. Нашей революционной формой сегодня ночью воспользовались негодяи, с ее помощью они надеялись запятнать честь и имя солдата ФПЛМ. Они знали, что я приеду сегодня в Намикунде, знали, о чем у нас с вами должна пойти речь. И поэтому они решили напомнить вам о тех временах, когда хлопок приносил только несчастье. Не только у вас в округе действуют эти негодяи-контрреволюционеры, поддерживаемые с юга. Но единство народа и Партии Фрелимо, народа и ФПЛМ им не нарушить!

Министр говорил долго, больше часа, нервно прислушиваясь к доносившемуся из вертолета попискиванию рации. «Хлопковых» проблем он уже, конечно, не поднимал, а рассказывал о больших и сложных проблемах развития НРМ, о решимости народа поддержать сделанный III съездом Партии Фрелимо выбор: идти по пути строительства в Мозамбике основ социалистического общества.

К министру подошел пилот и, прервав его на полуслове, что-то шепотом доложил ему.

— Ну вот, рад сообщить вам, что «контра» обнаружена. Вскоре их на военном вертолете привезут сюда, и вы сами сможете убедиться, чтó они за «фрелимовцы». А пока желаю вам удач и на своих шамбах, и на коллективном хлопковом поле.

Лес поднятых в небо рук и многотысячное «Вива ФРЕЛИМО!» провожают нас.

Очевидно желая предвосхитить мои возможные вопросы, министр вновь возвращается к хлопку:

— Мы в Мозамбике часто и много говорим о кешью — культуре, мало где в мире возделываемой, гордимся своим первенством в ее производстве. Но если обратиться к статистике, то кешью обеспечивал 22 процента стоимости экспорта, а хлопок — 20 процентов. Разницы-то почти никакой. А вне статистики, на деле, для самого крестьянина разница между этими культурами огромная. Акажу — полудичок, классический элемент экстенсивной колониальной экономики. Да и кокосовая пальма тоже практически дает крестьянину готовый продукт без особых затрат труда, делает его собирателем, а не активным земледельцем. А хлопок — культура трудоемкая, требующая интенсивных форм земледелия. Он, этот хлопок, в экономическую систему, созданную колонизаторами в деревне, без кнута не вписывается. Товарность же африканского сектора хозяйства держалась именно на этом кнуте, на внеэкономическом принуждении. Это и придало уродливые формы всему процессу становления товарного производства в африканской деревне. А без его развития нам ни на шаг вперед не продвинуться.

— Мауа! — кричит пилот, делая круг над собравшейся толпой.— Тысяч пять пришли!

В Мауа тон почему-то задают женщины. Ярко наряженные, а те, кто постарше, даже со следами татуировки на лице, они заняли первые ряды среди слушателей и, как только министр кончил свою речь, взяли инициативу в свои руки.

— Хлопок, который ты нас агитируешь выращивать, мы не то что не любим, а попросту ненавидим,— заявляет полная, лет шестидесяти женщина, сначала уверенно ставшая рядом с министром, а потом и попросту заслонившая его от публики.— Но если надо, мы готовы его выращивать, поскольку, как ты говоришь, в Мапуту он не растет, а столичным жителям голым ходить не пристало. Но возделывать мы его согласны на новых условиях. Раньше, когда начинался сбор коробочек, мы выходили на плантации с детьми: двое-трое рядом, самый меньший за спиной. Надсмотрщик меня бил, а иногда перепадало и тому, кто за спиной. Теперь нас никто не бьет, я сама кому хошь наподдам, потому что бригадир. Но таскать детей на коллективную шамбу — не дело. Нужен государству хлопок — пусть нам под детский сад дом удравшего мазунги отдадут. А иначе хлопка никакого не будет!

Министр не успевает поддержать предложение бригадира, как к ее месту направляется еще более солидная африканка. В руках у нее две гири. Одна, судя по размерам, килограммов на двадцать, другая — на десять. Единственный на всю Мауа полицейский пытается преградить женщине дорогу, но она, утяжеленная весом гирь, без труда убирает его со своего пути.

— Ты меня ведь знаешь, чего испугался? — обращается она к полицейскому.— Активистка я, в ФРЕЛИМО с одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года состою и на своих плечах не помню уж сколько тонн партизанских грузов перетаскала. А сейчас я хочу, чтобы товарищ министр эти гири подержал.

Явно не желая подорвать свое мужское достоинство, министр берет протянутую ему гирю побольше, не выказывая никаких затруднений. Подбадриваемый толпой, он другой рукой берет меньшую, но, когда женщина отпускает ее, сгибается под неожиданной тяжестью груза.

Толпа, конечно же знающая что к чему, восторженно гогочет.

— Вот тебе «хлопковые» гири! — уперев руки в боки, кричит активистка.— Когда мы сдавали хлопок, то нам на весы ставили гирю поменьше, на которой написано «десять килограммов», но которая весит двадцать. В поселке целый сарай таких «обманных» гирь, с помощью которых нас надували португальцы. Пока гири не увезут — хлопок собирать не будем!

Министр просит дать ему несколько «обманных» гирь, чтобы показать в столице, а то и передать в музей. Затем отдает

распоряжение властям завтра же утопить остальные гири в ближайшей реке. Вертолет вновь взмывает в воздух.

— Теперь Маррупа — самый сложный пункт на нашем пути. Довольно большой по местным масштабам город. С одной стороны, много потерявшего связь с общиной, полупролетарского, полунищего населения, с другой — довольно большая зажиточная местная прослойка, главным образом мусульмане: лавочники, ростовщики и, главное, нелегальные землевладельцы. Права на владение наделом у местного богатея хотя и нет, но по традиции считается: его земля. И если он не разрешит сеять на этой земле хлопок, то без вмешательства армии зачастую ничего и не сделаешь.

— А какая необходимость возделывать именно этот, спорный надел? — удивляюсь я.— Ведь свободных земель здесь сколько угодно.

— Да, где мы с вами до сих пор были, много. А в районе Маррупы и далее на северо-восток характер почв меняется. Концессионные компании культивировали здесь хлопок из года в год, не соблюдая никаких агропочвенных норм. И вот, взгляните в окно, к чему это привело.

Если до сих пор за стеклом иллюминатора плыли залесенные земли, перемежающиеся с хлопковыми плантациями, то сейчас под нами простирались огромные пространства бедленда, почти лишенного растительности. Глубоко врезанные в толщу мягких осадочных пород овраги порою придавали местности характер горного ландшафта.

— Итак, от Маррупы до Монтепуеза — сотни тысяч гектаров потерявших почву земель, высохших рек, уничтоженных лесов. Верно говорят: вместе с хлопком португальцы увозили в трюмах своих судов и плодородие мозабикской земли. Так что, сами понимаете, в этом районе надо бороться за каждый плодородный гектар.

Неожиданно в Маррупе произошло нечто вроде локальной классовой битвы. В первых рядах, в креслах, расставленных прямо на взлетной полосе аэродрома, уселись бородатые шейхи в тюрбанах, за ними — солидного возраста и вида мужчины в красных фесках и белых сюртуках. Далее разместился чиновный люд, а уж потом — те, ради кого организовывали сегодняшнюю встречу. Женщин было мало. Они стояли в стороне, почти все были в черном, с полуприкрытыми лицами.

Когда министр кончил, слово взял Гуляб Али, один из обладателей красной фески. Крупный торговец, отлично разбирающийся и в экономических делах, и в умонастроениях своих покупателей, он свое выступление построил весьма хитроумно:

— Когда мы бросаем в землю клубень маниоки или втыкаем в нее саженец банана, то мы знаем — пройдет время и земля сторицей вознаградит нас: мы будем сыты. А зачем нам сажать хлопок, господин товарищ министр? Вы правы: новое правительство повысило на него закупочные цены в несколько

раз. Но зачем мне эти деньги, если я не могу купить на них у оптовиков того, ради чего приходят в мои лавки хлопкоробы. И зачем хлопкоробам мучиться с хлопком, которым нельзя накормить детей и на деньги от продажи которого нельзя купить даже чаю?

В самый разгар выступления торговца рядом приземлился вертолет, на котором прибыл комиссар Маррупы: его срочно вызвали в провинциальный центр. Обнявшись с министром, он взял микрофон и раскатистым басом предложил публике «занять места в соответствии со значимостью в происходящих событиях». Хлопкоробов пригласили вперед, а публику со стульями оттеснили назад.

У комиссара был очень широкий взгляд на вещи. Он начал с критики Гуляба Али:

— Я не слышал, что говорил этот старый кровосос без меня. Но знаю, что, хотя он всегда призывает вас отказаться от выращивания хлопчатника, сам он с момента повышения закупочных цен сажает именно хлопчатник. И его родственники во всей округе тоже сажают хлопчатник. И никто не отказывается от денег, на которые, как говорил Гуляб Али, нечего купить. Открою вам сейчас небольшую тайну. В Лишинге, откуда я сейчас прилетел, «динамизаторы» произвели обыск на оптовых складах, которые на паях принадлежат и Гулябу. Там было обнаружено (комиссар вынул бумажку из бокового кармана и начал читать): мешков риса — 320, мешков сахара — 581, мешков соли — 218, мешков муки — 821. Кроме этого там же с 1975 года лежали 136 тюков тканей, 280 велосипедов, 71 мотоцикл, около 500 радиоприемников разных марок. И я уже не говорю о десятках ящиков с такими «мелочами», как мыло, спички, зубная паста, школьные принадлежности...

Возмущенный гул толпы нарастал по мере того, как комиссар зачитывал список. Кое-кто из обладателей фесок начал пробираться к выходу.

— Всего этого давно нет на прилавках лавок Гуляба Али и его друзей-купчишек,— продолжал комиссар.— Можно было бы вызвать сейчас Гуляба Али сюда, под эту трибуну, и спросить: «Зачем ты прячешь все эти товары, нужные народу?» Но я не буду этого делать, потому что Гуляб начнет нести всякую околесицу и только отнимет у всех время. Поэтому я отвечу на этот вопрос сам коротко и ясно. Во-первых, потому, что, припрятывая товары, создавая экономические трудности, Гуляб и ему подобные надеются опорочить, подорвать нашу народную власть. Во-вторых, потому, что, не выкладывая товары на прилавок месяц, шесть месяцев, год, он набивает им цену, надеясь продать в 10 раз дороже, чем купил. При этом он не побрезгует взять у вас деньги, на которые якобы «ничего нельзя купить».

Толпа зааплодировала, но комиссар властным движением руки восстановил тишину.

— А теперь я хочу поговорить с вами о маниоке, которую Гуляб да и многие ему подобные в округе призывают вас сажать, отказавшись от хлопка. И без их призывов сегодня ни в одной стране Африки не производится этого корнеплода больше в пересчете на душу населения, чем в Мозамбике. Но это не тот всеафриканский рекорд, которым следует гордиться. Что такое маниока? Это не только самая бедная питательными веществами сельскохозяйственная культура, но и самая неприхотливая. Брось в землю черешок, через два-три года будешь иметь пятнадцатикилограммовый клубень. При португальцах в условиях принудительного труда многолетней маниоки в Мозамбике сажали все больше и больше, потому что у крестьян не было ни времени, ни сил возделывать злаковые и овощные культуры. Теперь хитрый Гуляб, призывая вас отказаться от хлопка и уповать только на маниоку, хочет занять место мазунгаш, а вернее, хочет превратиться в черного буржуа. Маниока оставит вам не только свободное время, но и пустые животы, пустые карманы. И тогда, как надеется Гуляб, вы пойдете к нему за гроши выращивать его хлопок, принося ему большие доходы.

Логика у комиссара была железной, и поэтому его лозунг «Вива алгодао!» был подхвачен практически единогласно. В борьбу за хлопок в Маррупе был внесен явно весомый вклад. Итак, наш «хлопковый рейс» завершен. Вертолет резко разворачивается в сторону озера Ньяса. Он летит прямо на запад, и кажется, что в конечном итоге мы врежемся в красный круг солнца, висящий прямо перед нами...

По следам Ливингстона и работорговцев XX века

Лишинга — город молодой, выстроенный исключительно как административный центр Ньясы и лишенный каких бы то ни было достопримечательностей, не считая... климата. Вдоль его центральных улиц растут мохнатые сосны, а вплотную к предместьям подходят подсолнечниковые поля. Все мои местные знакомцы при встрече утром первым делом осведомлялись, не холодно ли мне, а вечером обязательно советовали облачиться в шерстяной свитер. Город лежит на высоте почти полторы тысячи метров над уровнем моря, а с запада его продувают ветры, рождающиеся над великим африканским озером Ньяса.

Ньяса манила меня как магнит, однако добраться туда оказалось сложным: от Лишинги до озера по прямой всего 40 километров (но португальцы так и не собрались построить туда дорогу), а по проложенной в обход колее — более 200 километров. Шансов взять машину в аренду — никаких, добираться

на попутках — в подобных местах можно уехать намного дальше, чем хочешь. Оставалось надеяться на главную «палочку — выручалочку» — местное партийное руководство, хотя и у них, как я уже знал, были почти непреодолимые трудности: «контра» разрушила где-то мост, а бензин, который возят сюда с побережья, ценится на вес золота.

Однако едва я переступил порог кабинета секретаря по идеологическим вопросам в провинциальном комитете партии и начал излагать ему свои нужды, как в дверях возник министр сельского хозяйства. Он тотчас же поддержал мою идею поездить по приозерной провинции. Теперь все, что он говорил, обретало форму приказа:

— Бензин на него тратить не надо. Свяжитесь с гарнизоном ФПЛМ, у них каждое утро с десяток машин разъезжает во все концы провинции. Вот пусть и ездит с ними, куда хочет. А я забежал попрощаться: срочно вызывают в столицу.

— Боа вьяжем,— пожелали мы министру и, оставшись вдвоем с секретарем, заговорили о делах в провинции.

— Территориально Ньяса — одна из самых больших провинций, по численности жителей — самая незаселенная: здесь насчитывается всего 450 тысяч человек. Если по стране средняя плотность населения — 18 человек на квадратный километр, то у нас этот показатель чуть выше трех человек. В первую очередь я объясняю подобную малолюдность тем, что еще в середине прошлого века провинция была одним из главных районов работорговли в Африке. Вывозили по 25 тысяч человек в год. А ведь на каждого вывезенного раба приходилось 10 человек погибших во время племенных стычек, не выдержавших бесчеловечного обращения, разлуки с близкими, плохой пищи, так что в год Ньяса теряла 250 тысяч человек.

Телефонный звонок прерывает наш разговор, секретарь записывает что-то, затем зачитывает мне маршруты, по которым поедут сегодня машины ФПЛМ. Я выбираю конечно же поездку на север, вдоль побережья озера.

— Ну, тогда у нас всего несколько минут свободного времени,— повесив трубку, продолжает секретарь.— Вы ведь были, наверное, в Манике, в Шимойо? Так вот, прибрежные районы Ньясы, окрестности Лишинги — это такие же благодатные места с умеренным климатом и плодородной почвой. А они до сих пор стоят в девственной неприкосновенности, подобно памятнику колониальному идиотизму. Даже дорог не удосужились провести. По сравнению с другими провинциями, поражаемыми то засухой, то наводнениями, у нас последние годы собирают отличные урожаи. Картофеля — он в Мозамбике и растет-то только в Ньясе — получаем столько, что могли бы прокормить всю страну. А вывезти его из-за бездорожья и «контры» не можем.

Разговор наш прерывает подтянутый, в новенькой щеголеватой форме солдат, который докладывает: «Машина готова».

От Лишинги военным надо доехать вдоль побережья озера до Маниабо, оттуда в Кобве, а затем — «куда скажет товарищ корреспондент».

Ехать «вдоль побережья», когда речь идет о мозамбикском береге Ньясы,— понятие весьма относительное. Несколько лет назад я смотрел на него с противоположного, малавийского берега. Тогда он казался мне занятым неприступными горами, почти отвесно поднимающимися прямо из озерных вод. Оказавшись же на мозамбикском берегу, я обнаружил, что это плосковерхий, расчлененный эрозией горстовой массив. В сторону озера он действительно обрывается отвесным уступом, зачастую не оставляя между собой и водой ни сантиметра берега или пляжа. Поэтому «вдоль побережья» здесь можно плавать, но никак не ехать на машине.

Практически нет никакой возможности передвигаться на транспорте и вдоль уступа горста, потому что расчлененность рельефа как бы демонстрирует здесь всю изощренность своих форм. Глубокие овраги со склонами-осыпями чередуются здесь с небольшими плато, заваленными гигантскими обломками гнейсов, создающими непреодолимое препятствие для автомашины.

Поэтому наш «уазик», надрывно урча, ползет по каменистой, типично горной тропе, головокружительным серпантином проложенной примерно в 25—40 километрах от озера. А где-то далеко внизу плещется голубое озеро-море.

— Вам случалось бывать в «альдеаменту»? — обращается ко мне Эрнешту, вместе с которым я направляюсь на север.

— К сожалению, случалось,— говорю я.— И в Тете, и в Кабу-Делгаду.

— Ну, это даже к лучшему: не так испортится настроение. А то те, кто впервые туда попадают, потом и к местной красоте невосприимчивыми становятся.

— А мы что, в «альдеаменту» должны заехать? — спрашиваю я.

— Да я туда и еду. Вроде начальника там. А лучше бы рядовым согласился быть: никаких забот. Там же три тысячи человек — три тысячи трагедий.

Тряская дорога, изобилующая бесконечными крутыми поворотами, не располагала к беседе, и каждый из нас ушел в свои мысли...

Идея создания «альдеаментуш», или стратегических деревень, возникла у португальцев в конце 60-х годов как ответ на расширяющееся день ото дня освободительное движение. Главный смысл ее заключался в том, чтобы поставить под свой военный контроль все негородское население северного Мозамбика, пресечь его контакты с ФРЕЛИМО, лишить силы освобождения народной поддержки.

Затея с «альдеаменту» в случае ее осуществления коренным образом могла изменить весь демографический облик

этой огромной страны. И вот почему. Жители мозамбикского севера не знают, что такое деревня в нашем, европейском понимании этого слова. Ни в Ньясе, ни в Кабу-Делгаду никогда не было крупных скоплений аграрного населения. Под светлым пологом миамбо люди жили семейными хуторами: одна семья, шесть-восемь хижин. В любом направлении в радиусе четырех-пяти километров можно было найти еще с десяток таких хуторов. Природа была щедрой, земля — плодородной, дичи водилось в достатке, и все это не понуждало людей объединяться вместе. Соседи ходили в гости друг к другу и играли свадьбы, а в случае нужды по зову тамтамов выступали против врага.

В условиях освободительной войны каждый такой хутор превратился в тыл ФРЕЛИМО, в базу снабжения патриотов молодыми бойцами и продовольствием. И, понимая это, португальцы, не способные поставить под свой контроль распыленные по всему лесу деревеньки, решили уничтожить традиционную систему расселения. Крестьян начали насильственно сгонять в «альдеаментуш» — расположенные на открытой местности, вблизи от стратегических дорог, вновь создаваемые поселки, в которых одновременно должны были жить по 2—3 тысячи человек. По сути дела это были гигантские концентрационные лагеря, в которые к 1974 году только в провинциях Ньяса и Кабу-Делгаду было согнано 350 тысяч человек, а по всей стране — более 800 тысяч. В Нампуле, в штабе португальских колониальных войск, я видел «перспективную карту» создания таких концлагерей вплоть до 1990 года. Они покрывали территорию всей страны к северу от реки Сави и были рассчитаны на 4 миллиона человек. Это был страшный план возрождения рабства в невиданных дотоле масштабах. На карте были прочерчены линии — основные направления поставок рабочей силы из «альдеаментуш» на плантации и крупнейшие новостройки.

«Альдеаменту» вблизи Маниамбы — напоминание об одном из таких концентрационных лагерей. Когда мы, подъехав к его воротам, выходили из машины, Эрнешту рассказывал:

— По заданию ФРЕЛИМО я сам был узником этого «альдеаменту», вел агитационную работу среди его жителей. Ничего особенного, отличного от виданного вами в других местах здесь нет. Португальцы не изощрялись в выдумках, строили «альдеаментуш» по «типовым проектам»: пять — семь рядов хижин, по сотне в каждом ряду. Ни одного деревца, чтобы все просматривалось и простреливалось. По периметру — ограждения: восемь рядов колючей проволоки, по которой пропущен ток. На каждом углу стоит вышка для часового. За колючей проволокой — шамбы. Больше, чем положено, посеять было нельзя, в случае хорошего урожая излишки конфисковывались. Это чтобы у нас не появились деньги или чтобы мы не передали излишки ФРЕЛИМО. За сельскохозяйственной поло-

сой опять проволока под током и вышки с солдатами. Ни дать ни взять — гигантский лагерь работорговцев второй половины XX века!

Мы идем вдоль построенных на века бетонных хижин под крышей из рифленого железа. Как же нестерпимо раскалялись они днем и как вообще было неуютно в них жить обитателям миамбо, привыкшим к простору, прохладе и ароматам леса!

— Представляете, какие проблемы оставили нам эти «альдеаментуш»? — как бы угадывая мои мысли, продолжает Эрнешту.— Часовых мы, конечно, в первый же день сняли, колючую проволоку срезали. Но еще до того, как мы это сделали, многие обитатели поселка ушли обратно в свой родной лес. И чем дальше, тем больше проблем возникает. Загнанные сюда вчерашние свободные общинники были лишены права свободного передвижения, ограничены в земле и возможностях производить достаточное количество продуктов питания. Оказавшись здесь в крайне тяжелых социальных условиях, они зачастую видели главную причину своего бедственного положения в необходимости жить вместе. Не знаю уж, думали португальцы так глубоко или нет, но «альдеаментуш» зачастую становятся тормозом на пути коллективизации. В новой, созданной на совершенно иной основе жизни в коллективной деревне хуторянина в этих районах больше всего пугает именно необходимость строить свой дом рядом с домом соседа.

— Но ведь отказаться от самой идеи существования более или менее крупных населенных пунктов в аграрных районах — это шаг назад,— говорю я.— Нельзя же обеспечить каждый хутор учителем и врачом, нельзя на каждую шамбу в лесу выделить по агроному и трактору. Ясно, что только кооперирование может решить сложные социально-экономические проблемы Ньясы.

— Мы понимаем это и поэтому пытаемся создать на базе «альдеаментуш» хозяйства, которые бы не напоминали о прошлом. Во-первых, сокращаем число их жителей с 3 тысяч до 300—400 человек. Видите, в дальнем углу поселка мы уже посадили деревья: там будет жилой квартал нашего будущего агрогородка. Часть хижин отведем под клуб, ясли, библиотеку. А в противоположном конце поселка уже начали переоборудовать строения под птичники. В общем, есть здесь человек тридцать энтузиастов, которые хотят вдохнуть новую жизнь в это мрачное место. Приезжайте через пару лет: порадуетесь нашим успехам!

Великое африканское озеро Ньяса

Сразу за Маниамбой каменистая дорога кончилась, но зато служившая ей продолжением чуть заметная тропа, по которой раз в две недели проезжает одна-единственная машина, резко

приблизилась к отвесным кручам, обрывающимся в сторону Ньясы. И тут мы въехали в царство баобабов. Баобаб здесь совсем не уникум, а рядовой в местной рати деревьев-толстяков. Внушающие уважение гиганты растительного мира в возрасте явно не менее тысячи лет, теснясь один к одному, стояли над самым краем плато, а некоторые, цепляясь за каменистую почву, умудрялись даже расти на его крутых склонах. Впрочем, чему удивляться, если корни этого дерева способны «уходить» в глубь на несколько сот метров?!

Никогда и нигде еще в Африке я не видел подобного скопления таких огромных баобабов, ведь обычно они растут на расстоянии друг от друга 100—150 метров, как бы стремясь не конкурировать и давая возможность каждому индивиду продемонстрировать присущее ему чудо. А «чудесами» это дерево природа не обделила! Баобаб живет до 2,5 тысяч лет. А. Гумбольдт называл его «старейшим органическим памятником нашей планеты. Пяти-семиметровый в диаметре ствол для него обычное явление. Бывают стволы диаметром 9 метров и, следовательно, в обхвате превышающие 30 метров. Нередко толщина ствола у этого оригинала растительного мира превышает высоту. Лишь вступив во второе тысячелетие своей жизни, баобаб вырастает иногда до 15—18 метров, имея при этом обхват ствола в 10—12 метров. Еще одно удивительное свойство баобаба роднит его... с верблюдом. В дождливые годы он может «пить впрок», увеличиваясь вширь, а в засушливые — «худеть» за счет расходования запасенной влаги.

Африканцы нещадно «эксплуатируют» баобаб. Для обитателей саванны это «дерево жизни» в той же степени, что кокосовая пальма — для жителей побережья. Единственное, что не способен дать баобаб человеку,— так это прочную древесину. Зато волокно, которое из нее получают, настолько крепко, что у местных охотников в ходу поговорка: «Беспомощен, как слон, опутанный баобабовой веревкой». Листья баобаба употребляют в пищу в качестве салата, сушеные цветы — для отпугивания комаров, плоды — как пряность, сочную сердцевину — как гарнир к мясным блюдам.

Парадоксально, но самое отдаленное от Европы и более всего упрятанное труднопреодолимыми горными массивами озеро Ньяса стало первым в семье рифтовых озер, открытых европейцами. Будучи уверенными в непоколебимой честности и порядочности Д. Ливингстона, его дневниковую запись: «Мы открыли озеро Ньяса немного раньше полудня 16 сентября 1859 года» * — мы можем рассматривать лишь как досадное заблуждение. Ведь 233 годами ранее здесь побывал известный португальский путешественник Г. Бакарру, а до него — арабские купцы.

---

* *Ливингстон Д., Ливингстон Ч.* Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 год. М., 1956, с. 79.

Другое дело, что Д. Ливингстон в отличие от своего португальского предшественника оставил подробное описание озера, придав открытию научный характер. В 1875 году бывший спутник Д. Ливингстона лейтенант Э. Янг организовал фантастическое мероприятие: нанятые им 800 местных носильщиков по частям перенесли от низовья реки Шире до Ньясы пароход «Илала». На нем Э. Янг впервые обошел все озеро кругом, исправив ряд ошибок, допущенных Д. Ливингстоном.

С тех пор полная монополия на исследование всего северного Мозамбика оказалась в руках англичан. Лондон избрал интересную тактику: крупные британские путешественники, совершавшие маршруты по приньясским районам, назначались английскими консулами в Мозамбике, что практически давало им возможность не подчиняться португальским властям. Так, консул Д. Элтон, ранее сделавший себе имя путешествием по Лимпопо, сменив Э. Янга на «Илале», закартировал в 1877 году все восточное побережье Ньясы, а консул О'Нил исследовал бассейн Луженды. Вплоть до начала XX века у португальцев на берегу Ньясы не было ни одного постоянного поста. «С горечью и завистью нам приходится довольствоваться сведениями о португальских территориях в Восточной Африке из лондонских журналов»,— писал в 1903 году «Вестник Географического общества острова Мозамбик».

Проводниками и союзниками европейцев в приньясских районах в ту пору были насельники этих мест — яо. Приняв ислам, чтобы спастись от рабства на том основании, что арабы не могли порабощать мусульман, яо со временем сделались ближайшими подручными работорговцев среди местного населения. Некоторые наиболее зажиточные представители племенной верхушки яо и сами превратились в крупных работорговцев. Побывав на побережье, они переняли у суахили треугольный парус и уже в XIX веке соорудили на Ньясе целую флотилию доу, принимавшую участие в охоте за людьми. Их главное логово находилось на противоположном берегу озера, в ныне малавийском порту Нкота-Коте. Некоторые исследователи истории работорговли даже называют яо «профессиональными работорговцами».

Зажиточные люди из этого племени имели рабов и для «внутреннего пользования», поскольку на плодородных аллювиальных почвах многочисленных рек они занимались земледелием в масштабах, позволяющих не только удовлетворить собственные нужды, но и снабжать продовольствием арабские и португальские караваны. Уже в конце XIX века Э. Реклю писал о яо: «Почти повсюду, где они поселились, они преобладают в политическом отношении... Весьма чистоплотные как в одежде, так и в жилищах, они охотно свыкаются с чужеземцами и выделяются духом предприимчивости. Они превосходные земледельцы. Яо долины Луженды превратили ее в громадный сад, в котором земляные фисташки, сладкие бататы,

тыквы, фасоль и местами рис произрастают рядом с маисом и сорго, т. е. хлебными растениями, главным образом служащими пищею местного населения... Верхние склоны гор усеяны хижинами. В местечке Унанго (а это в каких-нибудь 40 километрах от Маниамбо.— *С. К.*) их по крайней мере 9 тысяч» *.

Если забыть о работорговле, то сегодня у яо сохранились все те положительные качества, которые отмечали у них путешественники прошлого. В Кобве я убедился в этом на собственном опыте.

Но сначала о Кобве. Это крошечное селение, практически единственный мозамбикский населенный пункт, находящийся непосредственно на побережье озера,— единственное место, где к Ньясе подходит нечто вроде дороги, по которой можно добраться до этого уникума африканской природы, способного стать приманкой для сотен тысяч туристов. Кобве — это также единственная гавань в Мозамбике, где находится стоянка военного озерного флота, единственное место, где в центре континента, среди гор, несут службу военные моряки.

Командующий военной базой поинтересовался моими планами, потом вызвал к себе Руи Перейру — неправдоподобно худого мулата, бывшего сотрудника некогда существовавшей в Кобве лимнологической, метеорологической и сейсмической станции.

Ньясу, казавшуюся мне такой уютной, тихой и гостеприимной, Руи, повторяя определение Ливингстона, характеризовал как «озеро бурь». В его описаниях вытянувшийся с севера на юг на 580 километров узкий водоем представал гигантской аэродинамической трубой, которая, усиливая прорывающиеся сюда зимой по долине Замбези — Шире юго-восточные пассаты, превращала их в ураганные ветры. У них даже есть свое собственное название — «мвере» — бешеные ветры. Вырываясь из узкой долины Шире, они с диким свистом несутся над озером, ударяются в стерегущие его северное побережье горы и, повернув назад, поднимают гигантские смерчи.

Еще один сюрприз, который способна уготовить Ньяса,— нечто вроде цунами. Как и все сбросовые озера рифтовой зоны, Ньяса лежит в молодой, тектонически неспокойной зоне, подверженной землетрясениям и вулканическим извержениям. В 1927 году, например, в результате подводного извержения над Ньясой поднимались гигантские темно-коричневые столбы дыма высотой 150 метров. Таких столбов было зафиксировано более двадцати. В 1941 году вдоль южного берега озера начали бить сильные гейзеры, а затем на расстоянии 20—30 километров от берега поднялись столбы дыма. В июле 1975 года ночное извержение на дне озера напомнило о себе днем толстым слоем золотистых кристаллов, покрывших прибрежную растительность. Местные жители говорят: «Это дышит боль-

---

* *Реклю Э.* Земля и люди. СПб., 1899, т. 13, с. 646.

шая вода». И каждый раз после такого «вздоха» из конца в конец водоема гуляют страшные волны.

— По мнению многих ученых, работавших здесь, в южном конце озера, где извержения наиболее часты, происходят сводовые поднятия и опускания,— говорит Руи.— Именно этим объясняются капризы вытекающей из озера реки Шире. Ее истоки оказываются то выше уровня воды в Ньясе, как бы «повисая в воздухе», то занимают нормальное положение. А от этого, как сами понимаете, зависят и колебания уровня воды в самом озере. Когда Шире перестает изливаться из него, Ньяса превращается в бессточный бассейн и уровень воды в нем повышается более чем на пять меров. Возобновляется сток по Шире — и уровень озера настолько снижается, что вдоль мозамбикского берега появляется нечто вроде пляжей. Конечно, для Мозамбика, не имеющего на берегу Ньясы ни портов, ни городов, эта проблема чисто теоретическая. А для Малави — беда: то причалы оказываются в 10—12 метрах от берега, то стоявшие вдали деревни превращаются в прибрежные.

...Вечерело. Быстро прячась за горы, солнце окрасило свинцово-синие воды Ньясы золотистым багрянцем, и сразу же, словно по команде, ожила, загомонила, пришла в движение прибрежная деревня возле Кобве. Случайно заезжие белые, наблюдая полусонное оцепенение африканских деревень в дневное время, нередко утверждают, что все местные жители — бездельники, а их главное занятие — полудрема в тени раскидистых деревьев или неторопливое поглощение пищи, кстати невесть откуда берущейся при подобном распорядке дня. Но остался бы этот заезжий в Кобве после захода солнца, и он без труда понял бы, что африканская жара зачастую заставляет местных жителей переносить центр тяжести своей трудовой деятельности на вечернее, а если надо, то и на ночное время.

По всему селению застучали огромные, выдолбленные в цельном стволе дерева ступки: девушки принялись за приготовление муки. Задымили у каждой хижины очаги, и по всей Кобве распространился специфический запах кокосового масла. Это хозяйки-яо начали бросать в кипящее масло шарики мелко изрубленного мяса — «кускусы», а женщины-маганья принялись жарить рыбу. Хозяйки постарше занялись ремонтом крыш своих хижин, несколько дней назад поврежденных налетевшим с озера ветром, старики уселись на главной площади вязать огромную рыболовную сеть, а мальчишки, вооружившись факелами, отправились на гору, в лес, где, как мне объяснили, слетаются на огонь «очень вкусные толстые бабочки»...

Но главная хозяйственная деятельность разворачивалась на ньясском берегу: на ночную рыбную ловлю уходили рыбаки. А это значит, что почти до самого рассвета их с нетерпеливым беспокойством будут поджидать жены и матери. Они вернутся — и вся деревня примется потрошить и раскладывать

для сушки рыбу поменьше, коптить ту, что побольше, перекладывать предохраняющими от порчи листьями баобаба самую ценную часть улова, которую, погрузив в лодки, тут же повезут на продажу на остров Ликома, куда съезжаются малавийские оптовики. Глядишь, солнце уже приблизится к зениту, умаявшиеся за ночь люди прилягут отдохнуть или вспомнят о том, что не брали в рот и росинки с самого вечера. А заезжий европейский турист, именно в это время и добирающийся в «глубинку», отметит: «Опять спят среди дня».

Ночь я провел в домике Руи, а в семь утра присланный командующим «моряк» уже приглашал нас на прогулку на катере. Завтрак — на палубе. Помимо обычных в этих местах жареных бананов и вкуснейшего (когда он приготовлен не на кокосовом масле!) хрустящего сладкого картофеля — батата нам предложили нечто напоминающее на вид лепешки, испеченные из манной каши.

Ничего не подозревая, пробую на вкус — напоминает несоленую щучью икру. Подымаю глаза от тарелки — взоры всех испытующе обращены на меня. Нет, значит, не икра, а что-то куда более экзотическое.

— Ну, сознавайтесь, что подсунули? — говорю я, продолжая уплетать лепешку.

— Нканга,— лаконично отвечает Руи.

«Нканга, канга, кангу»,— мучительно вспоминаю я застрявшее в голове, но не вызывающее никаких ассоциаций слово. Что-то когда-то даже писал об «этом» или «этих» нканга. Но что — не помню.

— Фирменное блюдо,— томит меня Руи.— Отведать можно только на Ньясе.— И чтобы подбодрить меня, запихивает себе в рот целую лепешку.— Так и не припомнил?

— Нет,— сокрушаюсь я.

— Нканга, «ньясский снег»,— говорит он.— Мошкара с белыми крыльями, которая в теплые вечера с багряным закатом собирается над озером в таких количествах, что попадающие в ее тучи рыбаки на лодках чуть ли не задыхаются. Вечером же насекомые летят на зажженный свет и стряхивают свои крылья, покрывая все вокруг белой, словно снежной, пеленой. Багряный закат был вчера — мошкары много набрали. Так что лепешки свежие, вкусные.

— И впрямь, есть можно,— соглашаюсь я.— Но лучше бы угостил какой-нибудь эндемичной рыбой.

— Да здесь что ни рыба, то эндемик,— усмехается Руи.— Из примерно 230 видов, вылавливаемых в озере, почти 90 процентов встречаются только в Ньясе и больше нигде на белом свете. Местными названиями этих рыб — мламба, мьюжми, чиуву, чаирви — не буду забивать тебе голову, а португальских переводов их нет, да и русских, наверное, тоже. Количество эндемичных видов сближает Ньясу с соседней Танганьикой да и с вашим Байкалом. Это очень древние, типично сбросовые

озера, обладающие мировыми запасами чистой пресной воды.

Уверенно врезаясь в лазурно-голубую гладь озера, наш катер держит курс на север. Иногда, щеголяя своим знанием подводных тайн озера, рулевой приближается к берегу на два-три метра, но даже здесь нет никаких надежд увидеть дно. Пятидесятиметровый лот-линь зависает, оставляя нам возможность лишь гадать, сколько десятков, а может быть, и сотен метров воды лежит под нами.

— Это вам не шутки,— не без гордости говорит один из матросов.— Второе по глубине озеро в Африке!

А по красоте берегов, может быть, и первое? Раньше в семье великих африканских водоемов я отдавал лавры первенства Киву, изобилующему извилистыми, порою напоминающими фьорды берегами. После этой поездки по Ньясе я готов поделить первое место между этими двумя озерами.

Прямо над водой, словно на гигантском пьедестале, возвышалась над озером величественная пирамидальная гора Читонго, склоны которой, полого спускаясь на север, уходили в соседнюю Танзанию. Отражаясь в спокойной глади Ньясы, эта двухкилометровая громада создавала иллюзию какого-то образовавшегося в воде фантастического красного провала. На отвесном уступе плато почти сплошной мягкий ковер ярко-зеленых мхов и серебристо-голубых лишайников неожиданно сменялся красным загаром латеритов, покрывавших материнские породы. В местах же выходов грунтовых вод отмытые и отполированные ими базальты и гнейсы блестели настолько ослепительно, что со стороны озера казались гигантскими зеркалами. Многочисленные ручейки, а кое-где и неширокие водопады обрывались в озеро почти с двухсотметровой высоты. Рек с востока в Ньясу почти не впадает. Водораздел великого озера с Индийским океаном проходит всего лишь в нескольких километрах от ньясского берега. В этом, наверное, причина прозрачности Ньясы у мозамбикского побережья в отличие от малавийского, где из-за постоянного речного стока вода приобретает желтый оттенок.

— Наступит время — мы проведем сюда отличную дорогу и превратим Ньясу в Мекку туристов XXI века,— говорит Руи, когда мы возвращаемся в Кобве.— Будем показывать им не только красоты ландшафтов, но и острова, где живут бегемоты, бухты, кишащие крокодилами, скалы, служащие гнездовьями птиц. А пока пусть этот уголок Африки остается одним из немногих мест на континенте, не испорченных веком двадцатым...

Мне на помощь приходит язык суахили

Как-то в одной из книг Эдуарда Мондлане, основоположника ФРЕЛИМО и национального героя Мозамбика, я прочитал фразу, долгое время будоражившую мое воображение. «На востоке дистрикта Ньяса,— писал он,— живет несколько племен, которые вообще не видели португальцев вплоть до начала партизанской войны» *. А это значит, что вплоть до наших дней на мозамбикском севере обитали народы, не подвергавшиеся влиянию колонизаторов, сохранявшие свои обычаи, свою культуру.

Добравшись до Кобве, я приблизился к цели. Но как эту цель найти? Командующий местным гарнизоном, родом из Бейры, на мой вопрос лишь пожал плечами. Руи тоже не мог мне помочь.

Как-то утром, зайдя к командующему, я застал его за разговором по рации с провинциальным секретарем по идеологии. Я передал ему привет в Лишингу. Оттуда справились о моих успехах и проблемах.

— У вас есть книга Эдуарда Мондлане «Борьба за Мозамбик»? — спросил я секретаря.

— Держу в качестве настольной,— ответил он.— А что, прочитать нужную для статьи цитату?

— Да нет, откройте, пожалуйста, книгу и найдите то место, где автор пишет о племенах, не встречавшихся с мазунгаш. Где это?

— Нацелились туда? Надо было приезжать неделькой раньше. Мы как раз отправили в те края фольклорно-пропагандистский отряд ФРЕЛИМО: наши там поют, танцуют, а заодно проводят воспитательную, идеологическую работу.

— Так где же все-таки это место? — не терпелось узнать мне.

— Там, в Кобве, карта еще не совсем выцвела? — послышалось из рации.— Тогда подойдите к ней. В междуречье Луженды и Рувумы, между горами Метандавер и Никаге, увидите огромное пятно, без единой дороги и с единственным населенным пунктом — Мекула. Вот там и лежит ваша земля обетованная, территория близких к яо и маконде племен мавиха, махиба, магиндо, муэра и махендже.

— Значит, надо добираться до Мекулы? — уточнил я.

— Да, только не забудьте купить осла, другим транспортом туда не попасть. И оставьте записку: «В гибели моей никого не винить»,— весело прокричал в эфир секретарь. А по-

* *Мондлане Э.* Борьба за Мозамбик. М., 1972, с. 99.

том сказал совершенно серьезно: — Эй, командир. Ты там присматривай за журналистом. А то и впрямь начнет изображать из себя Ливингстона.

— Понял,— по-военному четко отреагировал командующий гарнизоном.— А сколько ему еще здесь можно сидеть?

— А пока друг другу не надоедите. Покажи ему кооператив, организуй рыбалку, охоту. Погода у тебя сейчас хорошая — сколько хочет, столько пусть и сидит. Это ведь в первый раз в Кобве приехал корреспондент мирового агентства.

— Да я к тому, товарищ секретарь, что сегодня пятница, а в среду у меня на океан вертолет уйдет. Так ведь над Мекулой лететь будет.

— А связь у тебя с Мекулой есть?

— Иногда получается.

— Ну, проявил инициативу — сам и расхлебывай. Если будет связь и танцоры-агитаторы от Мекулы недалеко — пусть летит.

В ожидании решения своей судьбы я в задумчивости коротал время под манго на центральной площади поселка, когда ко мне приблизился бородатый старец в белом халате-галабее и тюбетейке-кафии, которые обычно носят в приокеанских портах поближе к Момбасе и Занзибару. Вид благообразного старца вызвал у меня какие-то ассоциации с суахилийским побережьем, и, памятуя, что со старшими надо здороваться первым, я механически произнес:

— Джамбо, мзее *.

— Сиджамбо ** — усаживаясь рядом со мной под манго, ответил старик. И тут же, не успев сесть, вскочил.

— Унаджуа кузунгумза ква кисвахили, же хайя ни кweли? *** — глядя на меня, словно на чудо, произнес он.

— Ндийо ****, мзее,— ответил я и тут же оказался в объятиях старика, не скрывавшего своего удивления тем, как это белый человек, иностранец, может говорить на языке, занесенном в эти места еще работорговцами и сегодня известном здесь очень немногим.

Старец — а его на арабский манер звали Салим ибн Рашид — вновь уселся под манго и завел со мной длинный разговор о жизни и изменениях, происходящих в его стране. Каждого проходящего мимо односельчанина он подзывал к себе, рассказывая, что я не мазунгу, а мафута ***** и умею говорить

* «Джамбо» (*суахили*) — здравствуйте, «мзее» (*суахили*) — уважительное обращение к пожилому мужчине.

** «Сиджамбо» (*суахили*) — здравствуйте (ответ на приветствие).

*** Неужели это правда, что вы говорите на суахили?

**** «Ндийо» (*суахили*) — да.

***** «Мафута» (*экуа, кияо*) — белый человек, но не португалец.

на африканском языке, на котором раньше «общались между собой все уважающие себя люди». Те, кто были постарше, тоже пробовали свои силы в суахили и, удовлетворенно кивая головами, садились рядом. Молодежь же, абсолютно не знавшая суахили, буквально падала от смеху. Их родной кияо довольно близок к суахили, и, слушая меня, они думали, что я пытаюсь заговорить с ними на их языке, безбожно путая грамматику и перевирая все слова.

Как и в любом исламском обществе, наиболее наболевшим вопросом для местной общины яо была проблема многоженства. Будучи мусульманами скорее по форме, чем «по содержанию», они смотрели на этот вопрос не с догматической, религиозной, а с чисто практической точки зрения.

— И у нас, яо, и у других соседних племен считалось так: чем больше жен, тем больше рабочих рук, тем богаче семья,— под одобрительный гул собравшихся говорил Салим.— Вы подойдите к любой из местных женщин и предложите: выгони из дома всех остальных жен своего мужа и останься у него одна. И вы думаете, она согласится? Нет, она скажет вам, что еще не сошла с ума, чтобы лишаться всех своих помощниц. Потому что одна жена с утра идет на шамбу, вторая убирает дом, третья готовит обед, четвертая смотрит за всеми детьми своего мужа. Можно найти дело и пятой жене — идти торговать на рынок. Дайте мне шестую жену, и она тоже не будет сидеть без дела в моем доме. Это у вас, в Европе, заведено, чтобы муж кормил жену. А у нас жены приносят доход мужу.

Словно в подтверждение этих слов, мимо нас прошествовала вереница женщин с огромными кипами вяленой рыбы на голове.

— Так вы же все эксплуататоры,— перейдя на португальский, пошутил я, на сей раз вызвав одобрительный хохот молодежи.

— Эх, мафута, мафута,— безнадежно махнув рукой, проговорил один из старцев.— Ты опять судишь о жизни по законам белых, у которых мужчины любят, чтобы жены были слабее их. А ты знаешь, что произойдет, если кто-нибудь из нас подойдет к своей жене — одной из женщин, несущих рыбу,— и предложит помочь ей? Она сплюнет и пойдет дальше. А дома либо будет молчать неделю, либо закатит такой скандал, что хоть уходи к соседу.

— Это почему же? — удивился я.

— Да потому, что наши женщины гордятся своей силой и хотят быть сильными. А если я наподобие мазунгу полезу к ней с предложениями о помощи, то она смертельно обидится, решив, что я считаю ее слабой и, следовательно, не люблю и не хочу видеть в доме. Вот так-то. Такие женщины, как у мазунгуш, у нас не пользовались бы ни уважением, ни влиянием. Они оставались бы старыми девами...

— Новые времена — новые порядки,— глубокомысленно произнес Салим.— Теперь мы договорились так: если ты многоженец — оставайся им, поскольку не выгонять же из дома жен и не оставлять же детей без отца? Кто же женится первый раз, должен иметь только одну жену. Когда в Мапуту создали Организацию женщин Мозамбика, наши жены тут же ее местное отделение организовали. Сидят на своих собраниях и спорят. Додумались там до того, что многоженство способствует... ну как это? — обратился старик к молодому парню, сидевшему неподалеку.

— Социальной дифференциации общества,— подсказал парень.

— Во как! И не выговоришь,— покачал головой Салим.— А на деле опять-таки что это значит? У кого жен, то есть рабочих рук, много, богаче будет становиться, а однолюб — беднее. Так, что ли?

— Так или не так, но мы уже все порешили,— с неожиданной для своего возраста решимостью ответил парень.— Доживайте свои дни с четырьмя женами. А мы как в группе «динамизаторов» решили, так и будет: ни одной девушке женой «номер два» или «номер три» стать не разрешим. И сами только по одной жене иметь будем.

Старики, сокрушенно покачав головами, вновь перешли на суахили, пожурили «юнцов» и стали расходиться. А Салим ибн Рашид пригласил меня к себе домой на «хорошую рыбу». Ее подавали на блюдах, сплетенных из соломки озерного папируса. Травинки настолько плотно были подогнаны друг к другу, что ни одна капля масла и подливы из баобабовых плодов не просачивалась сквозь нее.

Прослышав о моих планах, Салим подтвердил: да, на землях макиба и муэра действительно еще есть места, где не то что мазунгу, а даже его — из-за длинной галабеи — принимали за инопланетянина.

— Так неужели все эти лесные районы жили, абсолютно не общаясь с внешним миром? — удивился я.

— Почему же? Общались. Оптовой скупкой товаров у местных занимались трое гоанских торговцев — их португальцы называли «монье». А розничную торговлю вели музамбаза-яо вроде меня.

Салим ибн Рашид величественным жестом разгладил свою белоснежную бороду, отпил воды из стакана, поданного прислуживавшей ему девушкой, и испытующе посмотрел на меня:

— Значит, в твоем распоряжении есть четыре дня? Получится не получится твоя поездка в Мекулу, известно лишь аллаху. Давай я покажу тебе места, где за полвека, что я там торгую, побывали лишь двое мафуташ. Это были англичане-охотники из Танзании, преследовавшие раненого леопарда.

— Так ведь опять нужен вертолет?

— Я впервые попал в те места, когда в Мозамбике еще не

было автомобилей, и с тех пор пользуюсь лишь моторной лодкой.

Салим опять отпил воды, со смаком съел кусочек красной папайи и продолжал:

— Ты ведь уже был у горы Читанго? За ее северным склоном, на самой танзанийской границе, в долине лежит неприметная деревенька Липоше, в которой живут яо и малави. Оттуда начинается моя торговая тропа. Более пятидесяти лет назад, когда отец приказал мне идти на восток от Липоше и начинать торговать с племенами, что живут за рекой Моола, я был первым, кто протаптывал эту тропу. Там обитают единственные во всем Мозамбике люди, которые помнят традиции древних скотоводов Южной Африки.

— Ангони? — удивился я.

— Ангони, нгуни, вангони, мазингу, мгвангарат — называй их как хочешь. Но это настоящие люди — смелые и верные своему слову. Кстати, если ты попадешь к ним, то убедишься в том, что, хотя африканские женщины и носят на голове большие тяжести, сами они «сидят на голове» у африканских мужчин.

— А как я могу попасть туда, мзее?

— Нет ничего проще. Я стар, не люблю жару и поэтому никакие дела не начинаю делать днем. Вот почему сегодня ночью в сторону Липоше уйдет моя барка с товарами для нгуни. От берега на осле или пешком — как уж тебе понравится — ты доберешься вместе с моими людьми до селений нгуни. И так же вернешься обратно.

Предстояло получить еще разрешение у моего военного начальства. Командующий гарнизоном долго смотрел на карту, чесал затылок, ругал «старого пройдоху» Салима за то, что он лезет не в свои дела, но в конце концов сказал: «Поедешь вместе с солдатом Ндугу. У него будет «калаш»».

Кроме «калаша» Ндугу принес на барку кучу консервных банок, одеяла и две овечьи шкуры, которые оказались очень кстати в промозглом холоде, окутавшем тропическую Ньянзу. Не считая нас, в лодке оказался всего лишь один сын Салима ибн Рашида, носивший для создания проблем всем окружающим имя Рашид ибн Салим.

Движение по ночной Ньясе оказалось куда более оживленным, чем днем. Современный плавсостав был снабжен электрическими фонариками, а на бесчисленных пирогах почти всюду смолили факелы — с их помощью рыбаки привлекали свою добычу.

Это было интересное и романтичное путешествие. Оставалось только сожалеть, что с нами не оказалось неистощимого на исторические повествования Антонио *. Уж он бы нарисо-

* А. Ногейра да Кошта скоропостижно скончался в 1979 году. В некрологе, опубликованном правительственной газетой «Нотисиаш», этот молодой

вал нам красочную картину появления ангони в Мозамбике!

Как же все это было? И как бы покороче изложить читателю эти важнейшие события, которые привели к переселению целых народов, к значительному изменению этнографической карты всей Южной и Центральной Африки и окончательному исчезновению с ее политической арены империи Мономотапы — Розве!

Ангони, которые еще не видели белых

Пожалуй, Антонио начал бы свое повествование об ангони с рассказа о Чаке — известном всем вожде южноафриканского народа зулу. На первых порах Чака, опираясь на преобразования, осуществленные его предшественниками, обязал все мужское население подвластных ему племен проходить военную подготовку. Затем, подчинив военным нуждам всю жизнь этих племен, он создал регулярную армию, вооружив ее невиданным доселе в Тропической Африке эффективным оружием: для нападения — крепкими ударными дротиками — ассегаями, для обороны — огромными, в рост человека щитами. Он также разработал новую стратегию атаки на противника сомкнутым строем и обход врага с фланга и с тыла.

Опираясь на эту уникальную организацию и храбрость своих солдат, Чака в первой четверти XIX века объединил около ста племен Наталя, которые с тех пор и получили название зулусов или зулу. Однако часть зулусов, не желая подчиняться деспотической власти Чаки и его преемников, начали переселяться на север. Этот процесс был ускорен появлением у границ Наталя буров. Многие зулусские вожди, уже познавшие силу их огнестрельного оружия, устремились во внутренние районы континента.

Первыми со своих земель снялись зулу во главе с вождем Сошангане. Перейдя реку Лимпопо, они подчинили себе местные земледельческие племена тсонга, частично смешались с ними и начали именовать себя в честь собственного предводителя шангаан. Сегодня их потомки занимают всю южную часть Мозамбика — от границы с ЮАР до реки Сави. В 1827 году мятежный принц Ншаба, восстав против Сошангане, продвигается на север, вторгается в пределы Мономотапы, оккупируя Киссангу и юг Маники. Затем Маника превращается в главный объект притязаний Ншабы. В 1830 году он также начинает тревожить земли Китеве и самого Чангамире, повсюду отбирая у местного населения скот и угоняя его в Киссангу.

талантливый ученый был назван «одним из основоположников национальной мозамбикской историографии».

Под давлением бурских захватчиков почти одновременно с шангаан из нынешнего Трансвааля на южные земли владений Чангамире обрушиваются зулусские кланы под предводительством воинственного Мзиликази. Они захватывают огромные территории на юге Мономотапы-Розве. Давние насельники этих мест шона, никогда не видавшие ранее зулусов с их огромными, целиком укрывавшими человека щитами, начинают именовать пришельцев «матабеле» — люди, которых не видно. Сегодня матабеле — преобладающее население юга Зимбабве. В первой четверти прошлого века они захватили столицу Розве, находившуюся тогда неподалеку от современного Булавайо, и стали практически хозяевами той территории, на которой находилась метрополия Мономотапы. Пройдет всего лишь полвека, и наследникам Мзиликази придется столкнуться с новым «претендентом» на золото этой земли — англичанином С. Родсом, «отцом» белой Родезии.

Наконец, в движение приходит третья группа племен, находящихся в оппозиции к Чаке. Это и были племена ангони, предводительствуемые Звангендабом. Сначала они пытаются пробиться на север, но в 1831 году терпят поражение от Сошангане, затем от Ншабы и поэтому поворачивают на запад. Опустошая земли Розве — цитадель Чангамире, ангони выходят к Замбези. В сказаниях всех местных племен упоминается, что в тот день, когда пришельцы переправлялись через великую реку, «солнце исчезло» и «ночь снизошла на яркий день». Астрономы подсказывают: полное солнечное затмение было в этих местах 20 ноября 1835 года.

Использовав долину Шире и западный берег Ньясы в качестве естественного коридора, открывшего между гор дорогу далеко на север, воины Звангендаба покорили племена малави, заняли приглянувшиеся им под пастбища земли яо, а затем двинулись дальше — на территории современной Замбии, Танзании и Бурунди вплоть до южных берегов озер Виктория и Киву. До 80-х годов прошлого столетия потрясали Африку отзвуки этого великого переселения.

Для Мозамбика же нашествие ангони обернулось в первую очередь почти поголовным бегством португальцев из его западных районов.

Выгрузка товаров близ Липоше происходит без всяких приключений. Здесь нас уже ждет дюжина погонщиков ослов, которые быстро перегружают привезенные на лодке мешки на спины животных и, организовав нечто вроде каравана, бойко устремляются вверх по взбирающейся в горы тропе Салима ибн Рашида.

Вся загвоздка, как и следовало ожидать, во мне. Рашид ибн Салим гордо восседает на осле, Ндугу приказано передвигаться рядом со мной, а я безнадежно отстаю от всех, поскольку езду на осле не освоил, а угнаться за караваном пешком не могу. Совет Рашида лезть по горной тропе, ухватившись за

хвост осла, несколько облегчает мои усилия, но отягощает жизнь ослу, и он перестает двигаться. Приходится поэтому и мне сесть на осла. Дважды падаю, но не проходит и часа, как я уже чувствую себя заправским кавалеристом. Рашид объясняет это тем, что мне дали очень старого осла, уставшего упрямиться и показывать свой норов.

Теперь можно оглядеться и по сторонам. Как только мы перевалили через какой-то горный кряж, тянущийся параллельно сбросовому уступу, так баобабы пропали и на смену им пришли светлые ксерофитные леса, равных которым по богатству видов почти нет в Африке.

Вступление наше в этот лес началось анекдотически. Привычное стрекотание насекомых и щебет птиц внезапно были нарушены выстрелом. Затем другой, третий...

Я оглянулся на ехавшего позади меня Ндугу: держа автомат наизготове, он, оглядываясь по сторонам, искал противника, а затем, так и не найдя его, выстрелил в воздух. Мой старый и мудрый ишак остановился как вкопанный, все остальные ослы бросились кто куда. Когда паника кончилась и Рашид объяснился с Ндугу, то выяснилось, что звуки, почти в точности напоминающие выстрелы, издают огромные высохшие стручки растущих повсюду баухиний — деревьев из семейства бобовых, обладающих еще одной интересной особенностью — складывать листья на ночь пополам. «Выстрелы» сопровождали нас потом полдня, пока мы не вышли из леса.

Куда более мелодичные звуки издавала удивившая меня своим появлением в этих местах кустарниковая черногалловая акация, обычно встречающаяся на территории гораздо более засушливых ландшафтов Восточной Африки. У основания больших, порою достигающих восьми-десяти сантиметров шипов этих акаций возникают черные, величиною с вишню новообразования — галлы, вызываемые грибками. В галлах, выгрызая их изнутри и испещряя многочисленными ходами-отверстиями, поселяются тропические муравьи. Стоит подняться небольшому ветерку, продувающему эти отверстия, и галлы превращаются в свистульки, наполняющие саванну чуть слышным мелодичным присвистом.

Многочисленные древовидные алоэ образовали на каменистых склонах поистине непроходимые заросли, увенчанные ярко-красными цветами. Впервые за много лет хождений по африканской земле встретилась мне цветущая суккулентная лилия Импала. На почти безлистных ветвях этого кустарникового растения висели крупные белые цветы с красной бахромой.

А вот и первые попавшиеся нам навстречу ангони, перегонявшие свой скот. В те далекие времена, когда проходили миграции зулусов, до северных берегов Ньясы добрались преимущественно мужчины. Поэтому, чтобы сохранить род, пришельцы с юга начали отбирать женщин у завоеванных племен. Брали в плен наиболее крепких мальчиков; их воспиты-

вали, как зулусов, и превращали в воинов. Понятно поэтому, что чистых ангони, в крови которых текла бы только зулусская кровь, найти теперь невозможно. Тысяча «настоящих» ангони Звангендаба растворились в море завоеванных ими племен. Утеряли они и свой язык. Средством общения друг с другом для местных ангони стал язык кияо.

Таким образом, мозамбикские нгуни — это не тот народ, на примере которого можно изучать глубинные пласты южноафриканской традиции. В их культуре многое утеряно, но зато многое заимствовано. Не перестав считать себя скотоводами, они отнюдь не игнорируют земледелия. Поэтому местные нгуни интересны главным образом просто как африканцы, которых судьба уберегла от длительного общения с европейцами. Для меня это путешествие на осле было своего рода путешествием во времени, оно как бы позволило перенестись в прошлое Африки и увидеть, какой она была когда-то, а быть может, какой она была бы и по сей день, если бы ее не терзали работорговцы, не грабили колонизаторы, не насиловали культуртрегеры.

Любопытное признание сделал коимбрский профессор А. Диогу, писавший в 1973 году: «Цель белых в Мозамбике заключалась не в том, чтобы дотянуть африканцев до некоего среднего стандарта, принятого в цивилизованном обществе, а в том, чтобы низвести туземца до уровня куда более низкого, чем тот, на котором он находился до Васко да Гамы. Если африканский слуга приходил на работу в новой чистой майке, то его «хозяин» отнюдь не приветствовал это как проявление опрятности у своего работника, а делал вывод: «Туземцу слишком много платят». И без того мизерная зарплата еще более сокращалась, а владелец новой майки получал нагоняй за то, что он «зазнался». Подобное положение было не исключением, а системой. Поэтому африканцы усвоили, что им следует ходить в грязных и истлевших майках, на которых дыр было бы больше, чем материи. Носить пиджак с одним рукавом или брюки с обрезанной у колена одной штаниной было тоже менее «опасно», чем одеваться в нормальную одежду. Если белый полицейский, проходя мимо хижины, заставал ее хозяйку за подметанием пола или уборкой жилья, он поднимал скандал по поводу того, что у «туземцев слишком много свободного времени», и отправлял кого-нибудь из этой хижины на принудительные работы. Поэтому жить в грязи, особенно снаружи хижины, было «социально безопаснее». Подобных примеров можно привести десятки, причем все они, сложенные вместе, и создали тот невыносимый, отталкивающий для глаза цивилизованного человека «колорит», на фоне которого живут африканцы в Мозамбике. Конечно, основой для этого ужасающего положения являются реальные материальные трудности и изнуряющая физические силы принудительная работа. Но если бы не вышеупомянутое поведение

белых, большинство африканских женщин нашли бы нитку для того, чтобы заштопать майку своим мужьям, а эти мужья, собравшись как-нибудь вместе, нашли бы силы, чтобы уничтожить нужники и помойки, обрамляющие их жилища...»

Интересно, как же выглядят жилища ангони, избежавших подобной «опеки»? Как только дорога пошла вниз, богатые ботаническими достопримечательностями леса кончились и началась открытая равнина, очевидно привлекшая ангони отличными пастбищами. В излучине небольшой речушки, скорее ручейка, раскинулось их селение. К величайшему моему удивлению, это был не крааль, в котором подобало бы жить наследникам Чаки, а деревня, в застройке которой бросалась в глаза закономерность: одна большая хижина в окружении хижин и подсобных помещений поменьше создавала своего рода «круглый квартал». Хижин, особенно небольших, было очень много.

Один из «кварталов» принадлежал «торговому дому» Салима. Добравшись до селения за полночь, мы как убитые свалились спать, пригубив лишь заботливо оставленное кем-то в глиняных горшочках кислое молоко — амази, местный вариант простокваши.

Утром, еще раз оглядев деревню, я обратился за объяснениями к Рашиду. Угрюмо молчавший всю дорогу, он, прибыв в деревню, вдруг превратился в очень разговорчивого и осведомленного информатора. Очевидно, ботаника не входила в круг его интересов, а этнография была ему значительно ближе, так как в каких-то своих сферах соприкасалась с торговыми делами.

— Я лучше начну с объяснения того, почему так много народа, но так мало хижин в наших деревнях, у яо,— подумав, заговорил он.— Вообще ведь в местных условиях построить хижину практически ничего не стоит: наломал жердей для стен, принес тростника с реки для крыши, кликнул двух-трех друзей в помощники — и жилище готово. Поэтому раньше для каждого человека, в том числе и для ребенка старше 10—12 лет, строили отдельную хижину. Но потом португальцы додумались ввести «налог на хижину». Денег, чтобы платить его, у яо, как и у большинства других народов, не было, поэтому мы начали сносить «детские», а затем и «женские» хижины, спали под одной крышей по восемь — десять человек, в грязи и тесноте, как скоты. А сюда португальцы не добрались, и поэтому ангони живут в своих деревнях-умузи как люди. В большой, «центральной» хижине ночует муж — глава семьи, а в маленьких вокруг — жены с детьми.

Не знаю, действительно ли я был третьим белым, попавшим в это селение, но то, что иностранцы не наведывались сюда годами, было очевидно. Из прошлого опыта я знал: в отдаленных, но все же посещаемых европейцами селениях местные жители ведут себя словно по заранее кем-то составлен-

ной программе. Стоит появиться белому человеку, как девочки прячутся в хижинах и больше не показываются. Мальчишки обступают вас плотным кольцом, трогают и щупают все: начиная от фотоаппарата и кончая волосами на голове, стремятся что-либо оторвать или отвернуть. Затем они начинают требовать, чтобы их фотографировали. Почти одновременно из дверей хижин притворно-боязливо выглядывают женщины, заранее нацепившие на себя все имеющиеся в доме украшения.

Не искушенный в подобных ситуациях иностранец, привлеченный этими украшениями, а нередко и смазливой физиономией их хозяйки, наводит аппарат на полуотворенную дверь. Она моментально захлопывается, а мальчишки поднимают дикий крик: «Мазунгу сделал фото!»

Тогда в действие вступают мужчины, ранее с нарочитым безразличием стоявшие где-нибудь в отдалении и якобы разговаривавшие о своих делах. Расталкивая мальчишек, они подходят к неудачливому фотографу и требуют за фото внушительную сумму. В зависимости от страны или территории племени, где разыгрывается этот сюжет, пришельцу угрожают копьями, кинжалами, палицами или просто кулаками. До кровопролития дело, конечно, практически никогда не доходит, но значительную часть требуемой мзды турист-одиночка выкладывает. После этого из хижин высыпают все женщины. Мужчины разгоняют мальчишек и, выставив на первый план свои копья и палицы, теперь уже сами начинают требовать, чтобы их фотографировали долго и много.

В селении ангони ничего подобного не произошло. Рашид предупредил старейшину, что вместе с ним приехал мафута, тот окликнул славного, на вид пятнадцати-семнадцатилетнего паренька и приказал ему сопровождать меня по деревне. Мальчишки шли за нами на почтительном расстоянии; мужчины, когда я подходил к их хижинам, протягивали мне, по местному обычаю, обе руки для пожатия; женщины при виде чужестранца громко смеялись и обменивались какими-то шутками, вызывавшими общее веселье.

Мы подошли к центральной площади селения. Такая есть почти в каждой африканской деревне: вековое, «помнящее предков» дерево, а в его тени — место собраний. Только повсюду площадь покрыта пылью, окурками, пивными пробками. Здесь же она усыпана мелким, по всему видно принесенным издалека гравием, очищена не то что от мусора, но даже от листьев. Под деревом были сложены аккуратно свернутые циновки, на которых рассаживаются во время собрания имеющие голос общинники. Для «безголосой» молодежи по бокам площади расставлены бревна-скамейки.

Входим в ближайший «круглый квартал». Опять-таки первое, что бросается в глаза,— чистота. Земля вокруг «центральной» хижины покрыта все тем же гравием, вокруг дру-

гих жилищ — желтым песком. Хижины золотятся аккуратно очищенными от коры, отполированными жердями. Тростник на крыше — один к одному, без намека на гниль или сухость. Несколько очагов за хижинами выложены большими камнями, кое-где сооружено нечто вроде мангалов.

Запыхавшийся мальчишка позвал нас на обед в хижину старейшины. Гастрономических излишеств — никаких. Уже знакомое мне очень холодное кислое молоко-амази и каша из раздробленной кукурузы — амабеле. Еда подана на полу, прикрытом циновкой. Поверх нее перед каждым из присутствующих салфетка из материи, изготовляемой из древесного луба. Почти вся утварь, включая миски, тарелки и ложки, деревянная, хорошо отполированная, кое-где украшенная узким, отмеченным вкусом орнаментом.

Я пытаюсь начать беседу, но Рашид объясняет: местный этикет требует за трапезой абсолютной тишины.

Не остается ничего иного, как, поглощая амабеле, озираться по сторонам. Хижина просторная, на стенах висят лишь ассагаи и щит. На полу — несколько белоснежных, хорошо вычесанных овечьих шкур, заменяющих, очевидно, кровать, и кусок кремовой, в редкую черную полоску домотканой материи, служащий одеялом. Вместо подушки — распространенная у африканских номадов деревянная подставка, полукругом облегающая голову. Напротив ложа стоят несколько скамеек, сиденья которых украшает орнамент в виде треугольников. На одной из скамеек — целая коллекция крохотных резных коробочек и калабашей-табакерок, а также десятка два курительных трубок из мыльного камня и рогов антилоп, керамических, деревянных, длиннющих и коротких, то предельно простых, то затейливо оплетенных ярким бисером. Трубки — это производное от любимого занятия всех зулусских племен — курения.

Никакого намека на убожество и нищету в хижине нет и в помине. Этнографический уровень бытия ангони вызывает к ним большое уважение. Эти люди, довольствуясь очень малым, не забывают при этом ни о красоте, ни о традициях.

— Ну вот, теперь можно поговорить, а затем и заняться делами,— говорит старейшина, обращаясь ко мне и Рашиду. Он интересуется, не утомил ли меня вчерашний осел, спрашивает о моем впечатлении от деревни.

— Да, нам повезло, что мазунгуш не добрались до нас,— выслушав мой ответ, удовлетворенно кивает головой старик.— Мы сумели сохранить традиции предков, а теперь Партия Фрелимо помогает нам идти вперед. Это хорошо.

— Путешествуя несколько лет назад по Малави и Танзании, я в нескольких деревнях ангони сталкивался с инкосазана — «принцессами дождя»,— вспоминаю я.— Есть ли такая принцесса и у вас?

— О, мафута знает даже об инкосазана? — смеется ста-

рейшина.— Была и у нас такая принцесса. Дождь она вызывать не умела, да и не нужно было это делать: он в этих местах почти всегда вовремя идет. Но по бытовавшим у зулу понятиям, инкосазана могла не только вызывать дождь, но и вселять плодородие в почву, помогать вырасти хорошему урожаю. Но главное, она распоряжалась этим урожаем. Так было и у нас. Старейшина — я, а последнее слово в хозяйственных делах — за нею. Она была у меня как камень на ногах. Но в конец мы с ней разругались, когда здесь появились фрелимовцы. Я хотел отдать партизанам часть наших припасов из зернохранилища, а она — на дыбы. Собрала народ, угрожала навсегда нас дождя лишить. А потом чуть португальских солдат сюда не привела, но опоздала. Мы ее в «лагерь по перевоспитанию» отправили. Так теперь и живем без «принцессы».

— Наверное, пора за дело,— деликатно прервал нас Рашид.— А то не расторгуемся.— Потом обратился ко мне: — Вот сейчас вы и увидите, кто в африканском обществе последнее слово имеет: мужчина или женщина.

Торговля проходила на центральной площади, по одну сторону которой были разложены привезенные Рашидом товары, а по другую — все, чем располагали ангони: коровьи, овечьи и козьи шкуры, рога и копыта, мешки с кукурузой, циновки и немного деревянной столовой утвари. Торг в основном происходил в виде обмена, деньги фигурировали довольно редко.

Страсти были накалены, но никакой давки, толкотни, криков и прочих эксцессов, возникающих в куда более высокоразвитых обществах вокруг мест, где идет купля-продажа, здесь я не заметил. Повинуясь какому-то неписаному закону, от толпы ангони отделялась супружеская пара с образцами своей продукции и направлялась к Рашиду. Пока муж демонстрировал ему свой товар, жена выбирала нужные ей вещи. Как правило, женщин интересовали ткани, коробки с бисером, туфли, сандалии. Если для простоты описания ситуации за денежную единицу измерения принять коровью шкуру, то торг выглядел примерно так.

Оценив товары, отобранные женщиной, Рашид обращался к ее мужу и называл соответствующее их стоимости количество шкур, например двадцать. Затем муж обращался к жене и называл ей ту же цифру.

— Пятнадцать,— категорически заявляла жена.

— Пятнадцать,— сообщал муж Рашиду.

— Двадцать,— повторял Рашид.

Вариация эта повторялась десятки раз, причем, как правило, сбавлял Рашид. Потенциальные покупатели лицезрели этот спектакль, повторяемый здесь ежемесячно, с не меньшим интересом, чем я. Никто и не думал торопить очередных покупателей, поскольку следующий собирался торговаться с купцом уж во всяком случае не меньше, чем его предшественник.

— Пятнадцать,— стоит на своем жена.

— Пятнадцать,— передает муж Рашиду.

— Шестнадцать,— примерно на двадцатом кругу торговли предлагает Рашид.

Жена презрительно плюет в сторону, тем самым давая понять, что хотя все ее существо восстает против подобного обмена, но все же она согласна. Тогда муж подхватывает отобранный товар и относит его в сторону. Затем возвращается и пытается купить что-нибудь отвечающее его интересам. Примерно из 30 мужчин 26 претендовали на крохотные транзисторные радиоприемники, остальные — на какие-то скобяные товары и инструменты.

Рашид просил за транзистор 60 шкур, жены начинали с 10 и редко приближались к 20. В итоге лишь трое сделались обладателями приемников, причем двоим пришлось делать женам дополнительные покупки.

К полуночи ярмарка кончилась. Трое обладателей транзисторов, усевшись под «помнящее предков» дерево, настроили их на разные программы и потрясали присутствующих какофонией заполняющих эфир звуков.

С концертами от Лусинге до Рувуму

«Стыковка» в Мекуле разрешена! Правда, в городке этом фольклорно-пропагандистский ансамбль уже побывал, но известно его местонахождение: на пяти плотах артисты сейчас спускаются по реке Лусинге — одному из притоков Луженды, давая по два-три концерта в день для обитателей лесов.

Наш вертолет летит низко: с Ньясы поднимается густой туман, а над плато лежат тяжелые свинцовые тучи. Лишь за торчащей посреди монотонной равнины горой Санго, резко освещенной с восточной стороны и мрачно-серой — с западной, солнце вновь вступает в свои права. Сверху кажется, будто летим мы не над тропическим лесом, а над идеально гладкой равниной, покрытой мхом. Такое впечатление создается из-за того, что плоские кроны обильно облиственных в это время года брахистегий скрывают неровности рельефа.

Миамбо — растительная формация-монополист. Одна из причин тому — исключительная устойчивость как брахистегий, так и других живущих под ее пологом растений к пожарам, столь частым в этой зоне подсечно-огневого земледелия. Другая причина «всевластия» миамбо на огромной территории Африки между 5 и 20° ю. ш.— способность брахистегий расти на самых малопригодных для древесной растительности почвах, в том числе и щебнистых, распространенных на скалистых склонах. Все это приводит к тому, что никакие иные фор-

мы древесных сообществ не способны конкурировать с миамбо и, следовательно, нарушить его однообразие. Исключение лишь галерейные леса, где могучие гиганты растительного мира тропиков отвоевывают у брахистегии узкую, шириной 20—30 метров, полосу вдоль рек.

В разрывах сплошного зеленого покрывала миамбо изредка мелькают крошечные деревеньки из семи — десяти хижин, напоминающих небольшие стога сена. По степени оторванности от современной цивилизации их обитатели, конечно, не пигмеи Итури и не бушмены Калахари, политика Партии Фрелимо быстро приобщает жителей миамбо к сегодняшнему дню. Но еще каких-нибудь 90 лет назад Элизе Реклю в своем знаменитом труде «Земля и люди» писал об обитателях этих мест: «Хотя они и посещаются арабскими торговцами, но остались язычниками, и погребальные жертвоприношения, трапезы из человеческого мяса, хотя и тайно, но все же практикуются их начальниками. Молодых девушек и слуг зарывают живыми в могилы их главных начальников. Рассказывают, что если кому-нибудь из обреченных случится чихнуть во время погребального шествия, то его тотчас же отпускают на свободу, так как этим чиханьем дух смерти выразил нежелание принять его в число сотоварищей умершего».

— Лусинге! — кричит мне пилот, указывая на полоску темной буйной растительности, прорезающей миамбо.— Но пока что никаких артистов не видно, одни слоны.

Прижав уши, толстокожие гиганты, выказывая явный страх, продираются сквозь буйные приречные заросли. Воображаю, какой шум стоит там, внизу, где треск ломаемых слонами деревьев сливается с ревом вертолета. Пилот круто сворачивает от реки, явно не желая больше тревожить стадо.

Теперь под нами вновь полоска густых приречных зарослей, под пологом которых скрывается русло реки. В невообразимом количестве носятся по крыше этой зеленой галереи обезьяны, обезумев от появления вертолета. Длинноклювые марабу, напротив, реагируют на нас до обидного флегматично. Отдыхая на ветвях дерева, как обычно, на одной ноге, эти птицы при нашем приближении становятся на обе и начинают разводить в стороны огромные крылья. Жизненный опыт, наверное, подсказал марабу, что с ними — падальщиками — никто связываться не станет.

Долетаем до Луженды, поворачиваем и опять летим над Лусингой. Где-то километрах в ста вверх по течению реку преграждают пороги, следовательно, дальше лететь нет смысла.

Опять разворачиваемся, пролетаем над знакомыми слонами и далее до Луженды, но никаких признаков присутствия гастролеров не обнаруживаем. Поворачиваем назад; минут через пятнадцать впереди на кроне возвышающейся над лесом пальмы мы различаем непонятное белое пятно. Подлетев бли-

же, обнаруживаем, что это полотнище, которым размахивает сидящий на пальме африканец.

— Артист? — спрашивает пилот.

— Во всяком случае по части лазанья по деревьям,— соглашаюсь я.

Вертолет «зависает» над рекой метрах в ста от пальмы, потом метрах в пятидесяти, в десяти... Сквозь зелень речной крыши на блестящей глади реки проглядывают разноцветные одежды людей. Наконец-то плоты с артистами найдены!

Теперь, главное, разыскать «пятачок», на котором мог бы приземлиться вертолет. Пилот говорит, что ближе чем в десяти километрах вниз по течению такового он не видел. Пишем записку, объясняем, кто такие, и просим обитателей плотов двигаться в направлении Луженды. Записку засовываем в коробку из-под сухого молока, которую обвязываем веревками и бросаем вниз. Она застревает в кроне деревьев, но кто-то из находящихся на плоту дотягивается до нее. Вроде бы можно улетать...

Но как только мы хотим это сделать, «сигнальщик» на пальме вновь отчаянно начинает махать белым полотнищем. Возвращаемся. Он что-то кричит, проводя себя при этом ладонью по горлу,— знак отчаяния или неотложности дела.

— Парень-то вроде ловкий,— говорит мне пилот.— Пусть лезет к нам.— И, недолго думая, сбрасывает вниз веревочную лестницу, «зависая» над пальмой.

Номер, конечно, цирковой. Но парень довольно быстро оказывается у окна кабины.

— Не улетайте! — кричит он.— У нас третий день не может разродиться женщина. Не улетайте.

Пилот объясняет ситуацию, парень одаривает нас ослепительной улыбкой, умудряется на прощание пожать нам руки и спускается на свою пальму.

Спустя десять минут мы уже обедаем на песчаном «пятачке». Часа через два с половиной Лусинга выносит к нам первый плот, а вскоре появляются и все остальные.

Несмотря на серьезную ситуацию с роженицей, восторгам и возгласам удивления нет конца. Компания развеселая: фрелимовский театральный ансамбль, собранные со всех концов Мозамбика победители республиканского конкурса художественной самодеятельности, несколько молодых поэтов и партийных работников. Кое-кого я знаю по Мапуту.

Женщину, еще четыре дня назад выступавшую в танцевальном номере, со всеми предосторожностями усаживают в вертолет. Кто-то импровизирует хвалебную оду в честь пилота, затем ода звучит в хоровом исполнении, и вертолет взмывает в небо.

— Ну что ж, товарищ, рады принять вас в свой коллектив,— приветливо улыбаясь, говорит мне инициатор агитпохода, руководитель художественного коллектива провинции

Ньяса Гилерме Жилу.— Если коротко о задачах нашего «плавания на плотах», то они такие: раскрыть местному населению глаза на сегодняшний Мозамбик, расширить его представления о задачах, стоящих перед страной, немного рассказать о мире вообще. Вы ведь, наверное, знаете, что именно об этом районе товарищ Мондлане писал, что его население имеет самое смутное представление о том, к какому народу оно принадлежит, в какой стране живет. Лекции и доклады — не самый эффективный метод пропагандистской работы с такой аудиторией. Поэтому мы рассказываем о Мозамбике доступными для них средствами, например языком танца, песни и музыки. Что касается нашего фрелимовского театрального коллектива, то он показывает очень злободневную, актуальную пьесу, в которой бичуются все пороки прошлого.

Я поинтересовался названием пьесы, фамилией ее автора.

— Название пьесы — «Жавали жавалижму». Это труднопереводимая игра слов, нечто вроде «Свинячьего свинства». Авторы ее? — задумывается Гилерме.— Я бы назвал пьесу плодом коллективного творчества. Писали ее солдаты — участники ансамбля, вчерашние партизаны. Сами же они ее и «переписывают», «подновляют» в зависимости от местной ситуации. Пьесу очень хорошо принимает лесной зритель, хотя в основе своей она создана на городском материале. Да, впрочем, зачем я все это вам рассказываю? Ведь через какой-нибудь час у нас очередная встреча с населением.

У излучины реки толпились местные жители, оповещенные о нашем прибытии лесными тамтамами. Здесь, в краю племен мавиха и махиба, колонизаторы не смогли уничтожить местный колорит, потерянный другими мозамбикскими народами. Впервые за все годы своих поездок по глубинным районам Африки я увидел татуированных мужчин, причем не одного-двух стариков, а сотни людей разного возраста. У молодежи рисунок был нанесен только на лице, те же, кто постарше, щеголяли сложно орнаментированной грудью, а то и спиной. Кое-где мелькали местные модники в накидках из шкур леопарда или лесных антилоп.

В массе своей не имея ни малейшего представления о том, что за зрелище их ожидает, лесные жители шумели, словно разбуженный улей. Сценой служили вытащенные из воды плоты. Все приготовления и переодевания артистов практически проходили на глазах у публики.

Вышел Гилерме. Он долго призывал зрителей к порядку, а затем подробно объяснил, зачем артисты приехали «в гости к людям мавиха и махиба, которые в независимом Мозамбике становятся составной частью единой мозамбикской нации».

Потом ко всеобщему восторгу из-за простыни-занавеса на плоту выбежали «жаволи», наряженные в кабаньи маски. Зрители улюлюкали от восторга, подпрыгивали, чтобы лучше видеть, и смеялись, держась за животы. И, глядя на них, я поду-

мал, что местным жителям, приобщенным к культуре соседей-маконде, привыкшим видеть в маске некую абстракцию, собирательный образ, такой спектакль действительно принесет в десятки крат больше пользы, чем пусть и блестяще произнесенная лекция. Маски «жавали» сразу же стали ассоциироваться у мавиха и махиба с теми, кто мешает им двигаться вперед, ставит личные интересы выше общественных, саботирует решения народной власти и тем самым вольно или невольно превращается в предателя революции.

Вот одна из картин спектакля: партия направляет кадрового работника в государственный аппарат, чтобы он поставил его на службу трудовому народу. Однако вместо этого новоиспеченный «начальник» занимается приобретением ковров, дорогой мебели, фарфора. Простому африканцу, проведшему всю свою жизнь в хижине, просто боязно войти в такой кабинет. Да и многочисленные секретарши, с которыми этот «жавали» поддерживает отнюдь не деловые отношения, не допускают к «шефу» рядового посетителя. Зато свободно входят в кабинет все те, кто дает начальнику взятки или приглашает его в ресторан, чтобы обговорить противозаконные сделки.

Другая сцена из спектакля исполнялась одновременно на двух плотах. Слева «начальник» отчитывает опоздавшую на службу подчиненную: «Если это повторится, отправим тебя на работу в поле, в коллективную деревню». Справа — группка мелких городских буржуа. Боязливо оглядываясь по сторонам, они передают друг другу слухи об «ужасах жизни» в «алдейаш коммунайш». Сплетников и клеветников внезапно заглушает громкий голос диктора: «Так преднамеренно искажаются задачи и значение коллективных деревень, приравниваемых нашим общим врагом к «алдеаменту» — этим концентрационным лагерям колонизаторов. Разве плохо живется в «алдейаш коммунайш» тем из вас, кто поверил ФРЕЛИМО и начал жить по-новому, помогая друг другу и в поле и в доме?»

— Нам живется лучше! Мы теперь не боимся, что в лес придут убийцы-мафуташ! Вива ФРЕЛИМО! — раздаются ответы с берега.

Затем выступают армейские поэты. Лично для меня появление каждого из этих представителей «поэзии партизанских отрядов» было настоящим откровением, встречей с какими-то «полумифическими героями».

Еще за несколько лет до того, как Мозамбик стал независимым, на страницах нелегальных газет-листовок «Герои» и «25 сентября» начали появляться насыщенные пафосом борьбы, пронизанные высоким голосом патриотизма стихи, подписанные явно псевдонимами-символами: Кумванга (Патриот), Нгвембе (Гражданин), Магигуана (Командир), Малидо (Победитель). Всем своим творчеством эти самодеятельные поэты опровергали классический афоризм: «Когда говорят пушки, музы молчат». Напротив, их поэзия в полном смысле этих слов

родилась в рядах вооруженной борьбы, творилась под звуки канонад и звала к победе.

Выступают Нгвембе, Малидо, Дамиау Кошме — вся плеяда партизанских поэтов, позавчерашних крестьян и рабочих, вчерашних партизан, сегодняшних бойцов на нелегком фронте идеологической, пропагандистской борьбы. Их поэтическую атаку завершает Мануэль Гондела, мой хороший мапутский знакомый, которого я до сих пор почему-то не приметил в пестрой толпе агитаторов-артистов. Он читает нараспев, расставляя замысловатые музыкальные акценты, а зрители подпевают ему:

Сажайте деревья, товарищи,
На почве родной земли,
Пусть будет еще прекрасней
Наш родной Мозамбик...
Истинный патриот —
Кто служит своей земле,
Кто злакам дарует жизнь,
Кто их укрепляет в почве.

Закончив свое выступление, Мануэль подходит ко мне:

— Извини, что не подошел сразу, как только ты «спустился с неба»,— говорит он.— До последнего момента помогал друзьям с переводами. Пойдем, я познакомлю тебя с ними.

Уже почти темнеет, когда гастролеры заканчивают свое выступление. Впереди, однако, «батуки» — танцы хозяев здешних мест. На речном берегу зажигаются костры и появляются огромные барабаны-тамбалаты. Они звучат глухо и таинственно; к этим звукам присоединяется мистическое уханье, издаваемое деревьями-великанами, раскачивающимися от налетевшего ветра.

Затихли барабаны, и вдруг прямо из таинственного леса, перешагнув через костры, вышли к реке восемь фигур на высоких ходулях. В темноте почти не было видно масок, скрывавших их лица, да и сам рисунок танца, мимика и жесты участников этого необычного представления во многом терялись из-за плохого освещения. Такое эффектное появление из леса масок — символов духов предков, которые вещают законы и традиции племени, оказывает большое впечатление на африканского зрителя.

Под восторженные крики благодарности и приглашения приезжать снова наши плоты отчаливают от берега.

— Отъехать от места выступления на пять — семь километров всегда необходимо,— говорит мне Магигауна.— В противном случае батуки будут продолжаться всю ночь, и нашим ребятам будет днем не до работы. Движемся ночью мы лишь тогда, когда небо безоблачно, а луна светит вовсю...

Поэты и студенты, потеснившись, уступили мне одну из своих палаток, и эту первую ночь на плотах я проспал как убитый. Потом отдыхать приходилось мало. Светлые ночи следо-

вали одна за другой, луна была полной, и поэтому Гилерме почти после каждого вечернего концерта принимал решение «отдавать концы», с тем чтобы на следующий день пораньше прибыть к новому месту выступления.

Быт на плотах был довольно сложным. Как и все реки мозамбикского севера, Лусинга и Луженда изобилуют водопадами и порогами. Поэтому минимум два-три раза в сутки всем приходилось либо объединяться для борьбы с водной стихией, либо, напротив, покоряться ей, разгружать плоты, перетаскивать их волоком. Не стану выдумывать: никаких «экзотических» встреч с речными обитателями у нас не происходило, и мне лишь с завистью оставалось слушать воспоминания женской части коллектива о том, как на Луреко, одном из верхних притоков Луженды, стоявший посреди реки плот ночью вдруг приподнял, а затем и перевернул бегемот.

Бегемотов мы не раз видели возле берега. На песчаных отмелях, словно бревна, лежали небольшие крокодилы. Однако «прямых контактов» мы ни с теми, ни с другими не имели. Больше всего неприятностей, особенно по ночам, доставляли маленькие юркие ящерицы, которые падали с деревьев, изогнувшихся над рекой. С молниеносной скоростью проникая под одежду, они устраивали на человеческом теле какие-то свои игрища, гоняясь друг за другом. Тех, кто боялся щекотки, эти юркие создания доводили до полуистерического состояния.

Сильнее всего возмущались нашим вторжением в ночную жизнь реки совы и филины. Они то и дело бесшумно проносились над плотами или, усевшись где-нибудь по соседству на дереве, недовольно ухали, явно надеясь прогнать непрошеных пришельцев.

Как-то утром ко мне подошел Гилерме.

— Послушай, а почему бы и тебе не принять более активное участие в нашем деле? — спросил он.

— Например, исполнить славянские танцы? — пошутил я и неумело проделал несколько соответствующих «па», которые явно должны были отбить у Жилу охоту претворять в жизнь его инициативу.

— Да нет, я серьезно,— дружески положив руку мне на плечо, проговорил он.— Почему бы тебе не выступать минут по десять — пятнадцать каждый раз... Рассказать немного о Советском Союзе, о становлении отношений с народным Мозамбиком...

— Ты же сам был против лекций и докладов.

— Я и сейчас не «за». Но одно дело — «штатный» оратор из местных, а другое — приехавший из другой страны, тем более из Советского Союза, корреспондент, писатель. Это бы и наши «активы» подняло, и местным людям было интересно.

Подумав, я согласился. Магигуана вызвался переводить мое выступление на один из местных языков, и уже на следующий день я включился в работу.

О чем я рассказывал? Я начинал с воспоминаний о своей встрече с Эдуардо Мондлане в Дар-эс-Саламе, кстати последней встрече основателя ФРЕЛИМО с иностранным журналистом перед тем роковым днем 3 февраля 1969 года, когда он погиб, вскрывая подосланную португальской охранкой посылку с бомбой. Я напомнил о том, каким большим другом нашей страны был Эдуардо Мондлане, сколь высокую оценку давал он нашим достижениям, как ценил бескорыстную помощь, которую СССР предоставлял ФРЕЛИМО. Рассказал об Октябрьской революции, процитировал слова Э. Мондлане о том, что с самого начала эта революция оказала и продолжает оказывать большое влияние на судьбы африканских народов. Когда же я дошел до дней недавних и сегодняшних, то возгласы «Калаш!», «Амизаде!» *, «Вива Униао Советика!» * дали возможность лишний раз убедиться в том, что о дружественной политике СССР в отношении мозамбикского народа знают и в этих глухих лесных местах.

Иногда даже задавали вопросы. Чаще всего их смысл сводился к тому, почему «белые советские» помогают «черным» в борьбе против «белых португальцев». Интересовали лесных жителей и проблемы, которые мы обычно формулируем как «решение национальной проблемы в СССР».

Мой ответ на вопросы, касающиеся национального единства, сразу же удачно «обыгрывал» Гилерме, перенося эту проблему на мозамбикскую землю. Он говорил о том, что НРМ тоже населяют многочисленные народы, говорящие на разных языках, имеющие различные традиции и порою даже питающие друг к другу недоверие из-за той политики, которую в недавнем прошлом проводили колонизаторы. Призывая представителей лесных племен объединиться в единой семье, имя которой — мозамбикский народ, он склонял присутствующих познакомиться со своими братьями и сестрами в большой семье народов Мозамбика. Когда «лекция» кончалась, раздавались призывные звуки барабанов: на плотах начиналось танцевальное представление. Оно помогало лесным зрителям увидеть и понять народный дух и культуру тех, кого Гилерме только что назвал их «новыми родственниками»,— жителей саванны, гор и побережья Мозамбика.

Подобное сочетание «теории» и «практики» действовало очень убедительно на аудиторию. Привыкшие не выходить за пределы миамбо и сталкивающиеся в лесу лишь с представителями близких им по культуре и обычаям племен, наши зрители буквально были потрясены тем, что в Мозамбике есть африканцы, которые живут совершенно иной жизнью, придерживаются совершенно иных традиций, но в то же время могут

---

* «Амизаде» *(португ.)* — дружба.

** «Вива Униао Советика!» — Да здравствует Советский Союз!

так понятно и просто разговаривать с ними на общедоступном всем языке танца и музыки.

Представление открывала народная мелодия «Шипалапала»: на стоявших в наибольшем удалении друг от друга плотах начиналась перекличка барабанщиков, призывавших всю страну проснуться и взяться за работу. Первыми на этот зов отзывались жители самых отдаленных от берегов Лусинге районов Мозамбика — зулусы и свази, живущие к югу от Мапуту, на самой границе с ЮАР. Привыкшие к танцорам, минимально обремененным одеждой, мавиха и махиба, словно на инопланетян, смотрели на появившихся на плотах южан, дивясь их наряду.

Те были облачены в черно-белые юбки, на ногах у них было что-то вроде гамаш из меха ангорских коз-мохероносов, в руках — дротики-ассагаи. Издавая устрашающие, воинственные крики и дико вращая глазами, участники нашего ансамбля исполняли танец, главными «па» которого были прыжки в высоту с выбрасыванием вперед то правой, то левой ноги.

Плот, конечно, не самое подходящее сооружение для подобных антраша. Он дико раскачивается и подпрыгивает, брызги воды окатывают с ног до головы мохероносных танцоров, проделывающих чудеса акробатики, чтобы удержаться на ногах после очередного прыжка. Но местные зрители воспринимают все происходящее как должное, выражая свой восторг свистом и восторженными криками.

Иногда танцоры-южане выстраиваются в шеренги и, выставив вперед ассагаи, как бы начинают наступать на невидимого противника. «Тыки-тыки! Уф-уф-уф!» — в такт барабанам кричат выступающие.— Тыки-тыки! Уф-уф-уф!» Затем прыжки возобновляются.

Тонким лиризмом пронизан девичий танец «Дзоре», возникший на побережье Индийского океана, в провинции Иньямбане. Его происхождение тесно связано с ритуалами посвящения, во время которых умудренные опытом, пользовавшиеся всеобщим уважением женщины уводили девушек в лес и там в специальных «девичьих» лагерях посвящали их в премудрости будущей семейной жизни. «Дзоре» обычно исполняется на бис, затем зрители, прервав концерт, сами становятся танцорами, показывая нам девичий танец, родившийся под пологом миамбо.

— Обрати внимание на музыкальные инструменты, на которых аккомпанируют танцорам-шона,— говорит подошедший ко мне Мануэль Гондела.— Это мбира, своего рода африканское пьяно, которое всегда было ведущим инструментом на всех традиционных праздниках в Манике. Мбира состоит из деревянного резонатора и металлических пластин, каждая из которых настроена на свой лад; обычно их двадцать две. Наши же мбиры пятидесятишеститональные, не имеющие себе подобных нигде в Африке, кроме Зимбабве. Исполнители на

этих инструментах — их называют «гень амбира» — прекрасно передают настроение танца, чувства актеров — радость, ожидание, страх, томление...

Маникские самодеятельные артисты показали очень сложный по своей смысловой нагрузке танец «Ньлама». Во времена величия Мономотапы он исполнялся воинами накануне сражений, с тем чтобы разбудить в себе дух борьбы. Уже во время освободительной войны наших дней патриоты Мозамбика и Зимбабве нередко использовали его для физических упражнений партизан. Португальцы беспощадно преследовали исполнителей «Ньламы», тщетно пытаясь запретить танец, вытравить его из памяти народной. Но даже в этих условиях шона удалось сохранить первозданные черты этой воинственной и мужественной пляски.

Как-то после одного из концертов, когда подсвеченная луной красавица Луженда плавно несла наши плоты, разговор у нас зашел о том, какую огромную роль играют музыка и танец в социальной, а теперь и в политической жизни африканского общества.

— То, что кажется простым развлечением, на деле служит удовлетворению социальных потребностей и политических целей,— убежденно говорил Гилерме.— Ведь недаром же в нашей поэзии традиционные танцы и ритмы всегда отождествлялись с протестом, с борьбой, со свободой.

— Некоторые иностранцы и даже наши люди, прошедшие партизанскими тропами, удивляются: зачем это Партия Фрелимо уделяет такое внимание возрождению национальной культуры, зачем тратит средства на создание в Мапуту школы искусств, когда у страны есть куда более серьезные нужды? — вступает в разговор Магигуана.— А ведь правильно делает партия! Когда я читал программу ФРЕЛИМО, где сказано, что партия станет уделять особое внимание образованию и культуре и поэтому, в частности, будет стимулировать развитие всех видов культурной деятельности народа, придавать особо важное значение сбору устного творчества и изучению традиций, я пел от радости.

Было нечто фантастическое и в то же время удивительно созвучное духу сегодняшней Африки в этом ночном разговоре о судьбах мозамбикской культуры,— разговоре, происходившем в одном из самых глухих уголков континента и с участием тех, кого народная революция увлекла из этой глухомани к высотам творчества, к активному участию в идеологической битве за нового человека.

...У города Негомана, что в переводе означает «место встречи», Луженда, перепрыгнув каскад порогов, сливается с Рувумой. Здесь на противоположном берегу стоит покосившийся серый камень с надписью, из которой следует, что место встреч двух рек было крайней точкой, до которой в 1862 году Д. Ливингстону удалось подняться вверх по Рувуме. Вокруг этого

камня у нас состоялся грандиозный, подкрепленный выступлениями местной самодеятельности воскресный концерт, длившийся от полудня до полуночи.

Дальше, вниз по Рувуме, пошли не то чтобы обжитые, но и не дикие места, выступления агитансамбля переместились с плотов и песчаных отмелей в клубы поселков, возникающих вдоль этой великой реки мозамбикского севера...

Мои друзья маконде

— Я так и знал, что ты вернешься, Сержио,— приветствовал меня Ликаунда, сидевший под раскидистым деревом и с видом философа рассматривавший сучковатый кусок ствола мпинго.— Еще недели три назад я вырезал смешного шитани * и с тех пор все просил его поведать тебе о том, что надо приехать ко мне. Я спрятал шитани в лесу: среди родных деревьев ему будет лучше. Но теперь, пожалуй, я схожу за ним.

— А, это ты, со ** Сержио! — протягивая мне для приветствия руки, воскликнул деревенский учитель Мпагуа.— Сколько же это тебя не было видно у нас? Пожалуй, с самого начала чуки ***. Непременно заходи сегодня вечером ко мне.

Когда же меня завидел 82-летний Нангонга — местный мудрец и заводила всех мальчишеских игр, то издалека помахал мне рукой, словно мы виделись лишь вчера, шикнул на прыгавшую вокруг него ребятню и закричал:

— Вот уже третье полнолуние, как у меня бессонница. Это все потому, что ночью не с кем стало поговорить. Ты опять остановишься у меня в хижине? Тогда я пойду подтяну ремни на иголи ****. Я очень рад, что вновь вижу тебя.

Был и я рад вернуться к своим друзьям маконде. Всякий раз, когда я оказывался на мозамбикском севере, моя душа и сердце рвались к этим людям, с которыми я познакомился еще тогда, когда Мозамбик был португальским, а их земля уже гордо именовалась «освобожденной зоной». С тех пор я бывал в их деревеньке, затерявшейся среди миамбо, между поселками Намава и Шиньонго, раз семь или восемь. Иногда гостил у них неделями и каждый раз уезжал с ощущением, что расстаюсь с прекрасными людьми — простыми, гордыми и чест-

* Шитани *(киконде)* — добрые духи, в существование которых верят представители народа маконде.
** «Со» — сокращенное от «сеньор» (народный мозамбикский вариант португальского языка).
*** «Чука» *(киконде)* — дождливый сезон.
**** «Иголи» *(киконде)* — кровать.

ными. Общение с ними всегда обогащало меня, порождая чувство прикосновения к чему-то большому, общечеловеческому.

Вот почему, когда Рувума вынесла наши агитплоты к океану и я распрощался со своими новыми товарищами по речному походу, меня снова потянуло к маконде. На попутных машинах я добрался до Палмы, а затем до Мосимбоа-да-Прая — упоительно колоритных городов, где аромат суахилийского средневековья удивительно перемешан с ярким колоритом современной жизни макуа. Из Праи фрелимовские друзья довезли меня до «макондевской столицы» Муэда — единственного города на территории этого народа.

Там у меня еще с прошлой чуки застрял автомобиль, оставленный на попечение местного комиссара. День возни на зарядку аккумулятора и ремонт шин, в которые местные мальчишки все же умудрились вбить с полдюжины гвоздей, шесть часов по лабиринтам лесных троп — и вот я уже на полпути между селениями Намава и Шиньонго. Они расположены в самом центре плато, тоже носящего название Муэда,— естественной «крепости» маконде.

Плато это не столь труднодоступно, сколь ничем не привлекательно для всякого рода грабителей, захватчиков и колонизаторов. Муэда лишено воды и покрыто скудными, местами каменистыми почвами. В ландшафте плато преобладают труднопроходимые кустарники, у которых колючки порою изогнуты в виде крючка. Нелегко выбраться из этих зарослей, так как колючки не отпускают проникшего в буш путника. Ограниченное с севера Рувумой, а с юга — рекой Месало, это плато на протяжении нескольких веков вплоть до начала освободительной борьбы ФРЕЛИМО было для мозамбикских маконде своего рода микромиром, за пределы которого они не выходили, но и в пределы которого никого не впускали. Подобная «географическая ограниченность» нашла свое отражение даже в языке мозамбикских маконде, для которых Рувума и Месало стали своего рода «началом и концом света», полярными точками мироздания. Так, понятие «север» передается на киконде выражением «кулухума» (там, где течет Рувума), а юг — «кумвало» (там, где течет Месало).

К северу от Рувумы, по которой проходит современная мозамбикско-танзанийская граница, лежит столь же неприветливое в природном отношении плато Маконде, на котором живет примерно три четверти этого некогда единого народа, общая численность которого приближается в обеих республиках к миллиону человек. Однако танзанийские маконде в связи с большей активностью английского колониализма и с тем, что Танзания добилась независимости почти на 15 лет раньше, чем Мозамбик, уже вышли за пределы этого плато. Они не чураются тяжелой работы и поэтому слывут лучшими рубщиками на плантациях сизаля. Многочисленные деревни-кооперативы маконде — резчиков по дереву я встречал за сотни километ-

ров от их этнотерритории — под Дар-эс-Саламом, Богомойо и даже вблизи кенийской Момбасы.

Что же касается маконде Муэда, то они, по единодушному мнению исследователей, до сих пор остаются наиболее изолированным и малоисследованным народом Восточной Африки. В португальской литературе колониальных времен о маконде культивировалось мнение как о народе жестоком и агрессивном, применяющем против своих соседей черную магию, еще недавно занимавшемся людоедством, а ныне не брезгающем «съесть змею, дабы перенять ее свойства». Синонимом маконде у португальцев стало слово «мавиа» — злые люди, а в первые месяцы после провозглашения независимости НРМ те из расиствующих колонизаторов, которые еще не успели уехать из этой страны, заслышав, что я еду на север, шепотом напутствовали: «Дай вам бог не повстречать в лесу маконде».

Интересно, что такую же недобрую славу распространяли арабские работорговцы и первые английские колонизаторы о масаях и близких им нилотских народах самбуру, туркана и покот. Еще в начале этого века путников, покидавших Момбасу и направлявшихся в глубь нынешней кенийской территории, благословляли: «И чтоб в пути вам не попался лев, слон или масаи». Почти за шесть лет, проведенных мною в Кении, я объездил все нилотские районы, подолгу жил в каждом из них, а среди масаев имел друзей и знакомых больше, чем среди представителей пятидесяти других народов и племен этой восточноафриканской страны. И еще в Кении я понял: за внешней воинственностью, за показной любовью к оружию, определенной консервативностью масаев в отношениях с соседями скрывается одно — стремление оградить себя от печальной судьбы, постигшей народы в порабощенных колонизаторами районах, желание сохранить свои традиции и культуру, сберечь свое национальное «я».

К тому же стремились и маконде. Кругом свирепствовали работорговцы, и, по мнению Э. Реклю, бассейн Рувумы был скорее всего тем районом в Африке, где очевиднее были ужасные последствия торговли рабами *. Он же сообщает, что маконде, поддерживая торговлю традиционными товарами с арабами в определенных, специально отведенных для этого местах, запрещали им вступать в свои деревни.

Если труднодоступное плато Муэда было первой естественной «линией обороны» маконде, то их деревни можно было назвать «второй линией», созданной уже человеческими руками. Английский путешественник О'Нелли в 1882 году сумел проникнуть в населенную маконде деревню Мауиа, расположенную на самой периферии плато. Он писал: «Селение это окружено стеной из растительности шириной 60—80 футов. Колючие деревья и кустарники посажены настолько густо, что нет

* *Реклю Э.* Земля и люди, СПб., 1899, т. 13, с. 647.

никакой возможности проникнуть сквозь них ни человеку, ни даже животному. Португальский этнограф Д. Диаш уже в 30-х годах нашего столетия писал, что деревни маконде круглые сутки охраняются вооруженными ружьями мужчинами, а на ночь вдоль тропинок, ведущих к селению, устанавливаются самострелы, обычно используемые при охоте на крупную дичь.

В эффективности традиционной системы обороны маконде португальцы в полной мере убедились тогда, когда ФРЕЛИМО подняло мозамбикский народ на борьбу. «Усовершенствованные на протяжении веков военные традиции маконде фактически делают невозможным ведение в пределах их территории обычной партизанской войны,— говорилось в одном из секретных докладов португальского командования за 1969 год.— Существующая у них система оповещения работает безукоризненно, что делает любую нашу операцию бесполезной. Этот район следует либо поставить под наш контроль с использованием таких видов оружия, как химическое, применяемое с воздуха, либо вообще оставить...»

Проходя по деревне маконде, узнавая знакомых и вглядываясь в лица новых для меня людей, я думаю о том, что́ могло способствовать ложному, но столь распространенному даже сейчас мнению о маконде как о людях с «грозной репутацией». Наверное, их суровые, как и природа каменистого плато, лица, отражающие твердость характера. Во-вторых, «непохожесть» всего облика маконде на соседей, всегда настораживающая африканского общинника. Лица их юношей, а у мужчин постарше и грудь пересечены широкими рубцами — результат сложной и болезненной операции, которой раньше подвергались юные маконде, чтобы иметь право сказать: «Я — мужчина». У каждого второго-третьего мужчины передние зубы заточены так, что создается иллюзия: у них во рту по собственной пиле. У женщин такие подпиленные резцы встречаются еще чаще. Женщины средних лет, а еще чаще старухи обезображивают свои лица ношением пелеле.

Пелеле, или жажа,— это диск или кольцо, вставляемые в разрезанную нижнюю губу. У жен бедняков он оловянный или деревянный, в семьях побогаче — из слоновой кости. Этот диск играл раньше ту же роль, которую играет у других народов обручальное кольцо. Пелеле изготавливал для своей невесты сам жених, перед свадьбой он собственноручно вдевал его в предварительно прооперированную местным нганга губу своей будущей супруги. На протяжении совместной жизни, по мере того как черты лица его стареющей жены изменялись, а губа отвисала, диск несколько раз заменялся на новый, больший по размеру. В результате диаметр жажи у некоторых женщин достопочтенного возраста мог достигать восьми — десяти сантиметров. Когда обладательница подобного украшения интенсивно артикулирует (а язык киконде требует этого почти всег-

да) или тем более смеется, губа ее приподнимается, скрывая оба глаза, а в отверстие пелеле просовывается нос, под которым обнаруживаются подпиленные, но никогда не знавшие помощи дантиста зубы.

Многие женщины-маконде протыкают себе ноздри, вставляя в них индона — пяти-семисантиметровые узкие палочки из олова, торчащие в обе стороны.

— Нангонга, а не были бы ваши женщины красивее, если бы они украшали себя так, как это делают соседние племена? — спросил я как-то у старика.

— А тебе, как и всем мафута, не нравятся наши женщины? — захохотал он.— Вот и хорошо: нам, мужчинам, спокойнее. А ты знаешь, что именно пелеле спасли народ маконде?

— Это еще почему? — удивился я.

— Да потому, что, когда на берега Рувумы вторглись нгуни, порастерявшие в пути всех своих женщин, наших они не брали именно из-за пелеле. А когда яо снюхались с арабами и мазунгуш и началась торговля рабами, наши старейшины и вожди, вспомнив прошлое, решили: надо вдевать пелеле не только женам, но и девушкам, тогда за ними не будут охотиться. Так мы и сделали, и пелеле опять уберегли наш народ.

— Не хочешь ли ты сказать, Нангана, что рубцы на твоем теле и зубы вроде пилы уберегли маконде от проникновения на плато колонизаторов? — подзадорил я старика.

— Хе-хе, со,— довольно усмехнулся он.— Спасли, конечно, не только они, но это тоже сыграло свою роль. Глядя на нас, арабы, а затем мафуташ испытывали страх. Ведь те, кто хотели поработить нас, тоже люди, у них есть свои духи и свои боги, свои предрассудки. Все это помешало им на первых порах сунуться к нам, а нам дало время для того, чтобы поосмотреться и понять: каучук, копал и слоновую кость, которыми торговали с арабами, а потом и с англичанами, надо менять не на тряпки, как мы это делали раньше, а на ружья. Так мы и начали делать. И поэтому, когда позже мафуташ перестали бояться нашей внешности и сунулись к нам, мы встретили их хоть и старыми, но ружьями. Я-то отлично помню те времена! Мы, маконде, единственные, кто стрелял в португальцев не из лука, а из ружья. Вот так-то!

Нангонга затянулся сигарой-самокруткой, потом добрая улыбка озарила его морщинистое лицо.

— А теперь ФРЕЛИМО правильно говорит: не нужны больше ни пелеле, ни острые зубы. Под сенью миамбо стало так хорошо и спокойно. Вокруг нас нет врагов, и поэтому посмотри, какие красивые девушки выросли у маконде с тех пор, как мы стали жить в «освобожденной зоне». А какие у нас прекрасные дети! — сказал старик, кивая в сторону большой хижины-школы. Там вокруг Мпагуа собиралась детвора, чтобы заняться устным счетом, и отнюдь не на «дополнительные занятия», а просто так, из любви к работе мысли.

Это старый обычай, распространенный среди маконде и макуа. Он описан португальскими этнографами еще в начале века. Ближе к закату солнца местные старики по очереди выходили на деревенскую площадь и с помощью камешков или пальцев учили совсем маленьких счету. А затем приходили дети повзрослее, и начинался урок арифметических действий.

У нас с Мпагуа уже стало традицией: когда я появляюсь в деревне, то тоже участвую в игре. Своим ученикам он объяснил это так: «Мафута как ребенок. Он плохо говорит и оттого медленно соображает. Поэтому он считает еще хуже, чем вы».

Языковых трудностей я, однако, в этой игре не испытывал, поскольку числительные на киконде мало чем отличаются от суахилийских. Проблема для меня состояла в другом, о чем даже и не догадывался сельский учитель Мпагуа.

Дело в том, что математический счет у маконде основывается на сочетании десятичной и пятеричной систем. Выглядит это так: 1 — «иму», 2 — «мбили», 3 — «инату», 4 — «нчече», 5 — «мвану» — все ясно и понятно. Но 6 обозначается как «мвану на иму», то есть $5+1$; 7 — как «мвану на мбили» и так до 10, переводящегося словом «куми». Образование числительных, кратных 10, идет по тому же принципу: 20 — «макуми мавили», то есть 10 дважды, 30 — «макуми матату» — 10 трижды, но 60 уже «макуми мвану на лимо», что примерно равнозначно 10 пятерок и единица с нулем, 70 — «макуми мвану на мавили» — 10 шестерок и двойка с нулем и так далее до 100 — «макуми куми» — 10 десяток.

Понятно, что для юных маконде, не знающих десятичной системы, словосочетание «макуми мвану на лимо» было готовой лингвоматематической идиомой, автоматически воспринимаемой ими как 60. У меня же этого автоматизма на языке киконде быть не могло: сама идиома была для меня арифметической задачей: $(10\times5)+10$.

Когда я оказывался в «отстающих», то есть не решал задачу на сложение или вычитание первым, никто на меня не реагировал.

Но когда я вылезал вперед всех с неправильным ответом, всеобщему восторгу не было границ. Мне казалось, что даже самому Мпагуа импонировало это превосходство его подопечных над заезжим мафуташ, обвешанным фотоаппаратами. Что же касается самих детей, то вскоре их главной целью стало не дать правильный ответ, а получить удовольствие от моей ошибки. Мое присутствие начинало представлять собой угрозу для самого педагогического мероприятия.

Как-то после моей очередной ошибки Мпагуа, дружелюбно подмигнув мне, произнес, слегка ударяя себя ладонью по лбу:

— Мути, мути *. Тебе лучше, со, пойти проспаться. Утром голова, равно как и воздух, всегда чище.

* «Мути» (*киконде*) — голова.

Посрамленный, я иду отдохнуть к хижине Нангонги. Но его на месте нет: конечно же непоседливый старик ушел на собрание, где сегодня, как мне поведал Мпагуа, обсуждается «незаезженная» по местным понятиям тема: «эмансипация женщины». Но про меня добрый старик не забыл: раму кровати перетянул свежим упругим лыком, заменяющим здесь пружины, а рядом, на дощечке, поставил невесть где добытое им, старым холостяком, угощение, явно приготовленное женскими руками: в железной миске большой шарик теста из маниоковой муки, а рядом вырезанная из дерева кружка с подливкой из истолченного в растительном масле арахиса. От большого шарика — «кои» — руками надо отщипывать небольшие кусочки, макать их в подливу — «мчовела» — и класть в рот. Таков у маконде каждодневный ужин. Обычно он более плотный, чем обед.

Закончив трапезу, я с наслаждением вытягиваюсь на пахнущей свежестью иголи. Сколько интересных легенд и мудрых житейских историй услышал я от Нангонги в его хижине, лежа на этой кровати! Прав был Антонио да Кошта, который не уставал повторять: «Когда в Африке умирает старик, это значит, что погибла целая библиотека никем не прочитанных книг».

С чего начал Нангонга тогда, в нашу первую встречу, когда дождь загнал меня под эту крышу на целых две недели, сделав все вокруг непроезжим и непреодолимым? Ну конечно же я спросил Нангонгу, кто такие маконде, откуда пошел его родной народ. И старик в такт дождю затянул монотонным голосом, как того требует традиция, древнюю легенду — макондевскую версию сотворения мира:

— Сначала в мире было «кучанья» — небо, «лидува» — солнце, «мведи» — луна и «кундонде» — земля. Между ними, где хотел, жил Мвене Ндунгу — большой дух, или, как говорят мафуташ, бог. Чаще всего он бывал на земле, потому что по ней ходили всякие звери и росли всякие деревья и цветы. А между ними слонялось одно-единственное существо, не имевшее себе подобного. Это потому, что Мвене Ндунгу не создавал его. Существо это было грязным и волосатым, спало в пещерах и среди скал. Оно вставало вместе с солнцем, охотилось и ловило рыбу, ело плоды, ни в чем не чувствуя недостатка. По ночам существо являлось к зверям и птицам: ему было одиноко одному на земле и хотелось помочь хоть кому-нибудь.

— Так, может быть, это был самый-самый первый шитани? — шутливо спросил я.

— Ты тоже так думаешь? — оживился Нангонга.— И мне все время кажется, что то единственное существо, которое творило ночью добро, не кто иной, как первый шитани. Потому-то он и не был сделан Мвене Ндунгу, что был дух, сам себе хозяин. Я как-то даже вырезал этого первого шитани из

дерева. Это была большая голова, из которой рос хвост. Скульптура была очень смешная, я ее потом отдал ФРЕЛИМО.

Как будто переносясь в другой мир, старик проговорил это своим иронически-бодрым тоном, а затем вновь забубнил легенду:

— А потом дух решил помочь сам себе. Утомленный одиночеством, он взял большой кусок дерева и любовно вырезал из него фигуру прекрасной женщины. Он изваял ее сидящей, поставил у своей холодной пещеры и лег спать, не зажигая костра.

Но ночью дух проснулся от того, что неожиданно ему стало тепло: это рядом с ним легла женщина, которая ожила из скульптуры. В благодарность за то, что дух создал ее, женщина подарила странному существу любовь, наделила его способностью мыслить и говорить, то есть сделала настоящим мужчиной. Так на земле возникла первая супружеская пара.

Они соединились в любви у реки, но первый ребенок, который у них родился, умер. «Это плохое предзнаменование,— сказала женщина.— Давай перейдем в те места, где растут сухие травы, подальше от реки». Так они и сделали, но их второй ребенок тоже умер.

Тогда женщина опять сказала: «Надо уйти в более высокие и сухие места, где растут густые кусты». Так первые люди появились на плато. Там у них в третий раз родился ребенок. Он выжил. Это был первый маконде. Так начался род человеческий.

Слушая старого Нангонгу, я думал о том, что́ первично, а что́ вторично в этой легенде. Ведь на старых португальских картах XVI века этнотерритория маконде простирается от побережья Индийского океана до Ньясы, некоторые исследователи культуры этого народа выводят ее первоисточники из Конго. Португальский этнограф М. В. Геррейро, в начале 60-х годов XIX века проводивший первые полевые исследования в современном районе расселения маконде, записал легенду, рассказывающую о том, что «маконде пришли жить в ту страну, где живут сейчас» после вооруженного столкновения с белыми. А таковыми могли быть только португальцы, потому что, когда в XIX веке в долине Рувумы появились первые англичане, а затем и немцы, маконде по обоим ее берегам уже жили на своих плато. Так что рассказанная Нангонгой легенда — продукт довольно недавнего творчества. Она отражает скорее всего стремление племенной верхушки дать сакраментальное объяснение сложившегося к определенному периоду развития общества маконде статус-кво, быть может даже сломать оппозицию тех, кто не видел необходимости вести затворническую, аскетическую жизнь на каменистых землях под пологом миамбо.

Расчищая под поля все новые и новые участки каменистой

земли, маконде умудрялись собирать неплохие урожаи кукурузы, сорго, кассавы, тыквенных и бобовых, сезама и арахиса. Зачастую орошались их поля лишь утренней росой. И тем не менее это была сельскохозяйственная страна, производившая даже излишки продовольствия для торговли с соседями. Трудностей было много, но маконде предпочитали мирную и свободную жизнь на своем каменистом плато притеснениям, которые их ждали от колонизаторов в том случае, если бы они спустились в плодородные низины.

Так, хозяйкам нередко приходится вставать в 4—5 часов и отправляться вниз, к реке, преодолевая в оба конца не менее 20 километров. Однако, подчиняясь матери-прародительнице, женщины не поднимают бунт и не требуют строить селения у реки.

В остальном мужчина у маконде пользуется куда меньшими «льготами», чем у соседних народов. Достаточно сказать, что, поскольку, согласно все той же легенде, именно «женщина сделала мужчину разумным человеком», она имеет право выбора. Маконде отвергают идею покупки жен в отличие от традиций соседей-мусульман либо народов, придерживающихся навязанного зулусами-ангони обычая выкупа невесты. Традиционное право маконде не дает родителям девушки юридических оснований выдать ее замуж лишь по их воле. Неверность со стороны мужа наказывается у маконде так же жестоко, как во всей Африке карается только измена жены. Нарушившего брачный союз изгоняют из дома и лишают не только материальных, но зачастую и родительских прав. Родство здесь считается только по материнской линии, а муж после свадьбы поселяется в семье или в крайнем случае в деревне своей жены. Иными словами, все это напоминает матриархат.

И вот сегодня, когда Нангонга вернулся с затянувшегося на пять часов и кончившегося за полночь собрания об «эмансипации», вся его мужская натура кипела от негодования.

— «Воинственный народ»! «Кровожадные маконде»! — ворвавшись в собственную хижину, обрушил он на меня возмущение оскорбленного мужчины.— Сержио, ты только скажи мне, где ты видел воинов, которыми командуют женщины? Если бы хоть один из мафуташ продрался сквозь колючки на плато и, не испугавшись наших зубов и пелеле, повнимательнее пригляделся что к чему, то он бы понял: мы — самые кроткие люди на земле, потому что нами руководят женщины.

Из дальнейшего сбивчивого рассказа Нангонги я узнал, что́ произошло на собрании. Приехавший откуда-то с юга молодой парень прочитал подготовленную в «общенациональном масштабе» лекцию, из которой Нангонга и все его односельчане узнали: у многих племен женщина находится в подчиненном положении, ее эксплуатируют, не выдвигают на руководящие посты, оскорбляют многоженством и так далее.

Обо всем этом мужчины в деревне и не подозревали, им оставалось лишь пожалеть о своих «упущенных возможностях». Что же касается обычаев маконде, то лектор их даже похвалил, дав повод кое-кому выступить с чем-то вроде «самокритики».

— Ну а как же вы дошли до жизни такой? — подзадорил я Нангонгу.

— Эх, со! Я же тебе еще в ту первую ночь, когда мы познакомились, сказал: нами управляет легенда. И-их, забыл! Я же нашел тебе женщину из той легенды...

— ??? — Я широко открыл глаза.

Нангонга, кряхтя, встал со своей кровати и в чем мать родила вышел из хижины. Вернулся он минут через сорок — явно ходил куда-то далеко в лес.

При свете включенного им электрического фонарика я увидел, что старик стоит передо мною, держа в объятиях довольно большую, выше метра, женскую фигуру, вырезанную из светлого дерева. Я взял ее в руки — меня удивила легкость скульптуры по сравнению с теми неподъемными вещами из мпинго, которые обычно выходят из-под резца маконде. Да и сработана она была грубо и примитивно в отличие от современных замысловатых шедевров.

— Вот,— сказал он победоносным тоном.— Помнишь, в один из твоих прошлых приездов я говорил тебе о том, как каждый мужчина-маконде уважает свою мать и что после кончины она им обожествляется?

— Помню,— сказал я.

— Но тогда я не сказал тебе, что в прежние времена каждый сын после смерти своей матери шел к прорицателю-ому и просил у него разрешения срубить в лесу священное дерево нжала. Из его ствола он вырезал фигуру своей матери, которая всегда стояла в его хижине. А если сын отправлялся в дальний путь или на охоту, то должен был привязать эту фигуру к спине, чтобы глаз духа матери не выпускал его из виду и оберегал от порчи.

Маконде, пожалуй, почитают матерей, как нигде в Африке. В период жизненных кризисов каждый сын идет за советом к материнской могиле. Поскольку фигура деревянной первоматери была вырезана в сидячем положении, в этом же положении хоронят и женщин, имевших детей. Маконде считают, что так им легче будет встать, если они оживут и захотят вернуться к близким. В былые времена сыновья носили на могилы матерей угощение, а в случае если у них рождался ребенок, тотчас же несли его на кладбище «показать бабушке».

Некоторые этнографы на основании этих обычаев, резко отличающих обитателей плато Муэда от соседних племен, пытаются доказать присутствие в культуре маконде индонезийского или хотя бы малагасийского начала, рисуют роман-

тические теории переселения их первопредков из полинезийского мира по аналогии с обитателями Мадагаскара. Однако изучение древних культов маконде сейчас очень затруднено. Нжала — крайне непрочный материал, поэтому жизнь вырезанной из него скульптуры, подвергающейся в лесу бесконечным нападениям насекомых и гниению, оказывается не долговечнее человеческой.

— А где ты взял эту скульптуру? — спрашиваю я у Нангонги.

— Она всегда живет в лесу,— отвечает он.— Это мать вождя рода, который создал нашу деревню. Такая мать покровительствует всем, кто живет в деревне.

— Интересно, как молодежь относится к таким скульптурам?

— Молодежь, прежде всего те, кто воевал в отрядах ФРЕЛИМО и учился в школе, понимает мир по-своему...— задумчиво отвечает старик.

А как понимают его он и его сверстники? Такого вопроса, конечно, в лоб не задашь. Но из того, что я усвоил из наших предыдущих ночных бесед, следовало: большинство маконде думают, что «жизнь есть везде», что каждое существо и каждый предмет живут по своим законам. Маконде считают, что человек своим поведением, поступками, мыслями может самым существенным образом влиять на окружающую его среду, направляя развитие событий в нужном ему направлении. Не в последнюю очередь это относится и к взаимоотношениям с потусторонними силами, и в первую очередь с душами предков, которые, как утверждает Нангонга, остаются жить в племени и активно вмешиваются в дела живых. Как правило, своим родственникам и близким души усопших являются во сне. Снам придается первостепенное значение: их нередко обсуждают в самом широком кругу соплеменников, с тем чтобы, приняв решение, отвечающее интересам живущих, «повлиять» на души ушедших из жизни.

Подобная вера в единство реального и потустороннего и вытекающее из этой веры стремление «отрегулировать взаимоотношения» между «двумя мирами» очень важны для понимания мироощущения маконде, особенно если учесть, что последнее слово в этом диалоге они оставляют за живущими. «Духов можно задобрить, убедить, переспорить, подкупить и даже перехитрить,— поведал мне как-то Нангонга.— Ведь они как люди».

Признание это очень интересное, потому что если традиционно мыслящие мальгаши, эти недоказанные «родственники» маконде, нередко идут на поводу у духов своих предков, соизмеряя свое поведение с трактовкой сна или советом-приказом предсказателя, то маконде постоянно борются с выдуманными ими духами, чтобы в конечном счете навязать им свою волю. В этих целях маконде считают необходимым все-

ми доступными живущим людям способами укреплять свои связи с духами и поддерживать их. Опять процитирую Нангонгу: «Дух как человек. Когда он здоров — у него хорошее настроение и он делает окружающим добро. Когда же его одолевают хворь и неприятности, он думает только о себе и огрызается на других. Поэтому мы должны любить ушедшие от нас души и заботиться о них». Чему же тогда удивляться, что маконде не боятся смерти? Она для них лишь переход в состояние, гарантирующее идеальные отношения со всеми соплеменниками.

Мои размышления прерывает мощный взрыв, раздающийся где-то неподалеку.

— Такого я не слышал с тех пор, как мы избавились от португальцев,— говорит старик.— Похоже на мину. Однако что же это на самом деле?

Пока он одевается, высказывая предположения о случившемся, просыпается вся деревня. Шума, по-моему, гораздо больше, чем от взрыва. Но постепенно голоса затихают: все бегут в сторону происшествия. В наступившей тишине, нарушаемой лишь трескотней цикад, я засыпаю.

Мпико выходят из гаража

Однако незадолго до рассвета меня будит нарастающий гул человеческих голосов. Через открытую дверь хижины я вижу, как из тумана, окутавшего миамбо, «проявляется» толпа людей. Идут они почему-то довольно медленно. Но что это за странное существо ростом по пояс человеку движется впереди? От зверюги таких размеров впору бы убежать! Неожиданно по обе стороны от узкой головы «зверюги» возникают два гигантских уха... Слоненок!

Я вскакиваю с кровати и бегу навстречу людям. Вот он, крохотный, еще не совсем уверенно держащийся на ногах будущий великан африканского буша. Женщины гонят его к деревне. Мпагуа объясняет мне:

— Слониха подорвалась на мине. Когда-то мы хотели поставить на том месте деревню. Португальцы пронюхали об этом и зарыли там несколько мин. Две из них давно уже взорвались, и с тех пор туда никто не ходит. А вот слониха напоролась, погибла... Слоненку месяца два, не больше.

На тотчас же состоявшемся собрании началось длительное обсуждение случившегося. Из дебатов я узнал, что слоны на плато поднимаются очень редко, что тридцати-сорокалетние жители деревни их вообще никогда не видели. Было постановлено: бивни слонихи отослать властям в Муэду, а тушу разделать на мясо и сообщить о случившемся во все соседние

деревни: пусть их жители приобщатся к неожиданному пиршеству. Слоненку решили дать имя Нембо *.

С полтора десятка мужчин отправились заготавливать лес, чтобы сделать загон для Нембо. Остальные, вооружившись топорами, пилами и ножами-мачете, пошли разделывать тушу слонихи; Мпагуа пригласил меня присоединиться к ним.

Развороченная взрывом слониха, разбрызганная вокруг кровь производили страшное впечатление. Грифы и марабу начали свое пиршество задолго до нашего прихода, но, завидев людей, нехотя поднялись в воздух и уселись на вершинах соседних деревьев, дожидаясь своего часа. Когда мы были уже совсем рядом со слонихой, из зияющей у нее на груди страшной раны вылезли красные, перемазанные кровью гиены и, сердито оскалившись на нарушителей их спокойствия, отбежали в сторону. Вожак стаи, взобравшись на старый термитник, стал с нескрываемой злобой наблюдать за нами, остальные разбрелись по бушу, устраивая шумную свару у каждого куска отброшенного взрывом мяса. Что же касается насекомых, и особенно мух, то они конечно же и не думали ретироваться, а, напротив, все прибывали и прибывали...

Без труда высвободив небольшие, не превышавшие и полутора метров, бивни, люди принялись за разделку туши. У африканцев главное в этом процессе — добраться до печени, считающейся не только деликатесом, но и в какой-то мере пищей ритуальной, с поглощением которой к людям переходит и сила и мудрость животного. Поэтому, вспоров топорами брюхо слонихи, из которого с шумом вырвались наружу газы, люди с каким-то неистовством, словно добытчики руды, начали вгрызаться в чрево животного, стараясь опередить друг друга и побыстрее добраться до заветной литагвы *.

Не дожидаясь конца всей этой довольно неприятной процедуры, я вернулся в деревню. Там было непривычно тихо: все мужчины были заняты слонихой и Нембо, а женщины еще не вернулись с реки. И только из-за деревьев, окружавших школу, слышались голос Мпагуа и редкие возгласы ребят.

Я подошел поближе, стараясь оставаться незамеченным. Явно стремясь не отрывать обучение от жизни, учитель использовал ночное происшествие для того, чтобы поговорить о взаимоотношениях человека с природой, о том, как маконде должны любить лес, защитивший их от завоевателей. Живо и наглядно, используя племенную мифологию и не делая тайны из того, каких верований и ритуалов придерживались их предки еще в недавнем прошлом, Мпагуа призывал любить лес и его обитателей, жить в строгом соответствии с законами природы.

---

* «Нембо» *(киконде)* — слон.
* «Литагва» *(киконде)* — печень.

Нет, не подумайте, что учитель призывал фетишизировать лес или поклоняться лесным духам! Его урок был очень интересной попыткой найти какую-то разумную форму сосуществования, модус вивенди между традиционным образом мышления маконде, обожествлявших миамбо, и современной идеологией. Речь шла не о признании превосходства леса и подчинении ему. Эту традиционную идею Мпагуа отвергал и объяснял своим ученикам причины ее несостоятельности.

Время от времени то один, то другой из учеников подходил к учительскому столу, брал разложенные на нем деревянные резные фигурки, объяснял, что они означают. Наклоняясь к земле, они поднимали резные монолиты из мпинго, что-то показывали и рассказывали по ним, но говорили тихо, разобрать содержание ответов мне не удавалось.

— Я сразу же заметил вас, когда вы «подкрадывались» к нам,— протягивая мне руку, сказал Мпагуа, когда урок кончился и я подошел к нему.— Знаете, многие не согласны с тем, что я привлекаю к занятиям в качестве наглядных пособий эти резные фигурки и скульптуры. Кое-кто даже писал на меня в Муэду и Мапуту, обвиняя в том, что я «тяну современную школу в прошлое», приучаю ребят верить в шитани и чуть ли не поклоняться идолам. Чушь! Ничего подобного я, конечно, не делаю. Скульптуры эти — элементы нашей культуры, за ними скрываются не только язычество и архаические ритуалы, но и огромные морально-этические ценности, на протяжении веков накапливавшиеся нашим народом, и я не считаю себя вправе лишать их нашу молодежь.

— А чем же тогда закончились ваши отношения с Муэдой и Мапуту? — поинтересовался я.

— Ну, съездил туда. С работы хотели выгнать, кое-кто даже в «лагерь по перевоспитанию» предлагал послать. А я, когда отсюда уезжал, перед разговором с начальством почти наизусть выучил то, что говорил о традиционном обучении в Африке товарищ Эдуардо Мондлане. И в самой высшей инстанции, где решалась моя судьба, процитировал эти мысли товарища Мондлане. Меня поддержали, а те, кто кашу заварили, говорили, что я «реакционер», втык получили.

— Какая же цитата из Мондлане спасла вас?

— Есть у основоположника ФРЕЛИМО мысль о том, что в доколониальные времена у многих мозамбикских народов существовала система традиционного образования, которая в условиях сельской общины вполне оправдывала себя, формируя полноценных членов общества, давая им возможность получить знания и приобрести опыт, необходимый для самостоятельной жизни. Товарищ Мондлане писал также, что у некоторых племен такое обучение подрастающего поколения было поставлено очень хорошо. Подростков учили беспрекословно подчиняться общепринятым нормам и законам племени. Молодых готовили к суровым испытаниям жизни: им при-

ходилось недосыпать, выполнять тяжелую работу, совершать длительные переходы, жить без всяких удобств. Цель такого обучения — дать моральную закалку и привить трудовые навыки. У некоторых племен подростки, объединенные в специально созданные «общества для посвященных», изучали также основы традиционного права. Для лучшего усвоения знаний старики инсценировали перед ними судебные разбирательства. Молодежь, объединенную в эти общества, знакомили также с художественными промыслами, ремеслами, сельскохозяйственными навыками, приемами охоты. Товарищ Эдуардо Мондлане, конечно, не идеализировал всю систему подобного традиционного обучения. Но, раздумывая о том, какой должна быть новая, современная школа в революционном Мозамбике, он писал, что при ее создании никак нельзя игнорировать ценностей нашей собственной культуры.

Мпагуа ответил на какие-то вопросы подошедших к нему учеников, отдал им толстую пачку тетрадей, а потом вернулся к прерванному разговору:

— Вот обо всем этом не раз говорил и писал Мондлане. Я спросил тогда в Мапуту: «Разве трудовое и нравственное воспитание молодежи не нужно современному Мозамбику? Разве приобщение наших мальчишек и девчонок к культурным традициям противоречит революции?» Мне ответили, чтобы я возвращался к своим школьникам и спокойно продолжал работу.

— А что известно о традиционной системе обучения именно у маконде? — поинтересовался я.

— Об этом как раз известно не так уж и мало, потому что до создания в Кабу-Делгаду «освобожденных зон» ФРЕЛИМО и затем современной системы просвещения традиционная система была основой основ образования для нашей молодежи. Обучение, выражаясь современным языком, было раздельным и заканчивалось шестимесячными курсами, которые организовывались для юношей и девушек, живущих в пределах большого района, подчиненного одному из наиболее влиятельных вождей. Молодежь проходила такие курсы перед церемонией инициации (посвящения юношей в мужчины, а девушек — в женщины), дававшей им право обзавестить семьей и сделаться полноправными членами общины. Именно накануне этого важнейшего события в их жизни молодежь на целые полгода переселяли в какое-нибудь горное ущелье или незнакомый густой лес, где сама необычная обстановка, природная среда как бы подчеркивала значимость происходящего.

Совершенно естественно, что были и негативные стороны в деятельности подобных «лесных курсов». Наставники молодежи порой уделяли излишнее внимание ритуальным основам жизни племени, «приемам взаимоотношений» с душами умерших, сексуальным вопросам. Юношей подвергали мучитель-

ным испытаниям, в том числе нанесением рубцов на теле, они переносили также операцию обрезания. Эти стороны в деятельности «лесных школ» мы конечно же решительно отвергаем. Начиная с 20-х годов «мужские курсы» у маконде начали все больше приобретать характер тайных ритуальных обществ наподобие тех, что существуют в Западной Африке.

— А играла ли какую-нибудь роль скульптура при обучении в лесных школах? — поинтересовался я.— Или ваши попытки использовать ее на уроке — новаторство?

— Да нет, ничего нового я не открыл,— отвечает Мпагуа.— Ведь в нашем обществе, лишенном письменности, такие фигурки из дерева, а иногда и из глины наряду с устным народным творчеством были чуть ли не единственным средством передачи информации, касающейся нашей истории, традиций, культуры. Кроме того, они действительно были наглядными пособиями. Ведь вы знаете, что почти каждое произведение традиционного африканского искусства — это прежде всего символ, за которым порой стоят очень сложные моральные, этические, религиозные или социальные явления. Изобразить их в дереве совсем не просто, и именно поэтому многие скульптуры маконде удивляют своей сложностью, абстрагированностью от реалий. С другой стороны, существуют и такие проявления человеческого бытия, скульптурные изображения которых проще и нагляднее всего выразить в реалистической, а то и в натуралистической манере. Отсюда и два направления в современной скульптуре маконде: обычно уподобляемый на Западе абстракционизму стиль шитани, выражающий духовный мир человека, которое на Западе любят уподоблять абстракционизму, и сугубо реалистическое течение, отражающее практическую деятельность людей.

Так вот, еще издревле каждая из «лесных школ» маконде была отлично оснащена наборами скульптур двух направлений. Когда речь заходила, например, о брачных взаимоотношениях между мужчинами и женщинами, в ход пускались нарочито натуралистические изображения. Когда же молодежь приобщалась к таинствам общения с духами, тайнам потустороннего мира и прочей ритуальной тематике, наставники прибегали к скульптурам в стиле «шитани». Порою на земле расставлялось несколько подобных замысловатых резных фигур, и посвящаемые должны были не только объяснить смысл каждой отдельной скульптуры, но и «предсказать» те возможные взаимоотношения, в которые способны вступать между собой «духи» и «демоны» с разных деревянных изображений. Каждое изображение имело свое имя, свои повадки, с каждым из них надо было разговаривать в подобающей манере, используя только ему «угодные» поговорки, пословицы и присловья. В прежних, дореволюционных условиях это уже была практическая подготовка к «взрослой жизни» ма-

конде, к «налаживанию отношений» с потусторонним миром; к подчинению желаний «духов» усопших воле живых людей.

Неожиданно смирно сидевшие во время всего нашего разговора мальчишки шумно загалдели, возвещая о прибытии «людей от слонихи». Сгибаясь под тяжестью огромных кусков мяса, мужчины победоносно прошествовали на деревенскую площадь, свалили там «общественные куски», а остальное понесли к своим хижинам.

Женщины тотчас же принялись резать мясо на узкие и длинные полосы и развешивать в тех местах, где полог из крон миамбо пробивает солнце. А мужчины, помывшись, принялись готовить на площади большое пиршество. Мясо вообще большая редкость в рационе этих почти не имеющих скота лесных земледельцев. А такое количество мяса, какое предстояло съесть за сегодняшнюю ночь, было бы событием в жизни любого человека, за исключением разве Гаргантюа.

Очень жесткое и постное мясо слона не располагает к тому, чтобы его поглощать в больших количествах. Однако, не избалованные телятиной, местные жители поедали его с подлинным упоением, а обильное количество местного пива «номбе» еще больше разжигало их аппетиты.

— Ты посмотри, как нас, оказывается, любят женщины,— обнимая меня, проговорил Нафаси, один из лучших резчиков по дереву в деревне.— Ведь по нашим макондевским законам всё «номбе» в деревне принадлежит женам. А они поставили нам «номбе» еще больше, чем мы принесли им мяса.

«Да, веселая будет ночка»,— подумал я, едва успев отскочить от огромной, выдолбленной прямо из цельного ствола бочки с пивом, которую катили к костру две молодухи, уже успевшие приложиться к веселящему напитку. «Номбе» именуется пивом только потому, что миссионер, составлявший в начале этого века киконде-португальский словарь, наверное, такового никогда не пробовал. В действительности этот напиток представляет собой с ног сшибающую брагу из проса с добавлением дикорастущих плодов и трав, не лишенных наркотического эффекта. «Номбе» — напиток поистине сильных людей.

К моему удивлению, не было еще и полуночи, а мясо на площади уже исчезло. Наиболее компанейские мужчины пошли отрезать добавки от «семейных кусков». Едоков, правда, было гораздо больше, чем жителей деревни, поскольку время от времени из лесу появлялись гости. Женщины начали требовать танцев. Наступление нового дня в миамбо приветствовали десятка полтора тамтамов и редкостная по своей многочисленности толпа пляшущих мужчин в масках-мпика. Весело позвякивая колокольчиками, привязанными к щиколоткам ног, они пританцовывали среди костров, а все присутствующие, чьи руки не были заняты кусками мяса, прихлопывали им в такт.

Наблюдая за этим пестрым хороводом, я невольно вспомнил, каких трудов стоило мне впервые увидеть танцы маконде в их масках-шлемах. Было это в 1975 году, когда в памяти жителей севера еще были свежи и зверства колонизаторов, и гонения миссионеров на их «дьявольские намордники».

Приехав тогда в город Муэда, я обращался к десяткам людей с просьбой показать мне мпика. Одни смотрели на меня с подозрением, вторые — с непониманием, третьи — с открытым осуждением, как на провокатора. Никто не хотел помочь мне. Пришлось обращаться в местное отделение ФРЕЛИМО, где комиссар Муэды внял моим просьбам. Оказалось, что маски свои горожане-маконде прятали совсем не в лесу, а, как и подобает хорошим конспираторам, прямо в логове врага — в гараже португальского гарнизона. Вечером мпико вышли на улицу и впервые за долгие годы пустились в пляс. Их возвращение восторженно приветствовали жители Муэды, большинство которых слышали, но за всю свою жизнь ни разу не видели удивительного карнавала масок, родившихся под пологом миамбо.

И вот теперь я вижу маски второй раз.

— Вам повезло,— подойдя ко мне, сказал Мпагуа.— Столько мпико редко собирается в одном месте, и то, что это происходит, явное свидетельство тому, что маска потеряла у нас свое сакральное назначение, превратилась в атрибут веселого праздника ряженых.

Так рождаются шедевры

На следующее утро деревня проснулась поздно, и ее обитатели целый день пребывали в состоянии оцепенения. Даже дети, привыкшие здесь к постоянному вниманию и заботе взрослых, как-то притихли и не играли в шумные подвижные игры. Девчонки вытащили куклы — «ванамбеча» — и принялись укачивать их, напевая нечто вроде заунывной колыбельной. А мальчишки вставляли свои куклы в натянутую между колышками двойную веревку, закручивали ее и безмолвно наблюдали, как, раскручиваясь, веревка вращает игрушку. «Ванамбеча» представляет собой два длинных деревянных цилиндра, скрепленные снизу и сверху кожаным пояском. Головы у куклы нет, но свидетельства ее половой принадлежности исполнены мастерски, поэтому мужскую куклу обычно запеленывают с ног до пояса в тряпицу.

Лишь ближе к вечеру, когда солнце начало золотить макушки деревьев, в самом дальнем конце деревни послышался стук: заработали резчики.

— Ты что-то совсем забыл обо мне, Сержио,— с напускным недовольством встретил меня Ликаунда.— Или ты уже перестал интересоваться нашими шитани?

Он встал, не заходя в хижину, вытащил лежащую у двери скульптуру и протянул мне. И по ее размерам, и по тому, как напрягся мощный бицепс на руке Ликаунды, я определил, что она весит килограммов сорок, не меньше.

Раньше по неопытности я брал протягиваемую силачами-резчиками скульптуру тоже одной рукой, но удержать ее никогда не мог. В зависимости от обстановки я либо ронял тяжеленный резной кусок мпинго, либо, если он был слишком ажурным и хрупким, падал ради его спасения рядом. Неспособность заезжих посетителей соразмерить размер и вес скульптуры с собственными силами всегда приводит маконде в неописуемый восторг. Они с нарочитой небрежностью и легкостью манипулируют своими трехпудовыми творениями, всякий раз надеясь ввести гостей в заблуждение.

Но сегодня подобной радости ни Ликаунде, ни его коллегам, наблюдающим из соседних хижин, я не доставлю. Широко раздвигаю ноги, беру у мастера скульптуру обеими руками и тотчас же ставлю на землю. Так надежнее! Затем сажусь рядом и начинаю рассматривать толстенный кусок ствола мпинго, весь украшенный барельефами затейливо сплетенных меж собой человеческих тел. Кверху ствол сужается, изображенные на нем тела тянут руки к небу, и над ними, словно стараясь отделиться от деревянного монолита и подняться, улететь, возвышается забавное лупоглазое существо. Это — шитани. Обилие сюжетов и образов, изображенных на его подставке-пьедестале, как бы подчеркивает значимость всей скульптуры, а он — добрый дух — само изящество и легкомыслие...

— Это я вырезал для тебя, Сержио,— обращается ко мне Ликаунда.

— Спасибо,— говорю я, обнимая его.— Такой прекрасной скульптуры у меня никогда еще не было. И тебе не жалко с ней расставаться?

— Каждая скульптура — это мое дитя,— говорит он.— А каждое дитя мы производим на свет, чтобы с ним расстаться. Я рад, что оно попадет в хорошие руки.

Денег за свои шедевры Ликаунда у меня никогда не берет. Помню, в мой первый приезд, после того как я провел у его хижины целую неделю, фотографируя его за работой и вникая во все ее тонкости, он подарил мне свою резную фигурку на память. Мне неловко было брать такой подарок, и я попытался расплатиться с ним. Посмотрев на протянутые бумажки, Ликаунда презрительно сплюнул через плечо и, не сказав ни слова, скрылся у себя в хижине. Два следующих дня он со мной даже не здоровался. Но потом как ни в чем не бывало подозвал к себе, показал начатую без меня работу

и сказал: «Вот что я думаю, Сержио. Деньги убивают настоящую скульптуру. Ради денег я вырезаю то, что их достойно. Это тьфу, а не работа! А для себя и для друзей я оживляю дерево. Конечно, за один такой хороший кусок мне могут заплатить большие деньги. Но тогда у меня появится соблазн делать только такие куски. А это значит смерть для работы, смерть для моей головы. Я не смогу больше оживить мпинго; оно живет один раз — в неповторенной, не похожей ни на что работе. Теперь ты понял?»

На этот раз, направляясь в деревню и зная, что Ликаунда вновь одарит меня, я захватил с собой то, в чем жители миамбо всегда испытывают недостаток и от чего никогда не отказываются: коробку батареек для транзистора и карманный фонарик. Кроме того, я привез дюжину стамесок для работы и какие-то полоски из твердой-твердой стали, которые местные жители сами умудряются превратить в резцы и рашпили нужной им формы.

— Вот это хорошо, со! — принимая от меня «городские дары», проговорил довольный Ликаунда.— Вот это прекрасно! Вот теперь мы заживем.

Он уселся вырезать какую-то новую, явно предназначенную для рынка фигуру. Удар — и блестящая стружка, словно кусочек антрацита, отлетает в сторону. Удар — штрих! Удар! Удар! Вскоре вся площадка вокруг Ликаунды покрывается черными, куда тверже, чем уголь, «осколками» мпинго. Но режет он без вдохновения. Не уходит с головой в работу, не отрешается, как обычно, от мира, а смотрит по сторонам, переговаривается с соседями, так и норовя найти повод, чтобы улизнуть от докучающей ему деревяшки. Наконец он бросает инструмент, сплевывает и обращается ко мне:

— Вот я сидел и думал, со: что есть счастье? В городах говорят, что деньги, женщины... А по мне счастье — в добрых отношениях между людьми, в общении друг с другом. Вот эти добрые отношения и способны дать нам и безопасность, и благополучие, и мысли для работы. Я вчера мало съел и еще меньше выпил. А полон я другим: впечатлениями, воспоминаниями о встречах этой ночью с людьми. Одних я давно не видел, а других и вообще раньше не знал. Вот это и интересно!

Он помолчал, пересыпая из одной руки в другую антрацитовую стружку мпинго. Подозвал карапуза сына, попросив принести ему попить. Потом вновь поиграл стружкой.

— Знаешь, Сержио, что бы я сделал, если бы был большим начальником, как бы я жизнь людям устроил? Деньги по мне — тьфу! Что в городах в магазинах продается — не знаю и не хочу знать, как все это называется,— мне не интересно тоже. Мы вот живем в лесу — что имеем? — а счастливее любого горожанина. Я бы все это отменил: и деньги, и что за них покупают. А в освободившееся время резал бы на-

стоящие скульптуры. Без этого нам нельзя. Резчик был ведь до всего, из его-то творений и возник Человек. Значит, и надо работать так, чтобы из-под твоего резца новое чудо, вроде Человека, родилось. Хочу — месяц, хочу — год, надо непонравившийся кусок бросить — бросил, новый начал. Но чтобы по-настоящему, ни на что не похожее получилось. Как у того нашего предка, что в пещере жил и Женщину изваял. И еще знаешь, на что́ бы я время тратил? Людей узнавал! К соседям ходил бы, в близкие и далекие деревни, разговаривал бы.

Слушая этот неожиданный взрыв откровений Ликаунды, я мысленно сопоставлял его слова с хрестоматийной характеристикой социальной психологии жителей леса в Африке, данной американским этнографом К. Тернбулом. Он делал свои выводы на основании изучения жизни пигмеев Итури. Тернбул писал, что, сводя свои экономические потребности до минимума, обитатели дебрей Итури посвящают бо́льшую часть своего дня общению с людьми: посещению соседних групп, разговорам у семейного очага, играм с детьми, обсуждению проблем, стоящих перед ними как индивидуумами или группой в целом. Остается время и для дискуссий, во время которых не только обсуждаются планы повседневных работ, но и предотвращаются или мирно улаживаются серьезные конфликты, в результате чего люди избегают раздоров. Как замечает этнограф, обитатели леса считают: чтобы жить хорошо, жить в мире с соседом и со своей семьей, необходимо тратить на общение с людьми столько же времени и усилий, сколько и на добывание пищи, строительство жилища и изготовление необходимых материальных предметов. Вряд ли стоит доказывать, какая огромная житейская мудрость заложена в подобном взгляде на бытие.

И еще я подумал о том, что живущие в Восточной и Южной Африке европейцы всегда смотрят на маконде как на некий феномен, «ни на кого не похожий народ» потому, что в этой безлесной части континента всегда сравнивают обитателей миамбо с их соседями — обитателями саванн и полупустынь. Однако если посчитать миамбо за лес, а маконде соответственно за лесных жителей, то и по традициям, и по культуре обитатели мозамбикского севера окажутся не феноменом, а своего рода «типичными представителями» лесной зоны. И их жизненная философия, и культ поклонения предкам, и матримониальные традиции, и распыленный характер расселения, затруднивший возникновение традиционной верховной власти, и изолированность от соседей, и многое другое, что так отличает маконде от окружающих их народов саванн, в то же время отлично вписываются в «цивилизацию леса».

В Восточной Африке маска практически вообще неизвестна, а деревянная скульптура возникла лишь в последнее время как порождение коммерции, в Южной Африке резьба по

дереву тоже не играет заметной роли в традиционной духовной жизни ее жителей. Но на стыке этих районов появился народ, своим искусством маски и резьбы по дереву бросающий вызов таким центрам деревянной скульптуры, как бассейн Конго и Западная Африка. Как такое могло случиться? Вопрос этот задают не только неискушенные туристы, попадающие в Мапуту или Дар-эс-Салам, но и некоторые литераторы и даже ученые, пишущие о маконде или изучающие их культуру в отрыве от общеафриканских реалий. А между тем если взглянуть на маконде именно как на жителей леса, то все становится на свои места. «Люди, распахивающие лес под посевы, являются изумительными скульпторами,— пишет один из крупнейших авторитетов в области африканского искусства, француз Жак Маке.— Именно им больше, нежели любому другому африканскому населению, мы обязаны скульптурами, которые долгое время ошибочно считали фетишами. Они представляют собой абстрактные, но очень живые изображения мужчин и женщин с пропорциями странными, но образующими единое целое, застывших как бы в движении. Если наложить на карту растительных зон Африки карту с обозначением пунктов, где развивалась традиционная скульптура, то полумесяц большого леса в значительной мере совпадет с областью скульптуры, хотя эта область и выйдет за пределы лесной зоны» *.

Утро в миамбо. По земле еще стелется туман, воздух чист и прохладен, ничто не предвещает жары, которая через несколько часов проникнет и сюда, под полог леса. На плоских вершинах брахистегий, которые уже нежатся в лучах восходящего, пока еще ласкового солнца, собираются стайки молодых горлиц, гортанными криками приветствующих зарождающийся день. А под пологом леса еще темно и тихо: женщины уже давно ушли за водой, а остальные обитатели деревни, словно соизмеряя свое поведение с природой, стараются не мешать ее пробуждению.

Но стоило первому снопу солнечного света упасть на землю, заискрить капельки росы, словно лучом прожектора высветить зеленые лужайки, как из хижин тотчас же появились люди и лесная деревня наполнилась звуками их голосов и труда.

«Тук! Тук! Тук!» — доносится стук резца какого-то начавшего работать резчика. «Тук! Тук!» — отвечают ему в другой стороне. И вскоре вся деревня наполняется звуками, подсказывающими: сегодня под пологом миамбо родится не один шедевр.

Я иду к хижине Ликаунды и, как всегда, сажусь в тени куста, что разросся как раз напротив того места, где рабо-

---

* *Маке Ж.* Цивилизации Африки южнее Сахары. М., 1974, с. 55.

тает мастер. Сегодня он отложил в сторону недоделанную на продажу скульптуру, придирчиво разбирает наваленные за его хижиной чурбаки, явно намереваясь приняться за что-то новое.

— Ликаунда, а почему маконде начали резать свои скульптуры из мпинго лишь пятьдесят — шестьдесят лет назад, а раньше отдавали предпочтение мягкому нжале? — спрашиваю я.

Ворочая чурбаки, Ликаунда долго молчит. Потом высвобождает руки и делает характерный для маконде жест: стучит кулаками себе по лбу.

— Мути, мути! — иронически произносит он.— А чем бы мы резали мпинго? Ты знаешь, что это дерево крепче, чем многие из камней? И ведомо ли тебе, что железо, которое давным-давно умели делать макуа и яо или которое продавали нам арабы, даже не оставляет царапины на мпинго?

Ликаунда подходит к своей хижине, берет прислоненное к ней копье и с силой всаживает в белую кору мпинго: наконечник уходит в нее на два-три сантиметра. Затем он вытаскивает копье и с еще большим усилием пытается воткнуть его в черную сердцевину ствола — наконечник ломается пополам, а на дереве действительно не остается ни следа.

— Вот,— говорит он.— Понял? Такое железо, как было у нас раньше, не может осилить это дерево, потому что дерево пересиливает его. Мы взялись за мпинго только тогда, когда мафуташ завезли сюда «чума ча пуа» *. Но и нжале мы не забыли, это очень хорошее дерево для масок. А чтобы ты понял, что такое маска из мпинго, я готов для тебя ее вырезать, и попробуй потанцуй в ней всю ночь.

— Это будет редкая маска, Ликаунда. Пожалуй, ради нее мне стоит потренировать свою голову и шею в ношении тяжестей.

— Голова дана мужчине, чтобы думать. Этим-то я и займусь сейчас. А пока не мешай мне, со,— серьезно проговорил он, вытаскивая из груды бревен приглянувшийся ему чурбак.— Теперь я поговорю с деревом, а не с тобой.

Сколько я ни пытался выяснить, в каком смысле — прямом или переносном — употребляется всеми резчиками маконде фраза «поговорить с деревом», сделать мне это так и не удалось. То ли смысл ее основывается на реальной почве и содержит бесспорное признание того, что форма ствола мпинго, изгибы его ветвей и расположение сучков, удивительное сочетание мягкой белой коры и твердокаменной черной сердцевины, наконец, ее текстура подсказывают настоящему художнику и выбор темы, и отдельные элементы ее решения; то ли фраза эта является отражением ритуального миропонимания обитателей миамбо, убежденных в том, что «жизнь есть вез-

* «Чума ча пуа» *(суахили, киконде)* — сталь.

де» и что прикосновением своего резца они лишь «будят дерево», которое затем само водит их рукой?.. Или, что скорее всего, материалистический и «потусторонний» подход причудливо уживаются в головах этих лесных философов, которые, веруя в легендарные истоки своего виртуозного владения искусством резьбы, в то же время говорят, что для них работа по дереву так же естественна, как появление растения из семени в хорошо удобренной почве...

Дерево, из которого вышла праматерь маконде, все еще свято для них. Правда, направляясь в миамбо, чтобы срубить несколько стволов мпинго, мужчины больше не обращаются за разрешением к колдуну-ому. Но прежде чем вонзить топор в ствол, они обязательно обращаются к лесу с «извинением»: поют тихую песню, в которой обещают остающимся в миамбо деревьям «сделать из их собрата то, чего еще никто никогда не видел». Как правило, резчики выполняют эту клятву. И быть может, в боязни ее нарушить и следует искать ключ к тому, что резчики-маконде, работающие в родной деревне, почти никогда не соглашаются воспроизвести уже ранее созданную ими же скульптуру, а те, кто тиражирует незамысловатые фигурки, предпочитают работать подальше от родных мест, от леса, которому было обещано быть Творцом, а не ремесленником.

Ликаунда долго и придирчиво осматривает свой чурбак, подвергая его подлинному исследованию. Даже дети, глядя на углубившегося в дело отца, притихли и на всякий случай отошли подальше от хижины: побеспокоить Ликаунду в пору творческих исканий — значит заведомо навлечь на себя его гнев. Лицо мастера сосредоточенно, глаза прищурены, на лбу даже появились капельки пота. Именно в этот период «знакомства резчика и дерева» и возникает окончательное решение трактовки задуманного сюжета.

Удар! — Ликаунда начал работать. Пока что это еще чисто механический процесс — удаление коры. Но, значит, замысел уже созрел. Уверенно ударяя молотком по широкой стамеске, резчик обнажает благородную матово-черную древесину. Вокруг распространяется приятный, чуть терпкий аромат, исходящий от свежего мпинго. Удар! Удар! Удар!

Некоторые буржуазные этнографы утверждают, что искусство маконде возникло «на пустом месте», что по времени его возникновение совпало с зарождением авангардистских течений в искусстве Запада, и на этом зыбком основании делают вывод: «абстракционизм органически присущ» XX веку. А между тем искусство маконде на протяжении веков имело глубокие корни и традиции, а «революцию» в нем, причем прежде всего техническую, произвела стамеска из сверхпрочной стали. Она проникла на плато Муэда вслед за проведенной португальцами шоссейной дорогой. Именно тогда сначала в сувенирных лавках португальцев в Бейре и Лоренсу-Марки-

ше, а затем в антикварных магазинах индийцев Дар-эс-Салама появились первые «шитани» из черного дерева. Их рождение было подготовлено многовековой традицией создания скульптур праматери, масок мпика, ритуальных изображений, «учебных» фигурок, резьбой на домашней утвари и, наконец, своеобразием этнопсихологии маконде, которые верят, что «резчик был до всего».

Отоспавшийся Нангонга подходит к нам, отпускает несколько иронических замечаний в адрес Ликаунды, по его словам «уже успевшего испортить такой чудесный кусок мпинго», и усаживается рядом. Шепотом, чтобы не помешать работе, он сетует, что уже не может быть мастером-резчиком: руки дрожат и нет сил бить по дереву-камню.

— А что, Нангонга, неужели каждый мужчина-маконде может быть скульптором? — спрашиваю я.

— Конечно,— уверенно кивает он головой.— Совсем бесталанных людей у нас нет. Мы рождаемся, чтобы вдохнуть в дерево новую жизнь. Но чтобы стать таким хорошим скульптором, как Ликаунда, надо встретить очень доброго шитани и дружить с ним всю жизнь. Тогда шитани во сне будет подсказывать, что и как делать. Мне же, особенно когда я был молодым, все чаще снились джинни. Они наслали на меня порчу. Поэтому я больше говорю, чем работаю.

Маконде переделали в шитани шайтана из мусульманской мифологии арабов. Шайтан — это иблис, черт, дьявол, библейский сатана, в общем персонаж явно отрицательный. Под пологом же миамбо его почему-то превратили в добряка, в этакого ангела, унаследовавшего от шайтана одну-единственную черту — являться во сне к поэтам, с тем чтобы они днем повторили слова, внушенные им ночью. Злые шитани у маконде фигурируют очень редко и в конечном счете всегда оказываются побежденными.

Что же касается «джинни», ведущих свое начало от мусульманских джиннов, иногда, как известно, способных делать добро, то маконде считают их исключительно носителями зла.

Существует четко систематизированная иерархия этих добрых и злых духов, все они имеют свои имена и, по представлениям маконде, свою «сферу влияния», очерченную для них столь же ясно и определенно, как для древних греков — «сферы влияния» эриний, мойр, эхидны, нимф, титанов, циклопов, сторуких, амазонок и так далее. Их названия — Кифули, Нанденга, Кисараве, Укундука, Чипинга, Адинкула, Мбилика, Кибверге — звучат для нашего уха непривычно, но под покровом миамбо их знают все. Стоит только Нангонге задать вопрос о скрывающихся за этими именами духах, как старик будет расписывать их внешность, рассказывать об их привычках, повадках и капризах, словно они его закадычные друзья.

У танзанийских маконде излюбленной темой творчества стало изображение добрых деяний шитани и, главное, их любовных проказ, при которых они ведут себя совсем как люди. На плато Муэда к шитани относятся сдержаннее, а их сексуальными приключениями не интересуются вовсе. Здесь они чаще изображаются в виде лесных духов, нередко принимающих обличье зверей, а то и вообще бестелесных существ. В последнем случае резчик характеризует шитани с помощью всего лишь двух-трех произвольно соединенных частей человеческого тела, имеющих, по его мнению, наиболее важную роль для смыслового выражения сюжета. Как-то, например, один из местных резчиков, Мванжема, принес мне изображение шитани-женщины. Оно представляло собой два огромных глаза, вписанных в контур человеческой головы, причем вместо зрачков резчик изобразил две налитые женские груди, из которых капали слезы. «Что это значит?» — спросил я. «Это добрая шитани Андаука, которая смотрит на пораженные засухой поля и печалится, что не у всех детей будет что поесть в этом году»,— объяснил он тоном, не допускающим возражений.

Если фигура изображается целиком, то пропорции человеческого тела могут изменяться совершенно произвольно. Игнорируя реалии и на первый взгляд мало заботясь об эстетической стороне дела, резчик выпячивает на первый план главное, подчиняя ему все остальное. Так, «мудрые шитани» обязательно обладают огромными головами, а шитани, покровительствующие воинам,— мощными руками, символизирующими их физическую силу. Тело — это всего лишь оболочка, которой всегда заправляет либо ум, либо похоть, либо сила,— поведал мне как-то среди ночи Нангонга.— Зачем же мастеру тратить время на изображение того, что все равно ничего не значит?..»

— Нангонга, а ты знаешь, что будет вырезать Ликаунда? — спрашиваю я.

— Из такого длинного бревна можно вырезать только одно — «древо жизни»,— уверенно говорит старик.— Примерно такое, как он подарил тебе вчера. Ликаунда, как и я, наверное, съел той ночью много мяса и поэтому был неразговорчив. Он ведь не рассказал тебе об этом «древе».

— Ликаунда, напротив, был очень разговорчив,— возражаю я.— Но о «древе» он действительно не рассказал.

— Значит, я, как всегда, прав,— удовлетворенно заключает старик. Он жестом подзывает проходящего мимо мальчишку и велит принести из его хижины подаренную мне скульптуру.

— Ты, когда начнешь рассказывать, говори громче,— вдруг подает голос Ликаунда.— А то вдруг что перепутаешь.

— Это я-то! — притворно-обиженным голосом восклицает старик.— Я даже могу, не подходя к тебе, рассказать, что ты вырезаешь сейчас.

— Уж это все могут,— отмахивается Ликаунда.

— Кроме меня,— вношу я поправку.

— Он вырезает сейчас фигурку матери,— уверенно говорит старик.

— Откуда ты знаешь?

— Так ведь даже Ликаунда признал, что это всем известно. Потому что резчик начинает свою работу над «древом жизни» с изображения матери-прародительницы маконде, которое он помещает в центр всех фигур. Таков закон. А потом уже можно вырезать, что в голову придет.

Вернулся мальчишка со скульптурой.

— Видишь, и здесь в самом центре помещено изображение матери,— разглядывая резную колонну, показал мне старик.— Книзу от нее Ликаунда поместил тех, кто жил до него. Смотри: лица всех людей татуированы, у всех женщин во рту пелеле. Кроме людей в нижней части скульптуры много злых джинни — раньше в лесу, говорят, их было больше, чем сейчас. Люди борются с ними для того, чтобы выжить. Видишь, как сплетены, соединены друг с другом людские тела. Из одного человека как бы вырастает другой, одно поколение дает начало другому, продолжая род маконде. Вот почему такой резной столб называется «древо жизни». Правильно я говорю, Ликаунда?

— Очень правильно. Ты давай продолжай.

— Вот. А над матерью изображены люди, которые окружают нас сейчас. Видишь, лица у них чистые, в руках у многих мотыги и книги. Они не такие сердитые, как были раньше, перестали воевать, но стали больше думать. От прошлого среди них остался один вот этот татуированный старикашка. Видишь, какой он противный? А главное его занятие — это пустые разговоры. Недаром же Ликаунда приделал ему такой длинный язык. Я думаю, это шитани, который по ночам не дает ему спать своими россказнями. Старый злодей!

— Это ты, Нангонга,— как бы невзначай бросил Ликаунда.

Я посмотрел на старика, потом на физиономию на барельефе и хмыкнул: сходство было разительным.

— Не может быть,— расстроенно пробормотал Нангонга.

— Ты просто давно не видел себя в зеркале,— подзадоривал его резчик.— У меня в хижине где-то валяется осколок, иди посмотри.

— Не пойду,— решительно отверг это предложение старик и вновь принялся рассматривать скульптуру. Потом его лицо озарилось улыбкой.

— А эта фигура со злой и каверзной рожицей, что замахивается на всех резцом, наверное, ты, Ликаунда? — спросил он.

— Конечно, Нангонга.

— Ну, тогда я не буду на тебя обижаться. Ты — справедливый человек и великий резчик. Я разглядел на этой скульптуре твою жену, старосту Атеиси, учителя Мпагуа, твоего главного конкурента Мванджему, но самая неприятная физиономия все равно у тебя. Правильно, так оно и есть!

Оба собеседника весело расхохотались. А я, разглядывая «древо жизни» после этого разговора как бы новыми глазами, с совершенно иных позиций, понял, что за кажущимися многим «фантастическими абстракциями» маконде скрывается сама жизнь, из которой они и черпают бесконечные темы для своих удивляющих разнообразием произведений. Как и любое подлинное искусство, резьба маконде не статична. В новых условиях она приобрела выразительный динамизм форм, столь разительно отличающий современное произведение резчиков миамбо от традиционной африканской скульптуры в целом.

И еще я подумал о том, что раньше, в 60-х годах, в появлявшихся в Найроби и Дар-эс-Саламе скульптурах маконде преобладал страх первобытного человека перед неизвестностью бытия, ужас перед таинственными силами природы. Главную цель создания своих резных шедевров они тогда еще видели в том, чтобы проиллюстрировать миф, в дереве материализовать его главных героев. В условиях колониализма весь мир казался маконде враждебным им, и поэтому основной темой их произведений была борьба за выживание человека в окружении злых духов и животных, тема борьбы добра и зла, жизни и смерти. За годы партизанской войны, завоевания свободы и приобщения маконде в Мозамбике к современной жизни их пластика из искусства, пытавшегося зафиксировать потусторонний мир, превратилась ныне в новых условиях в искусство, трактующее мир реальный, стремящееся говорить об этом мире, изменить его. Разве не об этом свидетельствуют попытки Ликаунды использовать в своей работе элементы сатиры или критики в отношении соплеменников?

Преемники великих традиций, ведущие начало от легендарных времен, маконде уже сделали один переворот в африканском искусстве: за последние 40—50 лет жителями миамбо создана новая пластика, не имеющая себе равных у других народов. Это мнение не мое, а общепризнанное, разделяемое мировыми авторитетами и знатоками культуры и традиций народов Африки. Исходя из посылки своей мифологии, что «резчик — творец» и поэтому «может все», что его долг и святая обязанность — «создавать такое, что еще никогда не было», подлинные мастера резьбы у маконде никогда не связывали себя рамками канона, столь сковывавшего всегда традиционное искусство у других африканских народов.

Что было и остается наиболее характерным для этого канонического искусства? Лобовой, фронтальный взгляд художника на собственные творения. Отсюда любая африканская

маска, подавляющее большинство скульптур — это изображение анфас. Маконде смело начали смотреть на своих героев под любым углом, из любой точки и вырезать их в любом ракурсе. Традиционная скульптура всегда была символом, она и создавалась для того, чтобы подчеркнуть наиболее типичное, устоявшееся, незыблемое. В полном соответствии с подобным содержанием образа маска должна была быть статичной. Маконде же внесли элемент сюжета, сиюминутности в содержание своих композиций, что требовало выразительности и динамизма.

Сюжетность привнесла и еще одно новшество. Почти повсеместно африканская скульптура (не говоря уже про маску) — это персонификация индивида, в крайнем случае канонизированное изображение мужчины и женщины. Маконде же проявили себя как подлинные мастера «массовых сцен» в деревянной скульптуре, где все герои находятся во взаимосвязи друг с другом. На смену традиционной монолитности, зачастую тяжеловесности классических образцов африканского искусства, своей массивностью как бы подчеркивавших собственную значимость, из лесов миамбо в африканское искусство вместе со стилем «шитани» неожиданно пришла ажурность и легкость конструкций. И наконец, маконде категорически отказались от применяемой многими африканскими народами раскраски деревянной скульптуры, от использования в декоративных целях шкур и зубов животных, растительного волокна, раковин. Дерево и только дерево, «священное» дерево — единственный материал, который признают маконде. Виртуозно обыгрывая удивительное естественное сочетание белой и черной древесины мпинго, взаимодействие полированных и неполированных поверхностей дерева, его благородную матовую фактуру, игру света и теней, они достигают лаконичной выразительности и динамизма. И в этом — главная отличительная черта новой пластики маконде, смело порвавшей с веками отрабатывавшимися на континенте эстетическими нормами.

Сегодня, на мой взгляд, на плато Муэда назревает еще один переворот в африканском искусстве. На сей раз он коснется не его формы, а содержания. «Расканонизировав» изображения своих духов, дав возможность каждому резчику изображать шитани на пределе его индивидуальной творческой фантазии, маконде сделали первый шаг в этом направлении. Потом они «осовременили» свое «древо жизни» появлением на некогда ритуальном столбе, традиционно изображавшем обитателей «потустороннего мира», не только реально существующих людей, но и таких атрибутов современности, как книга, винтовка, машина. Теперь, смело вкладывая новый смысл в старые темы и формы, маконде революционизируют свое искусство, зачастую наполняя его абсолютно иным, лишенным мистики содержанием.

Изгнанные из-под куста Ликаундой, полностью ушедшим в работу, мы с Нангонгой идем мимо хижин, в которых работают другие деревенские резчики. Главный вывод, который напрашивался после знакомства с их произведениями,— новая жизнь ввела в национальное искусство и нового героя. О нем, о его испытаниях и страданиях, о его борьбе за свободу и независимость рассказывает большинство создаваемых работ. Этот герой — собирательный образ новой, возрождающейся Африки.

Маститый Мванжема резал огромную деревянную колонну «Прошлое страны моей», своего рода эпос в дереве. На ней снизу вверх, по исторической спирали, сменяли друг друга Васко да Гама и короли Мономотапы, португальские конкистадоры и арабские работорговцы, колонизаторы и предатели коллаборационисты. «Всех их ждет суд народный, который я изображу на самом верху ствола»,— объяснил мне Мванжема. Я посмотрел в центр скульптуры. На месте женской фигуры там был вырезан контур матери-родины — Мозамбика.

В хижине Мпунгу мы долго рассматривали приготовленные для отправки в Мапуту деревянные фигурки женщин-партизанок, на голове у которых вместо традиционного кувшина с водой были снаряды, стариков с ружьями, девушек с книгами, солдат с мотыгами. Его сосед — Мтинду осваивал новый для местных мастеров вид резьбы — барельеф на слегка выпуклой доске, с огромным трудом выпиленной из ствола мпинго. На доске крупным планом были изображены счастливые, улыбающиеся люди — представители народов Мозамбика — в своих национальных одеждах. Пульс жизни, ритмы танца угадывались за этими изображениями.

...Быстро пролетело время, настал день отъезда из деревни. До Муэды вместе со мной попросился доехать Мпагуа: у учителя были какие-то дела в райцентре. Несколько раз останавливаясь по пути в селениях, мы в каждом из них видели поглощенных работой резчиков, дивились обилию скульптур, рождающихся под пологом миамбо.

— Я не думаю, что преувеличу, если скажу: за последние годы искусство скульпторов стало главным и самым ярким проявлением духовной жизни моего народа,— как бы размышляя вслух, сказал Мпагуа.— Да и сам резчик по дереву стал одной из центральных фигур деревни, человеком наиболее уважаемым. И это вовсе не оттого, что его труд приносит общине немалый доход. Главное в том, что его глазами, его руками соплеменники получают возможность выразить свое ви́дение мира, рассказать об этом другим. Социальный авторитет настоящих, творчески работающих мастеров сейчас у маконде необычайно высок. Люди начинают понимать, что именно по их искусству судят о маконде во всем мире.

— И проявляется это еще и в том, что впервые за всю многовековую историю африканского искусства резчики у ма-

конде перестали быть безвестными,— поддержал я идею учителя.— Ведь традиционное общество никогда не признавало художника как индивидуума, держало в тайне не то что имена создателей масок, но и сам процесс их создания. Теперь же очень на многих скульптурах резчики вырезают свои инициалы, а то и фамилию целиком. Имена таких виртуозов резца, как танзанийцы Матеи и Чибанго, переселившиеся в Дар-эс-Салам еще в годы колониализма, мозамбикцы Рашид бин Мухамед и Кашимири Матайо, местные резчики Ликаунда и Абери, известны сейчас далеко за пределами их стран.

Мне было интересно выяснить мнение Мпагуа, в чем он, как представитель нарождающейся национальной интеллигенции маконде, видит причины тех очевидных и с каждым годом все усиливающихся различий, которые отличают искусство танзанийских и мозамбикских маконде. Откуда этот взрыв «любовной тематики» резчиков в предместьях Дар-эс-Салама? И почему западные исследователи искусства маконде порою не без основания находят в их творчестве то «реминисценции Босха», то отголоски влияния современного экспрессионизма и натурализма.

— Знаете, для меня ответ на этот вопрос однозначен,— говорит учитель.— Я уверен, что те резчики, которые работают в глубинке танзанийского плато Маконде, режут примерно то же и так же, как на плато Муэда. Здесь, в родной атмосфере, на земле праматери, никто не отваживается создавать те эротические композиции, которые за бешеные деньги продаются в восточноафриканских столицах. Вдали же от родных мест некоторые резчики, освободившись от духовного контроля соплеменников, могут соблазниться заработать на создании скабрезных изображений шитани. Однако ничего общего с традицией маконде, кроме формы, эти скульптуры не имеют. Многие их создатели говорили мне, что «любовная тематика» была подсказана им оптовиками, владельцами крупных магазинов, наживающимися на дискредитации нашего народного искусства. Зачастую резчику подсовывают эскиз, сделанный в Копенгагене или Риме, а его воплощение в мпинго выдают за нечто оригинальное...

Три остановки: Ибо, Алту-Лигонья, Келимане

Из Муэды главная дорога уходит на юг. То покрытая асфальтом и успокаивающая благополучием езды, то вытрясающая из автомобилиста все внутренности гигантскими ухабами и рытвинами, она, сильно петляя, вытягивается более чем на две с половиной тысячи километров и наконец сливается с

сетью столичных улиц. Это дорога от Рувуму до Мапуту, пересекающая всю страну.

Если ограничиться описанием того, что можно увидеть вдоль нее, то это будут уже знакомые читателю сюжеты: монотонное однообразие миамбо, трудно преодолимые топи прибрежных равнин, бесконечные хлопковые плантации Нампулы, порожистые реки, крохотные городишки с жалкими остатками португальских крепостей.

Поэтому предлагаю уклониться от магистрального пути и сделать лишь три остановки в самых интересных точках той огромной территории, которую нам предстоит преодолеть, направляясь в столицу. Это остров Ибо, горняцкий поселок Алту-Лигонья и древний город Келимане. А потом, как раз на полпути в Мапуту, напротив Бейры, мы свернем с шоссе еще раз, чтобы посетить «мозамбикское чудо» — Национальный парк Горонгоза.

Остров Ибо во многом напоминает остров Мозамбик, только лишен его «косметического лоска». Вплоть до начала нынешнего века Ибо тоже был «столичным островом» — центром всего северного Мозамбика, одним из главных портов работорговцев. Когда преуспевающие купцы, скупавшие у местного населения диковинный жемчуг и черепаховый панцирь, оптовые продавцы живого товара, тысячами отгружавшие рабов на корабли, уходящие в сторону Реюньона, Мадагаскара, Маврикия, а также богатые судовладельцы, обслуживавшие этот преступный бизнес, в конце XIX века переселились на материк, вдоль набережной Ибо осталась цепочка заброшенных вилл и особняков. С тех пор их размывает соленая вода, разрушает ветер, осваивает растительность. Увитые лианами, со сплошь заросшими травой крышами, кое-где «проткнутыми» кокосовыми пальмами, со стенами, испорченными подтеками воды и выцветами солей, эти покинутые строения кажутся куда древнее, чем есть в действительности.

Самые старые памятники португальского периода, сохранившиеся на острове,— форт Сан-Жоао-Батиста, возникший в 1791 году, а также его сосед — форт Санта-Антонио, сооружение которого началось примерно полвека спустя. В отличие от всех других португальских крепостей их пушки смотрят не в сторону континента, а в сторону океана. Это потому, что белым на Ибо угрожали в основном не их африканские соседи, а знаменитые пираты, укрывавшиеся на Мадагаскаре и на Коморских островах.

В последние годы своего правления колонизаторы нашли этим давно забытым всеми фортам новое применение: на Ибо была создана центральная тюрьма ПИДЕ в Мозамбике. В казематы фортов бросали всех руководителей ФРЕЛИМО, которые попадали в руки салазаровцев. Борцов за свободу подвергали самым изощренным пыткам — светом, звуком, электричеством. Здесь погибли лучшие люди Мозамбика. Почти

каждую ночь палачи закапывали в коллективные могилы по 10—15 человек. «На этом острове земля пропитана кровью»,— говорят жители Ибо.

Местные жители относят себя к племени мвани и говорят на языке, одинаково близком как к суахили, так и к макуа. Они строят большие квадратные дома из известняка под крышей из листьев кокосовой пальмы, интенсивно занимаются огородничеством и садоводством, выращивают табак и слывут единственными в Мозамбике производителями кофе.

Этот небольшой остров, размером всего лишь в 40 квадратных километров, густо заселен. Здесь живет более 6 тысяч человек. Практически повсюду, где земля родит, она обрабатывается. Узкие улицы стиснуты заборами из мангровых жердей. И за каждым забором ключом бьет жизнь, идет работа: заготавливают копру, сушат кофе, толкут перец, теребят пальмовое волокно, скручивают в жгуты табачный лист, вялят рыбу, разделывают осьминогов, колют ракушки.

Только на этом крохотном островке сохранилась до наших дней традиция изготовления серебряных украшений, широко распространенная раньше по всему суахилийскому побережью. Превращая в проволоку австрийские талеры времен Марии-Терезии, некогда имевшие широкое хождение в этом районе, мване сплетают ее в удивительные по красоте и изяществу ожерелья, браслеты, серьги, а расплющив кусочки белого металла в пластины-ромбики и соединив их друг с другом все той же серебряной проволокой, они делают колье, украшая их жемчугом и драгоценным черным кораллом.

В редкие здесь неудушливые вечера все, кто не занят, собираются под огромным деревом манго послушать соревнование местных говорунов-спорщиков. По традиции, перенятой скорее всего у макуа, каждому участвующему в этой игре оратору, который должен аргументированно и, главное, остроумно опровергнуть слова своего предшественника, помогает музыкант-флейтист. В его обязанности входит заполнять музыкальными фразами паузы в выступлении говорящего, усиливать выразительность его речи соответствующим аккомпанементом и, главное, в конце выступления извлекать из флейты звуки наподобие раскатов грома, побуждающие присутствующих к бурным аплодисментам. Без знания языка трудно, конечно, вынести суждение об этой забаве островитян, но наблюдать за ними во время необычного соревнования мне было очень любопытно.

Еще одно излюбленное занятие мужского населения острова — азартная ловля под луной крабов-оциподов, которые с невероятной быстротой носятся по песку, а при малейшей опасности либо скрываются в нору, либо спасаются в набежавшей океанской волне. Никакого проку от оциподов нет. Их ловля — это чистый спорт, стадионом для которого служат белоснежные пляжи.

Островок Ибо — это детище Мозамбикского течения, огромной и теплой океанической реки. Нагретые экваториальным солнцем воды этого течения, «промывая» от выносов рек прибрежную зону океана, создают прекрасные условия для роста мадрепор и строительства ими коралловых островков. Непрерывной цепью тянутся эти островки вдоль всего мозамбикского побережья, группируются в архипелаги и исчезают у самого Мапуту, напротив которого расположен остров Иньяка — самый южный атолл побережья Восточной Африки. Дальше к югу кораллы не растут: близость Антарктиды иногда приводит к понижению там температуры воды до 20 градусов, что мадрепоры перенести не могут. Поэтому-то белые южноафриканцы, не имеющие у своего побережья ни одного кораллового островка, так любили отдыхать в Мозамбике...

Следующая «интересная точка» нашего путешествия — Алту-Лигонья. В этом поселке, затерявшемся как раз на полпути между городом Нампула и покрытой изумрудными чайными плантациями горой Намули, идет подготовка к добыче металлов XXI века.

Алту-Лигонья расположена в центре одного из самых больших в мире пегматитовых полей. Во времена весьма отдаленные даже по геологическим понятиям в этом районе возникло нечто вроде вулкана, но извержения его не произошло, магма разлилась вширь под землей. В этих специфических условиях на довольно ограниченной площади образовалась концентрация минералов, содержащих такие легколетучие компоненты, как вода, фтор, хлор, бром, что сыграло существенную роль в понижении вязкости расплава и обеспечило большую свободу роста крупных кристаллов, особенно кварца, полевого шпата, слюды. Одновременно в сотни, в тысячи раз по сравнению с соответствующими материнскими породами, возникшими в обычных условиях, в жильных породах Алту-Лигоньи возросла концентрация редких и рассеянных элементов — лития, цезия, бериллия, ниобия, тантала, циркония. Именно это в значительной степени способствовало образованию здесь множества драгоценных камней.

— А вы знаете, когда строили дорогу, по которой вы к нам приехали, то она прошла через россыпи бериллов и турмалинов, а кристаллы топазов и сподуменов до сих пор блестят в пыли вдоль ее обочины — таковы были чуть ли не первые слова, которыми встретил меня технический директор местных приисков Жоао Карлос Лопеш.— Конечно, в массе своей это «неудавшиеся» драгоценности, не представляющие никакого интереса для ювелиров. Но химический состав их сходен с драгоценными камнями. А кристаллы-то, кристаллы какой величины! — восклицал он, обводя широким жестом свой кабинет, заваленный геологическими уникумами.— Подлинные мировые чемпионы! Да и по добыче кое-каких редких метал-

лов мы благодаря Алту-Лигонье находимся среди мировых рекордсменов. По производству бериллиевых концентратов, например, в иные годы уступаем лишь Бразилии, а по тантало-ниобиевым — лишь Нигерии и Норвегии.

Экспансивный и подвижный, Лопеш вскакивает из-за письменного стола и подбегает к одному из стеллажей своего кабинета.

— Вот, посмотрите на этот невзрачный с виду бурый зернистый «песочек» или на эти грязно-серые цилиндрические кристаллы. Казалось бы, что́ на них обращать внимание, когда под ногами валяются смарагды? А тем не менее «песочек» этот куда дороже. Это — монацит, главное сырье для получения тория. А что такое торий? Недаром же он получил свое название по имени Тора — бога грома в скандинавской мифологии. Сегодня торий применяется всюду, где раздается гром и рев реактивной авиации и ракет. Его единственный окисел плавится при температуре 3200 градусов и обладает к тому же высокой химической устойчивостью. Электронные, магнетронные и мощные генераторные лампы обязаны своим появлением вот этому монациту. И наконец, ториевые реакторы, в которых из тория можно осуществлять расширенное воспроизводство урана.

Из этого же монацита можно извлекать целый ряд редкоземельных элементов семейства лантаноидов,— продолжает Лопеш.— Об этом уже давно проведали японцы, которые буквально грабят нашу страну: за бесценок скупают монацитовые пески, а у себя извлекают из них такие дорогостоящие и дефицитные лантаноиды, как европий, церий, прометий, празеодим. Мало кто даже знает о существовании этих «редких земель». Но лантаноиды входят в состав кристаллов для лазеров. Их сплавы необходимы счетно-вычислительной технике и микроэлектронике. В атомной технике европий используют для защиты от излучений и управления работой реакторов. Можно было бы привести еще множество примеров тому, как ценно это сырье. Но и сказанного достаточно. А платят японцы Мозамбику за его драгоценное сырье почти в 100 раз дешевле, чем стоят те лантаноиды, которые они извлекают из монацитов Алту-Лигоньи.

Мы садимся в машину и по дороге, вымощенной «неудавшимися драгоценностями», направляемся к приискам. Кругом чахлая растительность, покрытая пылью, поднимаемой снующими взад и вперед самосвалами, обслуживающими разработки. Но не из-за них, конечно, не растут в этом краю деревья. Граница распространения пегматитовых полей — это и граница биохимической провинции, характеризующейся естественной повышенной радиоактивностью, избыточным содержанием ряда химических элементов в почве, угнетающих флору. Порою это очень помогает геологам. Полное отсутствие растительности, например,— это явный признак распро-

странения ультраосновных пород, с которыми связаны жильные тела пегматитов.

Жить здесь тяжело: недаром же стороной обходят Алту-Лигонью все животные. Не приживается в этих местах и домашний скот. Выращенные вокруг поселка овощи и фрукты лишены многих жизненно важных для человека компонентов. Бериллиевый рахит, не излечиваемый витамином Д,— удел почти всех местных детей. Не удивительно поэтому, что Алту-Лигонья издревле пользовалась дурной славой среди африканцев. Многие сторонились этих мест, из-за суеверного страха отказывались заниматься земляными работами в районе распространения пегматитов. «Эта земля служит пристанищем небесного огня»,— говорили они.

Еще не доехав до разработок, я понял подоплеку суеверного страха. Пошел дождь, и молнии, словно сговорившись, начали «обстреливать» сравнительно небольшую территорию, находившуюся вокруг нас. Это было жутковато и необычно: после каждого по-тропически мощного раската грома то слева, то справа от нас в землю вонзались огненные зигзаги, и вслед за тем в буше вспыхивал пожар, который тотчас же гасил ливень. «И так всегда,— пояснил Лопеш.— Очевидно, существуют какие-то силы, притягивающие молнии к Алту-Лигонье».

Но не только суеверный страх останавливал местных жителей от работы на приисках. Металлы будущего добывались в колониальные времена допотопными методами. Лопата и кирка считались здесь уже механизацией. Заправлявшая в Алту-Лигонье «Сосиедади комерсиал урано-африкана» — внучатая компания «Компаниа ди Мозамбики», грабительски разбазаривая уникальные богатства пегматитовых полей и наживая на этом огромные доходы, платила своим рабочим... два доллара в месяц.

— После того как здесь была создана полугосударственная компания «Эмпреза минейра ду Алту-Лигонья», мы начали с того, что ввели механизацию разработки пегматитов и сортировки минералов,— объяснил Лопеш, когда мы наконец достигли места, где производились работы.— Разработки повсеместно ведутся открытым способом, мы уже вскрыли 35 пегматитовых жил, из которых семь разрабатываются.

— Мы планируем работу по освоению пегматитов не на один день, а на перспективу,—включается в разговор подошедший к нам Антонио Франсишку, администратор компании.— Количество рабочих-мужчин будет здесь увеличиваться с каждым годом, поэтому надо создать им условия для обзаведения семьями. Чтобы жены не сидели сложа руки, в проекте у нас создание кооператива. В округе много старых, заброшенных карьеров, выработок, пригодных для создания прудов. Несколько из них мы уже заполнили водой и скоро займемся рыболовством. Рыба, особенно телапия и бас, за год

нагуливает два-три килограмма, так что рыболовство станет нам неплохой помощью в борьбе с протеиновым голоданием среди местного населения.

— Такова программа-минимум,— говорит администратор.— Что же касается программы-максимум, то со временем сюда необходимо протянуть из «Каора-Бассы» линию электропередачи, провести современную дорогу, построить обогатительные предприятия и начать комплексное освоение этих уникальных богатств, самим обогащать концентраты и извлекать редкие металлы. Тогда об Алту-Лигонье узнают во всем мире...

Третья наша остановка — в древнем городе Келимане. Как и все старые города, созданные португальцами в континентальной части Мозамбика еще в первые годы конкисты, Келимане поражает полным отсутствием памятников старины. Как будто не был этот порт главным перевалочным пунктом всех товаров, следовавших по Замбези, не слыл крупнейшим экспортером слоновой кости в Африке и одним из центров работорговли... Как будто не бывали здесь Васко да Гама, Ласерда, Ливингстон и многие другие, имеющие право претендовать если не на памятник, то хотя бы на мемориальную доску на доме, выросшем на месте прежнего, в котором они останавливались.

Нашествие ангони и упадок, сопутствовавший работорговле, низвели Келимане до состояния приморской деревеньки. Запустение этого города настолько поразило одного английского путешественника, побывавшего в нем спустя 400 лет после первых португальцев, что он назвал его «самым ужасным местом на свете».

Но после того как португальцы открыли богатые земледельческие районы Замбезии для иностранного капитала, Келимане, словно феникс, начал воскресать из пепла истории. Город стал штаб-квартирой концессионной «Компаниа да Замбезия», превратившей заливные земли дельты великой африканской реки в нескончаемые плантации сахарного тростника. Огромные площади были перепаханы под рис и сизаль. Порт Келимане вновь ожил, но скорее не как океанский, а как речной, принимающий и перерабатывающий продукцию, выращенную руками африканских рабов XX века. Васко-дагамовская «река Добрых Предзнаменований» — протока Кваква превратилась в наиболее оживленную водную артерию страны. А сам Келимане, питаемый иностранным капиталом, трудом, потом и кровью африканских крестьян, вырос в город со стотысячным населением, четвертый по значению населенный пункт страны.

Мозамбикцы говорят, что Келимане не оставляет к себе равнодушным, что его «можно либо любить, либо не любить». И еще говорят, что это самый влажный и душный из крупных городов Мозамбика, где сочетание океана и гигантской боло-

тистой дельты реки создает всего лишь два сезона: «очень влажный» и «невозможно влажный».

Что касается меня, то я люблю город Келимане с его заросшими буйной тропической растительностью улицами, с шумным и суетливым портом, пропитанным одновременно запахами океана и реки, с зелеными, врывающимися прямо в современные кварталы пригородами, где властвует одна царица — кокосовая пальма. Кстати сказать, скорее всего именно здесь и родилось название этого величественного представителя экваториальной флоры. Слово «кокос» пошло от португальского «coco» — сокращения от «macaco» — обезьяна, поскольку моряки Васко да Гамы, сойдя на берег Кваквы, узрели какое-то сходство ореха пальмы с обезьяньей мордой.

Даже огромные плантации сахарного тростника и риса отступают на второй план перед засильем кокоса на приокеанской полосе Замбезии. Здесь сосредоточены самые большие на нашей планете плантации этой пальмы: более 20 миллионов деревьев. Если учесть, что в год каждое из них дает минимум около пятидесяти орехов весом до двух килограммов каждый, то получаются внушительные цифры: 1 миллиард орехов, 2 миллиона тонн «ореховой массы» ежегодно. В культурном ландшафте вокруг Келимане доминируют пирамиды орехов, груды отходов «кокосового производства», возникающие после того, как из собранных плодов извлекают наиболее ценный продукт — копру, маслянистое ядро ореха. По экспорту копры Мозамбик долгое время занимал первое место в Африке и одно из ведущих в мире. Не удивительно поэтому, что Келимане, уже завоевавший звание «кокосовой столицы» Мозамбика, имеет основание претендовать на аналогичный титул в мировом масштабе.

Кокосовые орехи — это первый вид продукции, с производства и продажи которой в Мозамбике началось приобщение африканцев к товарной экономике. До независимости принадлежащие африканцам кокосовые пальмы составляли около 30—35 процентов всех плодоносящих деревьев, а число крестьян, занимавшихся их выращиванием, приближалось к четверти миллиона человек. И еще 10—15 процентов деревьев были «собственностью» португальских фермеров. Остальные плантации монополизировала в своих руках «большая тройка» — «Компаниа ду Борор», «Сосиедади агрикола ду Мадал» и «Компаниа да Замбезия». Наряду с португальским видное участие в деятельности этих «кокосовых гигантов» принимал иностранный капитал. Так, в «Борор», обладавшей почти 4 миллионами плодоносящих пальм, заправляли «кондитерские» и «мыловаренные» короли Марселя, а в «Мадал», созданной английским капиталом, контрольный пакет акций принадлежал князю Монако, Майклу Терещенко — потомку «сахарных» королей Украины, и А. Гучкову — внуку крупного

русского капиталиста, военного министра Временного правительства и одного из организаторов корниловщины.

За грязные сделки и попытки утаить доходы от государства «Бороp» была поставлена под государственный контроль.

Узнать о том, как идут дела на самой большой в мире национализированной кокосовой плантации, было очень интересно. И поэтому, оказавшись в Келимане, я поехал в штаб-квартиру «Борор», расположенную среди «островов» дельты Замбези.

В кабинете бывшего директора компании я встретил своего давнего друга Луиша Сулила. Родился он в 1945 году в Ньясе, с 1965 года сражался в партизанских отрядах, был членом ЦК и Исполкома ФРЕЛИМО. И вот теперь партия послала его сюда, на один из главных для страны участков борьбы на экономическом фронте; он был назначен административным комиссаром «Борор».

— Знаешь, на фронте было легче,— улыбаясь, говорит он.— Хотя бы уже потому, что там под моим командованием находилось 150—200 человек. А здесь целая армия — 30 тысяч рабочих. Делится эта армия на два отряда: «кольедореш» и «дескаскадореш».

«Кольедореш» — это те, кто по ступенькам, вырубленным в тонком стволе пальмы, редко превышающем в диаметре 35 сантиметров да еще раскачивающемся на ветру, залезает на самую макушку дерева и огромным кривым ножом срезает созревшие орехи. Дневная норма — 600 штук. Обычно с одной пальмы в день можно срезать два-три спелых плода. А это значит, что в день «кольедору» приходится облазить 200—300 деревьев, преодолеть по их стволам четыре-пять километров подъема под углом в 90 градусов к поверхности земли... Затем надо собрать все срезанные орехи, связать их по пять штук и снести к дороге. Там их подберут на прицеп, волочащийся за трактором.

«Дескаскадореш» — это те, кто раскалывает кокос, ударяя орех о торчащий из земли металлический кол. Одновременно они снимают с них волокнистую оболочку — койру. Дневная норма «дескаскадора» — 2000 орехов. Заветная мечта каждого из них — найти орех с погибшим плодом. Дело в том, что вокруг такого плода иногда откладываются твердые слои извести, которая выпадает из богатой углекислотой жидкости, находящейся внутри ореха. Тогда рабочий, зарабатывающий в день полтора доллара, делается обладателем редкостного «кокосового жемчуга». А он ценится не дешевле, чем тот, что создают моллюски...

Тяжелая, изнурительная работа, адский труд — лазать по раскачивающимся на ветру пальмам или вручную колотить твердокаменные орехи. В дневное время, когда струи пота катятся по телу даже у ничего не делающего, 600 орехов не со-

берешь и 2000 не расколешь. Поэтому рабочий день «кольедореш» и «дескаскадореш» начинается в 4 часа ночи и заканчивается к 11 утра. Кроме того, в неимоверно жаркие ноябрь — декабрь плантации замирают вообще, занятые на них рабочие получают нечто вроде отпуска без сохранения содержания.

Далее Сулила рассказал, что одна из главных проблем, стоящих ныне перед «Борор»,— омоложение плантаций. Пальма плодоносит максимум до 90 лет, а возраст большинства деревьев — за 70, что уже начинает сказываться на урожаях. Поэтому надо разбивать питомники для выращивания саженцев, выкорчевывать старые деревья, сажать молодые.

— В общем, работы хватит,— подытоживает Сулила.— Кокосовая пальма ведь очень благодарное дерево, ее недаром называют «самым великим кормильцем человека в тропиках». Главное лишь умело, по-хозяйски наладить дело, комплексно использовать все то обилие продуктов и материалов, которое она дает. И тогда жизнь под пальмами действительно станет безбедной и счастливой...

«Гиены» из парка Горонгоза

Обычно по всем национальным паркам Африки я ездил либо один, либо, если хотел, с проводником. Но на этот раз, когда я вместе с известным столичным зоологом Антониу Кабралом собрался отправиться в крупнейший заповедник Мозамбика Горонгоза на поиски редкостных черных антилоп палапала, в машину сели еще два человека в маскировочной форме солдат народных вооруженных сил. Устроившись на заднем сиденье, они осведомились: «Можно ли ехать?», дали соответствующие указания шоферу и, высунув в открытые окна дула автоматов, закурили.

— Что, слоны в Горонгозе стали агрессивными? — осведомился я.

— Если бы дело было только в слонах! — ответил зоолог, явно воздерживаясь вдаваться в подробности.

У выхода из гостиничного кемпинга «Читенго» дорогу перегородил военный вездеход. Наши солдаты перекинулись о чем-то парой фраз с выглянувшим из его кабины офицером, и вездеход покатил перед нами. Дождей уже не было несколько месяцев, и туча пыли, поднимаемая колесами машины, тотчас же скрыла все, что можно было бы увидеть впереди. Кроме того, у вездехода что-то отчаянно скрипело и лязгало. Судя по бешеному галопу улепетывавших от нас зебр, едва различимых в боковое стекло, никаких надежд на встречу с пугливыми палапала и быть не могло. Время от времени вез-

деход останавливался, ехавшие в нем солдаты что-то осматривали вокруг, затем мы трогались снова.

— Может быть, мы поедем побыстрее? — наконец не выдержал я.

— Нет, это опасно,— уклончиво ответил зоолог.

Обернувшись, я вопросительно посмотрел на солдат.

— Камарада, идущий впереди вездеход оборудован миноискателем,— немного помолчав, сказал один из них.— На нем едут опытные специалисты. Здесь, к сожалению, уже не раз бывали случаи, когда машины с путешествующими в одиночку взлетали на воздух... «Гиены»...

— Гиены? — удивленно переспросил я.

— Так местное население называет бандитов, окопавшихся в горном районе парка.

— Но почему же «гиены»?

— Такое презрительное прозвище им дали потому, что они, подобно трусливым падальщикам-гиенам, всегда избегают открытого боя, избирая себе жертвами слабых: мирных жителей деревень, женщин, детей, а то и больных. Излюбленные ими объекты налетов — госпитали, больницы и родильные дома. Подлинные «гиены»...

С проявлениями преступной деятельности «гиен» мы уже не раз сталкивались, путешествуя по Мозамбику. Вспомните арест диверсантов в Мутараре, саботаж в Моатизе, взорванные мосты по дороге в Ньясу, шабаш оборотней, нарядившихся в форму солдат народной армии на хлопковых плантациях в Намикунде, трудности, чинимые ими вывозу продовольствия из северных провинций, собравших хорошие урожаи, в голодающие города юга. В свое главное логово бандиты превратили труднодоступные, изобилующие пещерами горы Горонгоза, а главным объектом своих преступных акций избрали расположенную рядом Бейру и сгусток расходящихся от нее коммуникаций. Орудуя, таким образом, в самом центре страны, «гиены» стремились как бы расколоть ее на две части, затруднить связь богатого сельскохозяйственного Севера с городским населением Юга, подорвать экономику Мозамбика, а заодно и соседних независимых стран, в первую очередь Зимбабве, пользующейся портом Бейра и идущими от него в глубь континента дорогами. Так что подорваться на мине в Горонгозе у нас определенный шанс имелся. Конечно, сопровождавший нас вездеход со специалистами внушал определенное успокоение, однако своим шумом он отпугивал животных. Немного посовещавшись, мы все же нашли выход из положения, разработав такую тактику: вездеход вырывается вперед, мы поотстанем, а когда уляжется пыль и позабудется пугающий зверей шум, двинемся точно по накатанной колее.

Так мы и проколесили по парку весь день. Тех пятнадцати — двадцати минут, которые отделяли наш проезд от вездехода, было достаточно для того, чтобы на дорогу, например,

возвратились гревшиеся на ней ранее ярко-красные лягушки. Их были тысячи, десятки тысяч. Алыми брызгами они вырывались чуть ли не из-под наших колес. Почти прямо у обочины стали появляться антилопы-гну и шпагорогие ориксы, задумчиво пощипывавшие траву. За поворотом мы чуть было не наскочили на носорога, упрямо стоявшего поперек дороги. Пришлось довольно долго ждать, пока он освободит нам оставленную вездеходом колею.

Солнце еще не дошло до зенита, когда мы, переправившись через реку Сунгуе, встретили стадо черных палапала. Их было немного — вожак, пять самок и с десяток телят, но, как уверял Кабрал, и это было удачей. Рассчитывать на большее здесь он не советовал: вся простиравшаяся впереди зеленая равнина, насколько хватало глаз, была заполнена гигантским стадом буйволов.

— Здесь самое большое скопление буйволов в Африке,— не без профессиональной гордости говорил зоолог.— Обычно их собирается в этих местах тысяч двадцать пять — тридцать. Кстати, в осенние месяцы Горонгоза дарит своим посетителям еще одно интересное зрелище: на реке Урема собираются вместе сотни бегемотов. Если хотите посмотреть, то можно туда проехать, это недалеко отсюда.

Конечно же я хотел. Нагнав вездеход, мы было начали договариваться о новом маршруте, но командир миноискателей, отрицательно покачав головой, бросил однозначно: «Нельзя». Затем, выбравшись из кабины, представился:

— Кошта Мбалале.— И неожиданно по-русски: — Рад видеть здесь советского товарища. Учился у вас... Думал, что с уходом португальских колонизаторов война окончится. Так нет же, появились эти «гиены». Из-за них в парке неспокойно, причем не только людям, но и зверям. Берег Уремы, куда вы хотите ехать, они превратили в место постоянных заготовок мяса: ведь бегемотина, особенно молодая, мало чем отличается от свинины. На прошлой неделе устроили там настоящую бойню. Извините, но ехать туда не разрешаю.

В такой ситуации с военными не спорят. К вечеру мы без всяких неприятностей добрались до кемпинга и, распрощавшись с Мбалале и его солдатами, пошли к гостинице.

— У нас завтра с утра охота на «гиен» в западной части парка,— крикнул мне Мбалале, вскакивая на подножку своего вездехода.— Так что остаетесь одни. Желаю спокойной ночи...

Но уже с вечера начались беспокойства. Едва кончился ужин, как в кемпинге погас свет. В кромешной тьме тропической ночи я вышел из комнаты в надежде достать свечу у слуги, когда грохот близкого взрыва потряс все вокруг. И сразу же стало светло: вспыхнуло хранилище нефтепродуктов, заготовленных для электродвижка и автомашин. Кто-то испуганно звал на помощь, кто-то плакал навзрыд.

Звуки голосов оборвала короткая автоматная очередь. Затем выстрелы послышались в ресторане, в домике администрации. В ярком пламени — это загорелись тростниковые крыши бунгало для туристов — было видно, как какие-то оборванные типы с автоматами наперевес вытащили из гостиницы сейф и с трудом впихнули его в подкативший к ним на полном ходу «лендровер». Затем туда же полетели ящики с пивом и виски, какая-то снедь, сорванные со столов скатерти. Вновь автоматная очередь — и «лендровер», погасив фары, рванулся назад. Все кругом стихло...

Я подошел к окну. Прямо напротив, на полу открытой террасы «Читенго», бездыханно лежали старик официант с простреленной головой, а чуть поодаль — его внучка, четырнадцатилетняя Розалинда. «Гиены» пригвоздили девочку к полу штыком. В руке она еще сжимала букетик скромных цветов саванны. Их по давней традиции Горонгозы ставят к утреннему столу. Но утро для нее не настало...

С тех пор прошли годы, но в звериных повадках «гиен» мало что изменилось. Разве что название появилось официальное: Мозамбикское национальное сопротивление (МНС). В нем все от начала до конца фальшиво: движение это не «национальное» и не «мозамбикское», а инспирированное извне. И деятельность его — это не сопротивление, а террор против народа.

Кто же направлял и оплачивал террористов из МНС? Откуда ведут начало их банды? Перелистывая свой старый блокнот, датированный еще 1974 годом, заполненный заметками о первом визите в Бейру, я натолкнулся на запись беседы с Ф. Силвой, одним из тогдашних редакторов выходившей в этом городе газеты «Нотисиаш да Бейра». Характеризуя тогдашнюю Бейру как «оплот мозамбикской реакции», как «средоточие интересов иностранного капитала, орудующего не только в Мозамбике, но и в Родезии и ЮАР», он упомянул о том, что отнюдь не случайно именно в этом городе свил свое гнездо Жоржи Жардим...

— Фигурально говоря, «гнездо» находилось как раз здесь, в редакции,— вставил я.

— Да, да,— улыбнулся мой собеседник.— Газета «Нотисиаш да Бейра» была личной собственностью Жардима. С ее помощью он обрабатывал общественное мнение жителей не только этого города, но и провинций Маника, Софала и Замбезия, которые считал своей вотчиной.

— Вообще о Жардиме так много говорят в Бейре — большинство с нескрываемой ненавистью и презрением, а кое-кто еще и со страхом,— что мне хотелось бы услышать о нем поподробнее,— попросил я,— тем более что кабинет, в котором мы сидим, долгое время служил Жоржи и, как я вижу, носит следы его вкусов.

— Кое-что еще осталось,— соглашается Ф. Силва, обводя

взглядом стены огромной комнаты, где еще продолжали красоваться «реликвии» колониальных времен.— Но предмет особой гордости бывшего владельца этих апартаментов мы уже приготовили выбросить на свалку истории.

Мой собеседник встает из-за стола, подходит к стоящей лицом к стене картине в помпезной золоченой раме и не без труда поворачивает ее ко мне.

— Вот, полюбуйтесь. Его фашистское величество Антониу ди Оливейра Салазар собственной персоной. И его трогательный автограф: «Любимому крестнику Жоржи от любящего крестного...»

— В этом салазаровском презенте, пожалуй, содержится наиболее исчерпывающий ответ на мой вопрос о Жардиме.

— Конечно, все остальное лишь следствие,— соглашается Ф. Силва.— В Мозамбике Жоржи появился как «наместник Салазара», причем более всесильный, чем сидевшие в Лоренсу-Маркише португальские губернаторы и генералы. Без него в столице не решалось ни одно крупное дело. Так он стал «некоронованным королем» португальского Мозамбика, «серым кардиналом» Салазара при колониальных правителях Лоренсу-Маркиша.

Доходы Жардима исчислялись десятками миллионов долларов, влияние его в высших эшелонах колониальной власти было таково, что в середине 60-х годов он стал открыто носиться с мыслью о создании «собственного государства» на севере Мозамбика, между реками Замбези и Рувума. Жоржи даже придумал для этого «государства» название — Ромбезия.

Однако междуречье Рувумы и Замбези — это именно те районы, где зародилось освободительное движение ФРЕЛИМО и где начала утверждаться народная власть. Жоржи отлично понимал, какую угрозу несет для него крах колониальной системы. Поэтому в противовес ФРЕЛИМО он создал собственную организацию — марионеточный «Национальный африканский союз Ромбезии» (УНАР). Командные посты в нем заняли агенты салазаровской тайной политической полиции — ПИДЕ. Вскоре не без их помощи, а также при поддержке Центральной разведывательной организации (ЦРО) Солсбери, где были жизненно заинтересованы в том, чтобы Бейра осталась вотчиной Жардима, а следовательно, и родезийцев, появилось «военное крыло» УНАР. В него вербовали деклассированное отребье, уголовников, дезертиров, осуществлявших террористические операции против ФРЕЛИМО.

Незадолго до провозглашения независимости Мозамбика Жардим и его ближайшие подручные И. Фернандеш и О. Криштина, числившиеся агентами ПИДЕ, исчезли из Бейры. Вместе с ними исчезла и вся документация «личной армии» Жардима, а также сотрудничавших с нею карательных отрядов ПИДЕ — «Флешаш» и ГЕПС. Куда? Конечно, в Солс-

бери. Там, под крылышком у расистов, Ж. Жардим разработал вместе с шефом ЦРО К. Флауэром новые планы борьбы против патриотов, причем на сей раз не только в Мозамбике, но и в Родезии. Идея Жардима сводилась к тому, чтобы помочь режиму Я. Смита разгромить национально-освободительное движение Зимбабве, а уж затем с родезийского плацдарма обрушиться на ФРЕЛИМО.

Именно в этих целях и была создана организация, известная с тех пор под названием МНС. Штабом террористов сделался небольшой особняк на Бейкер-роуд в Солсбери, где помещалась резиденция К. Флауэра. Именно сюда стекались вызванные письмами недобитые агенты ПИДЕ и каратели «Флешаш», дезертиры из партизанских отрядов и сынки раскулаченных народной властью богатеев, избежавшие кары спекулянты, воры и взяточники. На Бейкер-роуд они проходили «испытание на благонадежность» у шефа ЦРО, а затем отправлялись в специальный лагерь для подготовки террористов и диверсантов. Как явствует из книги бывшего агента юаровской разведки Г. Уинтера «Внутри БОСС» *, свою руку к сколачиванию МНС с первых же дней его существования приложила и ЮАР.

Дело оставалось за небольшим — найти бандитам главаря, «африканского вождя». Ж. Жардиму и К. Флауэру нужен был подставной «главнокомандующий» МНС, который бы придал движению «национальный» характер, послужил ширмой для их черных дел. Так их выбор пал на Андре Матсангаи, в прошлом интенданта мозамбикской армии, пойманного с поличным на том, что запустил руку в казенную казну. Арестованный был направлен в центр перевоспитания. Однако в 1976 году ему удалось бежать оттуда в Родезию.

Тщетно надеясь найти себе опору среди населения, Матсангаи заключил союз с местными племенными вождями и «фейтисейрош» — прорицателями. Первым он обещал вернуть привилегии, которыми те пользовались при колониальном режиме, вторым — закрыть организованные народной властью больницы и школы, тем самым избавив колдунов от «конкурентов».

Поначалу новоявленные союзники исправно снабжали МНС необходимой информацией. Узнавая от них о передвижении войск ФРЕЛИМО, о планах властей, а то и попросту о том, что в соседний «ложу ду пову» завезли мешки с мукой (явный сигнал к тому, чтобы совершить грабительский налет на магазин), Матсангаи устраивал пышные ритуальные представления. На глазах у своих подчиненных он взывал к духам, приписывая себе способность общения со сверхъестественными силами, якобы «сообщающими ему важные новости».

---

* БОСС — тогдашнее название контрразведки ЮАР.

Подобные приемы долгое время служили Матсангаи главным источником авторитета среди рядовых членов МНС.

Однако вскоре отношения Матсангаи с местной «знатью» испортились. «Гиены» грабили крестьян, разоряли принадлежавшие вождям зернохранилища, насиловали местных женщин. Согласно традиционным представлениям, уберечь рядовых общинников от этой напасти могли и должны были именно «фейтисейрош». А коли они этого не делали, то тем самым расписывались в собственном бессилии. Авторитет прорицателей стал стремительно падать, в нескольких деревнях их попросту изгнали с общинных земель за ненадобностью.

И тогда «фейтисейрош» решили отомстить Матсангаи. Они вызвали его в священный лес Мжиту, где верные знахарям лица, ряженные в устрашающие маски, долго плясали вокруг Матсангаи, взывая к духам предков и передавая ему их волю «поддерживать МНС». Затем самая большая маска — «маска войны», приблизившись к нему, возвестила: «Духи хотят, чтобы ты завладел городом Горонгоза. Он не защищен, и ты легко можешь взять его, если внезапно нападешь».

Информация была заведомо ложной, и Матсангаи пал жертвой собственного мракобесия. Когда в октябре 1979 года несколько сот сторонников МНС ринулись на Горонгозу, чтобы разграбить город, то столкнулись не только с мощным гарнизоном правительственных войск, но и с танками. По «боевым порядкам» МНС был открыт массированный огонь, одним из раненых оказался и сам Матсангаи. Его эвакуировали на вертолете, но по пути в Родезию он умер.

Воришку на посту лидера МНС сменил вор покрупнее: преемник Матсангаи А. Дхлакама; находясь в рядах ФНЛА, он был признан виновным в крупных хищениях и в 1975 году с позором изгнан из мозамбикской армии. Кстати, очередной новоявленный борец за «освобождение» Мозамбика вступил в армию лишь в 1974 году, когда все боевые действия против колонизаторов были прекращены. Зато он долгое время находился в рядах португальских карательных войск, участвуя в операциях против патриотов. Не правда ли, неплохая биография для протеже расистов на роль «национального героя» мозамбикского народа?!

Свою деятельность А. Дхлакама начал с того, что поменял хозяина. В преддверии апреля 1980 года, когда рухнул расистский режим Родезии и была провозглашена независимость Зимбабве, досье, некогда перевезенное О. Криштиной на Бейкер-роуд, было в срочном порядке переправлено в Йоханнесбург. Вооруженные силы ЮАР организовали переброску людей МНС в трансваальские лагеря Пхалаборва и Зоабштадт, расположенные поблизости от границы с НРМ. Так МНС, по образному выражению президента НРМ Саморы Машела, сделалась «содержанкой южноафриканской разведки».

«Для меня южноафриканцы все равно что родители,— без обиняков заявил А. Дхлакама.— Все зависит от вас...» В другой раз он признался: «Без южноафриканцев мы ничего не можем...»

Перемена хозяина и тыловой базы повлекла за собой и изменение стратегии МНС. Отныне ее стали интересовать не те объекты местного значения, в ликвидации которых был заинтересован расистский режим Смита, а те, которые вписывались в общеафриканскую стратегию белого режима ЮАР, координирующего свою террористическую политику с глобальным курсом США. При этом выбор народного Мозамбика в качестве одного из главных объектов терроризма Претории далеко не случаен, ведь для расистов каждый успех НРМ — это не только удар по их «теории», согласно которой африканцы якобы не способны сами ни управлять своим государством, ни успешно решать проблемы экономического развития. Для них каждый успех Мозамбика, занимающего ключевое географическое положение во всем южноафриканском регионе, обладающего разветвленной инфраструктурой и дающего выход к морю ряду внутриконтинентальных государств,— это и удар по планам ЮАР сохранить страны субконтинента в плену своего экономического и стратегического влияния.

Гнусные, антинародные цели преследовало контрреволюционное отребье из МНС. Вместо убеждения они использовали террор, вместо идеологической мобилизации — анимистические религиозные предрассудки. Как и во времена Матсангаи, большую роль в лагерях МНС играла вера в сверхъестественное. Рекрутам говорили, что, если они дезертируют, их будут преследовать «духи» в виде львов. Перед каждой военной операцией проводились «ритуальные службы», которые, как считал Дхлакама, способны были сделать его людей «неуязвимыми для коммунистических пуль». Периодически в лагерях МНС расстреливали сторонников Партии Фрелимо, якобы «выданных» Дхлакаме «духами». Выступая перед своими единомышленниками, «верховный главнокомандующий» систематически утверждал, что боеприпасы, амуниция и продовольствие, доставляемые в его лагеря юаровскими вертолетами,— это «дар духов», покровительствующих МНС, а шпионские самолеты ЮАР, собирающие разведывательную информацию над мозамбикской территорией,— это «око божье», поставляющее нужные ему сведения.

Понимая всю непригодность людей Дхлакамы для «больших» дел, юаровские спецслужбы все чаще стали отводить МНС скромную роль «африканского прикрытия» для крупных и технически сложных диверсий, которые осуществлялись непосредственно специалистами армии ЮАР или белыми наемниками.

Именно руками сторонников МНС реакционеры осущест-

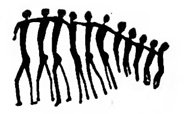
вили наиболее крупные преступления: взрыв нефтехранилища в Бейре в декабре 1982 года, диверсию на нефтеперерабатывающем заводе в Мапуту в 1983 году, серию нападений на энергетические и транспортные объекты Софалы. При технической, военной и финансовой помощи ЮАР и стоящих за ее спиной спецслужб США террористическая деятельность «гиен» постепенно распространилась почти на всю территорию Мозамбика. Ездить по стране, как я это делал в былые годы, стало небезопасным.

В феврале 1983 года группе журналистов, в том числе и корреспонденту ТАСС, была предоставлена возможность посетить одну из захваченных ФПЛМ баз «гиен» в провинции Газа. При этом посещении мы воочию убедились, что основную роль в подготовке и оснащении МНС играют ЮАР и ее западные покровители. Журналистам было показано захваченное у террористов оружие с клеймом: «Сделано в Южной Африке». Среди трофеев также минометы, боеприпасы, противотанковые и противопехотные мины, изготовленные в странах — членах НАТО. При поспешном отступлении бандиты не успели уничтожить полученные из ЮАР инструкции, шифры, блокноты с радиограммами, переданными из Претории и содержавшими сведения о дислокации частей ФПЛМ, экономических объектах и движении на главных транспортных магистралях республики. Кроме того, в рюкзаках пленных найдены сотни отпечатанных в Йоганнесбурге листовок, подстрекающих к свержению народной власти. В ряде лагерей бандитов были обнаружены паспорта граждан ЮАР.

И еще одна красноречивая деталь. За особые заслуги перед Преторией, а вернее, за гнусные преступления против своих соотечественников-африканцев предатель Дхлакама получил чин полковника расистской армии! Нацепив Дхлакаме погоны, министр обороны ЮАР сказал ему: «Ваша армия является частью южноафриканских сил обороны...»

Народный Мозамбик стремится строить, а террористы МНС — разрушать, мозамбикцы хотят быть свободными, а «гиены» толкают их в плен к расистам. Ущерб, причиненный деятельностью вооруженных банд МНС, только в 1983 году составил 200 миллионов долларов. Для молодой республики сумма эта огромная. Террористическая и диверсионная деятельность «гиен» является главной причиной переживаемых НРМ серьезных экономических трудностей.

Покончить с ними, создать все необходимые условия для дальнейшего продвижения НРМ по пути прогресса призвал мозамбикский народ IV съезд Партии Фрелимо, состоявшийся в Мапуту в апреле 1983 года. Он прошел под триединым лозунгом, отвечающим этим целям: «Защитить Отечество, преодолеть отсталость, построить социализм!»

У кооператоров долины Лимпопо

«Решения IV съезда Партии Фрелимо — в жизнь!» — под таким лозунгом с мая 1983 года живет и трудится мозамбикский народ. Как же претворяется этот лозунг на практике? Как реализуется он в той отрасли мозамбикской экономики, которую съезд назвал главной для страны и куда направил основные денежные средства, лучшие кадры,— в сельском хозяйстве? Ведь земледелием и животноводством живут более 85 процентов 14-миллионного населения НРМ. От того, как пойдут дела в мозамбикской глубинке, зависит очень и очень многое: и решение продовольственной проблемы, и обеспечение промышленности местным сырьем, и укрепление обороноспособности страны, да и в конечном счете популярность Партии Фрелимо, перспективы реализации ее программы.

Для того чтобы познакомиться с буднями мозамбикской деревни, ее проблемами и свершениями, давайте отправимся в провинцию Газа, что лежит непосредственно к северу от Мапуту. Впервые я побывал там в 1977 году. Тогда в приморский городок Шай-Шай прибыла большая группа крестьян, оставшихся без крова. Они рассказали, что несколько лет в их краях не было дождя, иссохшаяся земля стала твердой, словно асфальт. А потом неожиданно выпал ливень, второй, третий. Переполненные дождевыми водами реки Лимпопо и Инкомати вышли из берегов и затопили хижины, поля, пастбища. Беженцы соорудили тростниковые времянки на опушке непроходимых зарослей, кое-кто из крестьян начал подумывать о том, чтобы забраться поглубже в лес и поселиться там где-нибудь у ручья.

— Конечно, вы можете разбрестись по лесу и продолжать жить как жили: в одиночку, одна семья от другой на расстоянии нескольких часов ходьбы,— сказал крестьянам Жозе Мпфонго, руководитель местной ячейки «динамизаторов».— Но не лучше ли, если уж обстоятельства собрали вас всех вместе, остаться жить сообща и создать «алдейя-коммунал»— коллективную деревню? Живя в лесу, вы, как и прежде, не сможете посылать своих детей учиться, вызывать врача, когда заболеете, получить помощь, если вновь разбушуется стихия. Создав же коллективную деревню, при поддержке правительства заживете по-новому.

Так и решили. Лишь немногие во главе с местным вождем-богатеем ушли в лес. А 204 семьи, почти 2 тысячи человек, остались на опушке и принялись валить деревья, корчевать пни, расчищать землю под поля и строения.

И вот теперь среди девственных тропических зарослей уже различаются контуры поселка кооператоров, строящегося по

типовому проекту. Четыре квартала, в каждом из которых будут жить по 50 семей, застраиваются трехкомнатными тростниковыми хижинами с крытой террасой и кухней. Перед каждым строением — приусадебные участки, отделенные друг от друга проходами, ведущими на главную улицу. Вдоль нее — здания начальной школы, медпункта, клуба, Дом ФРЕЛИМО и народный магазин.

Мы ведем разговор в одной из таких хижин, принадлежащей руководителю кооператива С. Мачонги. Для тех, кто не знает, как жила мозамбикская глубинка еще каких-нибудь семь-восемь лет назад, здесь, возможно, многое может показаться «излишне этнографичным», «традиционным», а то и попросту «бедным». Но я помню крестьянские хижины в этих же местах в 1975 году: полусгнившие циновки вместо кроватей, тяпка и нож «катана» для обработки крохотного надела, дырявая рыбацкая сеть или лук со стрелами — вот и все, что общинник мог нажить в колониальные времена.

А сегодня? Да, пол хижины остался глиняным, крыша — тростниковой, но под этой крышей — и кровати, застеленные чистыми одеялами, и эмалированная посуда, и транзистор, и, главное, книги. Целых две полки книг!

Я подхожу к ним, рассматриваю: Э. Мондлане — «Борьба за Мозамбик», толстый зачитанный том «Истории Африки», документы фрелимовских съездов, еще более зачитанные «Рекомендации по тропическому земледелию», брошюры с работами В. И. Ленина. Беру в руки одну из книг: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

— Мы часто обращаемся к этой книге, пытаясь использовать ленинские мысли при решении наших проблем,— говорит Мачонги.— Немало ошибок помогла нам исправить эта замечательная работа.

Наш разговор прерывает группа женщин, запросто, без стука пожаловавших к председателю. Они отчаянно кричат, жестикулируют, явно выражая свое недовольство. Наконец конфликт улажен, улыбающиеся посетительницы прощаются, заодно пожимая руку и мне.

— Партия учит, что в новом обществе женщина должна активно включаться в производство. На соседней госферме Моамба каждый пятый из восьмидесяти трактористов — женщина. Теперь и нашим сельчанкам не терпится попробовать свои силы и сесть за руль. Требуют: «Пошлите нас в школу механизаторов».

Земля — главное богатство Мозамбика. Почвы здесь почти повсюду плодородные, и если напоить их водой, то они способны давать по два-три урожая в год. По имеющимся оценкам, в интенсивный сельскохозяйственный оборот в Мозамбике можно ввести треть площадей всей страны, примерно 25 миллионов гектаров, что составляет более трех гектаров на каждого взрослого жителя.

Однако решить проблему освоения, в первую очередь обводнения, огромных районов тропической целины не под силу ни «алдейя коммунал», ни даже кооперативам. Поэтому осуществление комплексных планов, призванных изменить социально-экономический облик целых районов Мозамбика, берет на себя государство.

Самый грандиозный из таких проектов осуществляется по решению партийного съезда в долине реки Лимпопо. Разработанная советскими специалистами генеральная схема комплексного использования водных и земельных ресурсов этого района превратит долину Лимпопо в главную житницу республики.

Губернатор провинции Газа, являющийся секретарем провинциального партийного комитета, рассказывал:

— Идея создания здесь высокотоварных ферм и современной промышленности по переработке их продукции возникла еще в колониальные времена. На «Слоновьей реке» — Элефантиш, главном притоке Лимпопо, было начато сооружение плотины «Массанджире», с тем чтобы избавить район от почти ежегодных разрушительных наводнений и увеличить площадь орошаемых полей для белых фермеров. Но достраивать эту плотину пришлось уже нам. Ну и, естественно, на нашу долю выпало распределять между африканскими кооперативами и госхозами новые плодородные земли.

Наша машина преодолевает водораздельный хребет, поросший припорошенными пылью колючими акациями, и внизу открывается гигантская строительная площадка.

— Теперь на очереди возведение второй дамбы — «Мапаи», которая укротит саму Лимпопо,— продолжает губернатор.— Ныне сооружаемая система плотин даст нам четверть миллиона гектаров орошаемых земель. Всего же, считают, в долине можно будет освоить 8 миллионов гектаров — это в два с лишним раза больше, чем обрабатывалось во всем Мозамбике до независимости! Для этого придется соорудить еще одну-две плотины на притоках Лимпопо. Реализация генеральной схемы комплексного освоения этого района позволит не только полностью обеспечивать продуктами питания население всей провинции Газа, но и ежегодно вывозить в другие районы Мозамбика или экспортировать 500 тысяч тонн орехов кешью, 20 тысяч тонн мяса. Плюс прирост электроэнергии до 300 миллионов киловатт-часов ежегодно. На этой базе, согласно проекту, разработанному советскими специалистами и одобренному мозамбикской стороной в сентябре 1984 года, будут созданы системы ирригационных сооружений, животноводческие фермы, рыбные хозяйства, предприятия пищевой промышленности, энергосистемы, дороги, профучилища. В городе Шай-Шай построена производственная база, состоящая из металлообрабатывающего цеха, столярной мастерской, пяти лабораторно-производственных корпусов и

гаража на 100 автомашин. В ходе разработки генеральной схемы были также открыты новые водоносные и подземные горизонты, способные обеспечить водой население городов, коллективных деревень и промышленных объектов на площади более 20 тысяч квадратных километров. Было также пробурено около 40 скважин, обнаружены месторождения, содержащие поваренную соль, техническую и питьевую соду.

Ну и, понятно, материальный и культурно-бытовой уровень жизни труженика в создаваемых вдоль Лимпопо агропоселках станет совершенно иным. Все это будет способствовать росту численности рабочего класса и подготовке национальных кадров для промышленности.

Одной из наиболее перспективных отраслей мозамбикского сельского хозяйства может стать животноводство. Однако для этого необходимо, чтобы на пастбища пришла вода. Вот почему одним из главных направлений советско-мозамбикского сотрудничества стали водопоисковые работы. При содействии Советского Союза работы по бурению скважин начались в засушливых районах Газы. Первые из них уже дают благотворную влагу крестьянам. Одобренный правительством Мозамбика долгосрочный план развития на 1980—1990 годы предусматривает создание источников водоснабжения для каждых 100 семей. Этого намечается достигнуть путем создания 15 тысяч новых колодцев, бурения или восстановления 4 тысяч артезианских скважин. Подобного грандиозного размаха работ по водоснабжению сельского населения не знала до сих пор ни одна страна Тропической Африки!

Лоренсу-Маркиш становится Мапуту

Из дельты Лимпопо юркий океанский катер, то подпрыгивающий на пенистой волне, то съезжающий по ней вниз, добирается до Мапуту за три-четыре часа. С крупных строек, разворачивающихся в долине реки, в столицу можно, конечно, попасть и по шоссейной дороге. Но я нарочно воспользовался водным путем: приезд в Мапуту со стороны океана всегда праздник.

Когда входишь на судне в гигантскую бухту Делагоа и приближаешься к Мапуту, перед глазами разворачивается удивительная по красоте панорама. «Нижний город» — Байша — расположен в приморской части. Здесь громады зданий застройки начала века в стиле неоклассицизма соседствуют с ажурными современными строениями из стекла и бетона. Вдоль помпезной набережной вытянулись ряды королевских пальм. Над Байшей на океанской террасе, исчерченной серпантинами дорог, возвышается «верхний город» — Алту: ци-

тадель двадцати-тридцатиэтажных билдингов, выстроившихся вдоль многокилометровых широченных авенид.

Мапуту часто называют самым красивым столичным городом в Африке и самой неудобно расположенной по отношению к территории своей страны столицей в мире. В этих максималистских оценках нет передержек. Достаточно хоть один раз пройти по утопающим в тени яркоцветущих джакаранд и сикимор улицам Байши, посидеть на парапете приморских бульваров или проехаться вдоль всегда праздничных, залитых солнцем авенид Алту, чтобы навсегда полюбить этот город, почувствовать его неповторимый колорит и очарование. Но достаточно посмотреть на карту НРМ, чтобы понять: мозамбикская столица, приютившаяся в крайнем южном углу страны, практически не имеет хинтерланда в пределах Мозамбика. Территория НРМ, выглядящая гигантским монолитом на широте Тете и Рувуму, в районе Мапуту выклинивается до узкой полосы. В итоге путешествие из мозамбикской столицы в ЮАР, Свазиленд или даже Зимбабве занимает часы, а в любую мозамбикскую провинцию к северу от Бейры — сутки. Даже остров Мозамбик, лежащий как раз напротив «мозамбикского монолита» с его потенциальными экономическими возможностями, был куда более удобным местом для столицы, чем прижатая границами других государств к океану и извечно страдающая от наводнений прибрежная низменность, на которой вырос нынешний Мапуту. Тем не менее в 1898 году администрация колонии перекочевала, как мы уже знаем, с острова на материк.

Причины? Об этом португальцы не любят распространяться, поскольку каждая из них проливает свет на слабости позиций Лиссабона в этом районе Южной Африки, который считался «португальским» на протяжении пяти веков, но практически так и не был поставлен под полный контроль метрополии.

Еще Васко да Гама и А. Кабрал в 1502 году отметили на своих картах существование огромного залива, на северном берегу которого и раскинулась сегодня мозамбикская столица. Однако первым его исследователем стал до того безвестный мелкий купец Лоренсу Маркиш. Стремясь поправить свои дела, он задался целью отыскать на никем еще не освоенном побережье к югу от Иньямбане место, которое можно было бы превратить в свою вотчину, с тем чтобы, не опасаясь конкурентов, под видом «торговли» грабить и обманывать туземцев. В этих целях он в 1544 году обследовал дельту Лимпопо на своем торговом судне, охарактеризовал ее как «богом проклятое лихорадочное болото», а затем, подгоняемый южным ветром, оказался в широком заливе, «равного которому по величине еще не видывал».

Завязав торговые отношения с местными вождями, Л. Маркиш основал на топком берегу Инкомати нечто вроде

фактории, а на стерегущем с юга вход в Делагоа острове Иньяка начал ежегодно устраивать ярмарки, где в обмен на бисер и дешевые ткани получал слоновую кость и черепаховый панцирь. Заслуги предприимчивого купца перед короной и казной были отмечены: король Жуан III приказал увековечить имя Лоренсу Маркиша в названии побережья, прилегающего к Делагоа.

Однако закрепиться прочно португальцы здесь не смогли: местные племена вели себя непокорно, а проводить карательные экспедиции против них силами гарнизона далекого острова Мозамбик было слишком накладно. Поэтому на побережье залива хозяйничали все, кто мог.

Наиболее активно в этом районе действовала... Австрия. Императрица Мария-Терезия, стремясь не отстать от великих держав, имевших колонии в Африке, снарядила в 1777 году к берегам Делагоа целую военную экспедицию. Возглавлявшему ее полковнику У. Болту, водрузившему австрийский флаг на Иньяке, было приказано создать на берегу залива укрепленный форт, а затем расширить владения.

Именно эта колониальная авантюра Вены и стимулировала появление поселения Лоренсу-Маркиш — Мапуту. С помощью присланной из Гоа эскадры португальцы изгнали отсюда австрийцев. Для утверждения прав Лиссабона на эту территорию в 1781 году посреди тропических болот была заложена первая португальская крепость. Она стояла на том самом месте, где сейчас в приморской части Байши красным пятном выделяются стены форта «Девы непорочного зачатия».

Однако даже под защитой крепостных стен португальцы не могли чувствовать себя в безопасности: от границ империи могущественного Чаки их отделяло расстояние, которое воинственные воины-зулу преодолевали за один день. В 1833 году зулусы-ватуа захватывают крепость. Затем ватуа обходят португальцев с запада, вторгаются в Газу и создают там свое государство. Империя зулусов-ватуа, во главе которой стоял национальный герой Мозамбика вождь Гунгуньяна, была последней силой в Мозамбике, активно противостоявшей португальской колонизации. В связи с возвышением Гунгуньяны, влияние которого в 60—80-х годах вышло за пределы Газы и распространилось на Иньямбане, южную часть Маники и Софалы, зона Лоренсу-Маркиша практически была отрезана от остальной части португальских владений.

Этим не преминули воспользоваться англичане, южноафриканские владения которых непосредственно подходили к берегам Делагоа. Считая себя обиженным — к югу от этого залива на всем южноафриканском побережье нет ни одной мало-мальски приличной бухточки или гавани, Лондон уже давно зарился на Делагоа, обосновывая «необходимость» строительства на его берегу крупного морского порта, который стал

бы составной частью быстро развивающейся южноафриканской транспортной системы.

Вот почему, как только Гунгуньяна отрезал Лоренсу-Маркиш от португальских фортов на Замбези и острове Мозамбик, англичане в 1861 году водрузили на Иньяке «Юнион Джек» и объявили южное побережье Делагоа своей собственностью.

Лиссабон и Лондон оказались на грани серьезного конфликта. Чтобы не дать ему превратиться в войну, обе державы обратились за посредничеством к Франции. Президентом ее тогда был не француз, а ирландец Мак-Магон. Английские историки утверждают, что, «впитав с молоком матери лютую ненависть к британцам», он в 1875 году автоматически решил спор в пользу Португалии.

Однако главная «антианглийская суть» решения Мак-Магона состояла в том, что, оставляя Делагоа под властью слабой Португалии, французский президент открывал путь для проникновения на побережье этого залива усиливающимся бурским колониям, и в первую очередь Трансваалю, находившемуся на пороге войны с Англией. Буры активно поддерживали португальцев в их конфликте с Лондоном, посылали делегацию к Мак-Магону и уже тогда заручились согласием Лиссабона на строительство на берегу Делагоа крупного порта и железной дороги, уходящей от его причалов в сторону Претории. Ее сооружение началось в 1883 году. Так бурский Трансвааль надеялся получить выход к морю, минуя Дурбан и Кейптаун, контролировавшиеся тогда англичанами.

Развязав себе руки на юге, португальцы в начале 80-х годов смогли собраться с силами для борьбы с Гунгуньяной. Задача эта была не из легких, поскольку, хотя на всех европейских картах тех времен мозамбикские провинции Газа и Иньямбане и числились «португальскими», их «истинным властителем», по выражению Э. Реклю, был зулусский король Газы. На севере границы владения Гунгуньяны были расширены вплоть до Замбези, а на юге проходили по реке Инкомати, то есть вплотную подступали к Лоренсу-Маркишу. Таким образом, под властью Гунгуньяны оказалась вся территория, населенная народом тсонга, который южные зулусы называли «ронга» — восточные племена, а португальцы — «шангаан», по имени вождя из династии Манукоси, правившего на землях вокруг Лоренсу-Маркиша во времена Чаки. Сокрушить союз ватуа-тсонга и разгромить армию Гунгуньяны португальцам удалось лишь в 1895 году.

В этом же году к топким берегам Делагоа из Претории была подведена железная дорога. А три года спустя безвестный форт Лоренсу-Маркиш, окруженный со всех сторон деревнями тсонга, носившими династические имена их вождей — Мапуту, Полана, Шипаматине, был провозглашен столицей «Португальской Восточной Африки».

Город развивался мучительно медленно. Он рос на нездоровой местности, среди топких комариных болот — рассадников малярии. Эпидемии неведомых европейцам лихорадок косили и белых и черных. Виновником этих эпидемий молва объявляла то один, то другой вид местной растительности. В географической литературе тех времен появилось даже название «лихорадочное дерево». Его вырубали, а затем сжигали, что вело к еще большему распространению болот и малярии. Лишь гигантские по своим масштабам посадки эвкалиптов, на которые в принудительном порядке сгонялись десятки тысяч африканцев, помогли со временем покончить с массовым распространением болезней. Но эвкалипт с тех пор носит у тсонга название «невольничье дерево».

В период строительства мозамбикской столицы в залив Делагоа зашел русский военный крейсер, совершавший переход из Балтийского моря во Владивосток. Именно в это время было сделано первое описание Лоренсу-Маркиша нашим соотечественником — офицером судна А. Доливо-Добровольским. Оно достаточно интересно, чтобы его привести здесь лишь с незначительными сокращениями и поправками, учитывающими современную географическую и этнографическую терминологию:

«Чуть ли не месяц мы шли сюда под парусами с мыса Доброй Надежды, выдержав бурю у страшного Игольного мыса, в постоянной борьбе с противными ветрами и течениями, пока наконец не вошли в обширный залив Делагоа. Отсюда крейсер поднялся по реке и бросил якорь невдалеке от португальского городка Лоренсу-Маркиш.

Взоры офицеров, сигнальщиков и всего экипажа жадно устремляются на незнакомое зрелище обнаженных черных людей с накинутыми на бедра леопардовыми шкурами, с копьями, луками и стрелами в руках. Это — зулусы племени тсонга; красивые и высокие, они поражают стройностью сложения и замечательным развитием мускулатуры.

Португальцы никогда и нигде не имели особенно цивилизующего влияния на туземцев, и потому не удивительно, что близость Лоренсу не отразилась на этих дикарях. Некоторые из них при отсутствии леопардовых шкур обладают почти прародительской наготой.

По выполнении командиром установленных формальностей офицеры получают право съезда на берег. Я направляюсь в Лоренсу.

Вот дом губернатора с маленьким садом и пальмовой аллеей, с национальным флагом на шпице. Миную его и по главной улице попадаю на площадь, усеянную лавками.

Чего-чего здесь только нет! Трудно сказать, что разнообразнее — торговцы или товары: тут и негры, и мулаты, и креолы, и индусы с Цейлона... Шум, крики, давка и суета; на огромных настилах разложены шкуры леопардов, буйволов и

обезьян, слоновьи и бегемотовые клыки, пальмовые циновки, поддельные камни и бусы, съестные товары — и все это в необыкновенном соседстве с неожиданными представителями немецкой бракованной мануфактуры. Ром, джин и коньяк играют в числе товаров выдающуюся роль.

Оригинальны и покупатели, снующие толпами по лавкам и одетые кто в простыню, кто в звериную шкуру, кто и вовсе без костюма. Если покупатель оказывается слишком любопытным, то продавец попросту прогоняет его палкой, ко всеобщему наслаждению прочей публики, разражающейся диким хохотом...»

Как неузнаваемо изменился с тех пор город и его обитатели! Остались прежними разве что не утратившие своей темпераментности красочные танцы тсонга, которыми в столичном аэропорту обычно встречают высокопоставленных гостей. Из виденного Доливо-Добровольским сохранился лишь уставленный со всех сторон позеленевшими бронзовыми пушками форт, за красными стенами которого разместился Исторический музей. Определение «антигу» (древний) мозамбикцы применяют в своей молодой столице к постройкам конца прошлого — начала нынешнего века.

Но их не так уж много, потому что на первых порах португальцы, признавая свою слабость и не желая иметь в Мозамбике сильных конкурентов, не допускали в колонию иностранный капитал, а собственного у них для африканских владений не находилось. Поэтому даже начало XX века в архитектурном облике столицы представлено очень хило. Главные достопримечательности Байши тех времен — массивная громада вокзала, откуда берут начало железные дороги, уходящие в ЮАР, Зимбабве и Свазиленд, особняк банка «Тотто и Мойо» и здание муниципалитета.

Рядом с муниципалитетом раньше стоял безвкусно огромный памятник Маозинье де Альбукерке — последнему португальскому завоевателю Мозамбика, в крови утопившему антиколониальное движение во главе с Гунгуньяной. Конкистадор восседал на коне, а перстом указывал вниз, где на площади под постаментом памятника огромными белыми буквами было выложено: «Здесь Португалия». Поэтому не удивительно, что памятник Альбукерке африканцы поспешили первым отправить на свалку истории. Исчезла с мозамбикской земли и наглая колониалистская надпись...

Слева от муниципалитета, среди громад современных зданий и соборов,— ботанический сад, тихий и уютный экзотический уголок, причудливо вписавшийся в центр современного города. Неподалеку от него — утопающее в цветущих олеандрах и хибискусах здание английского посольства, где, спасаясь от бурского плена, отсиживался молодой У. Черчилль. Отсюда по любой из улиц, ведущих вверх, можно попасть в Алту.

По самой периферии «верхнего города», на краю океанской террасы, смотрящей на Делагоа, тоже встречается несколько зданий, напоминающих о португальском прошлом. Они сосредоточены в аристократическом районе Полана, возникшем на месте крааля одного из вождей тсонга. Это бывший дворец генерал-губернатора, а ныне «Понта Вермелья» («Красная точка») — резиденция главы республики; вереница шикарных особняков, где раньше жили высшие представители колониальной администрации и консулы стран, не чуравшихся поддерживать отношения с колониально-фашистским Лиссабоном; грандиозный комплекс отеля «Полана», выстроенного в эдвардианском стиле; мавританское здание Национального музея, перед которым португальцы установили памятник Генриху Мореплавателю; фешенебельный отель «Кардозо», слывший в прошлом пристанищем «людей Жардима».

Со всех сторон к этим португальским «раритетам» подступает новый Алту — кварталы домов-космополитов, двадцати-тридцатиэтажных билдингов, являющихся своего рода памятником середины 60-х годов. Именно тогда Лиссабон, поняв, что собственными силами Мозамбик ему не удержать, открыл свою колонию для проникновения иностранного капитала. Первыми на это приглашение откликнулись южноафриканцы. Они начали отстраивать и осваивать Лоренсу-Маркиш как свой город, одновременно привнося в него свои расистские порядки. Как и во всей стране, в Лоренсу-Маркише португальцы начали чувствовать себя не «колониальными хозяевами» Мозамбика, а всего лишь субподрядчиками более сильных и богатых южных соседей.

В июне 1976 года, когда Мозамбик праздновал первую годовщину своей независимости, Лоренсу-Маркиш был переименован в Мапуту. Изменилась и топонимика города, отразившая в названиях столичных улиц и площадей дорогие мозамбикцам революционные даты и имена: авенида 25 июня, площадь Революции, улицы Маркса, Ленина, Хошимина...

Одновременно в Мапуту подготавливались и осуществлялись более глубинные, социальные изменения, в итоге коренным образом изменившие лицо столицы. Ведь Байша и Алту— эти две исторически сложившиеся части единого «белого» Лоренсу-Маркиша, или «сидади ду сименту» — города из цемента,— были чужды африканцам своей буржуазной идеологией, расистской культурой, кичливым богатством.

«Сидаду ду канису» — город из тростника — так именовались необозримые кварталы, огромные пригороды и целые деревни, где жило африканское население столицы. Они окружали ее сплошным кольцом. Но, за исключением Шипаманине — своего рода потемкинской деревни Салазара, где был устроен рынок африканских сувениров для туристов, редко кто из иностранцев знал о существовании этого «трущобного

ожерелья» для африканцев вокруг кичащегося своей красотой и ухоженностью колониального Лоренсу-Маркиша.

«Воссоединить» эти два антагонистичных в классовом отношении города, сломать расовые барьеры, помочь африканцам «освоить» Алту и Байша — таковы были задачи народной власти, фрелимовской организации Мапуту.

Решение правительства НРМ о национализации крупного домовладения было важнейшим шагом на пути африканизации «сидади ду сименту». Фрелимовские комитеты на крупных промышленных предприятиях, квартальные ячейки партии стали выдавать ордера на вселение в многоэтажные жилые билдинги Алту передовикам производства, многодетным семьям. Главным помощником партии в этом деле были ее молодые активисты — «динамизаторы».

— На первых порах, когда началось заселение многоэтажных зданий, происходило много конфузов,— рассказывал мне один из руководителей столичных «динамизаторов» — Паулу Гилерме.— Привыкшие жить в антисанитарных условиях, вчерашние обитатели трущоб не знали, как, скажем, пользоваться санузлами. Иные домохозяйки никогда не видели газовых плит, случались пожары, взрывы. А местные контрреволюционные элементы лишь подливали масла в огонь разговорами о том, что Партия Фрелимо «уничтожает людей». Потом началась проблема с продовольствием: жители окраин не имели понятия, как употреблять съестное, которое продают в магазинах в банках, брикетах, порошках. На некоторых пищевых продуктах лежало табу. Одни считали, что если беременная женщина съест яйцо, ее ребенок родится лысым. Другие думали, что, если дети будут употреблять мед, у них появятся фурункулы. И опять слухи: «Фрелимовцы загнали людей в каменные дома, чтобы отобрать у них землю в деревне и уморить голодом».

— Ну и как же вы боролись с этими слухами?

— Методом наглядной агитации,— улыбаясь, говорит Паулу.— Больше шестисот «динамизаторов» ходили из дома в дом и объясняли людям, убеждали их в том, что, переселив африканцев в современные дома, Партия Фрелимо сделала огромное и полезное дело. Эта работа растянулась почти на три года. И все три года каждое свое посещение новоселов мы использовали для того, чтобы довести до людей основные принципы политики народной власти. Такую работу мы называем «политизацией масс»...

Появились новые соседи и у меня, рядом с корпунктом ТАСС, находящимся на нависшем над океаном знаменитом «венце», по которому проходит улица, носящая имя Энгельса. Как-то утром я увидел в окно африканцев, заносивших в соседний подъезд нехитрый скарб. А днем один из них, встретив меня у дома, приветливо протянул руку.

— Лусиу Мигуа,— представился он.— Давайте познако-

мимся. Что вы советский журналист — уже знаю. А я работаю помощником лоцмана в порту.

— Рад такому соседству,— улыбнувшись, ответил я.— Надеюсь, будем добрыми соседями.

Труд — залог успеха

Прошло несколько дней, и как-то в субботу Лусиу заглянул ко мне почаевничать. Был разгар мозамбикской «зимы» — середина июля, сезон недолгих «бархатных дней», которые наводят случайных заезжих, не знающих о существовании декабрьских «душных ночей», на мысль о том, что «климат Мапуту — лучший в мире». Солнце садилось за горизонт, уже давно не насыщавшийся влагой дождей воздух был на редкость сух и прозрачен. Поэтому лежащий на востоке залив Делагоа, освещенный последними солнечными лучами, был виден как на ладони. Такое случалось редко: налево можно было различить контуры Иньяки, лежавшей от нас в тридцати пяти километрах по прямой, направо — устье васко-дагамовской реки Святого духа. А прямо под нами сверкал освещенный солнцем залив Делагоа — 147 тысяч гектаров водной глади.

— В красивом месте тебя поселили, Лусиу,— оторвавшись от редкого зрелища, сказал я.

— Что в красивом, так это верно,— в раздумье ответил он.— Но я с тех пор, как переехал сюда, все время ловлю себя на мысли: не обернулась бы эта красота неприятностями для Мозамбика. Так ведь часто бывает в Африке — национальное богатство превращается из-за расистов и империалистов в национальное бедствие. Нефть, золото, алмазы дают им миллионные доходы, а на нашу долю — только пот и кровь. Так и залив Делагоа. Говорят, уникальный залив, способный укрыть чуть ли не четвертую часть всего мирового торгового флота. Да и порт наш Мапуту — третий по грузообороту во всей Африке! Богатство...

Лусиу затянулся сигарой-самокруткой, помолчал, внимательно вглядываясь в залив.

— Вон, смотрите, идет рудовоз. Откуда? Из ЮАР. А этот лесовоз — куда? В ЮАР. До независимости почти половина грузооборота порта Мапуту падала на долю юаровских грузов. Это минимум 10 процентов тоннажа всего внешнеторгового оборота расистов. Для собственного удобства и выгоды чего только здесь не понастроили: механическая погрузка угля мощностью 800 тонн в час; площадки для хранения почти миллиона тонн руды; хранилища, рассчитанные на 80 тысяч тонн сахара; склады для прочих грузов общей емкостью 100 тысяч тонн. Конечно, расистам не хочется терять все это.

Ведь практика что показала? — усмехнувшись, продолжал Лусиу.— Сразу после 1975 года юаровцы думали обойтись без этого порта, без наших дорог. Они хотели лишить молодую республику доходов от транзитных перевозок на юг, задушить Мапуту безработицей. Поэтому-то юаровцы и организовали массовый отъезд из порта всех специалистов. Спасибо советским товарищам, друзьям из других социалистических стран, которые, быстро откликнувшись на нашу просьбу, прислали в Мапуту опытных лоцманов и инженеров, не дали умереть огромному порту. С их помощью и я, и десятки моих коллег освоили новые профессии, начали делать работу, которая раньше предназначалась «только для белых».

Со временем, однако, расисты поняли, что компенсировать потерю порта Мапуту им нечем,— рассказывает мой сосед.— Поэтому-то они и начинают заигрывать с нами, предлагают принять участие в «оживлении» порта, его модернизации. А мое мнение таково: в какую бы шкуру лев ни рядился, все равно хищником останется. Нынешние проблемы можно решить не с помощью юаровских капиталов, а трудом наших рабочих, успехами на производстве. Так понимают положение дел и портовики — а это крупнейший отряд пролетариата Мозамбика,— и трудящиеся промышленных столичных пригородов — Матолы и Машавы,— заключает Лусиу.

Семьдесят процентов мощностей мозамбикской промышленности концентрируются в этих индустриальных спутниках Мапуту. Здесь расположены такие объекты национальной промышленности, как нефтеперерабатывающий и цементный заводы, комбинат металлоконструкций, железнодорожные мастерские «Кометал-Мометал». Именно на этих заводах при поддержке кадровых рабочих-фрелимовцев и «динамизаторов» в 1976—1977 годах начали возникать первые рабочие комитеты, бравшие на себя ответственность за руководство национализированными предприятиями, а затем и первые в столице заводские организации Партии Фрелимо.

Тогда я впервые и побывал на «Кометал-Мометале». Это комбинат по ремонту подвижного состава, предприятие, которое в первую очередь обеспечивало нормальное функционирование одной из важнейших отраслей мозамбикской экономики — транспорта. Председатель рабочего комитета Саломау Антониу Макаму водил меня по цехам и, силясь перекричать доносившийся отовсюду лязг и скрежет, рассказывал:

— Сейчас у нас, как видите, вполне деловая обстановка: люди на местах, станки работают, вагоны ремонтируются. А ведь к этому мы пришли не сразу. В первое время, когда мы только создали наш комитет, нашлись такие, кто предлагал: создадим «оргсовет по ремонту», «оргсовет по сырью», «оргсовет по сбыту», то есть запремся в оставленных португальцами кабинетах, обложимся бумагами и будем «размышлять, как лучше работать». Другие ратовали за проведение

ежедневных производственных собраний, бесконечных обсуждений причин успехов одних и отставания других. И надо признаться, мы вначале пошли по этому пути. Производство у нас не останавливается даже на ночь, поэтому от смены к смене шли собрания, а затем рабочие обсуждали, что на них говорилось. Между тем работа стояла. Сами понимаете, каковы были результаты... А тут еще провокации расистов, вылазки «гиен».

Вот тогда-то на одном из собраний и взял слово товарищ Марселину Кабасу, бывший солдат ФРЕЛИМО. Раньше он никогда не выступал на наших собраниях, но мы думали, что причина этого — его увечья, полученные в Кабу-Делгаду,— он потерял глаз и у него была изранена шея. А тут он взобрался на свой станок, гаечным ключом по трубе ударил, чтобы все замолчали, и сказал: «Хватит болтовней вместо работы заниматься. Больше месяца уже кричите, а паровозов за это время в три раза меньше отремонтировали, чем положено. Мы во время войны против колонизаторов не кричали, а дело делали: кто больше колонизаторов из строя выведет или их техники разрушит, тот и лучший. У нас даже соревнование было такое. Потом мы стали обрабатывать поля в освобожденных районах Кабу-Делгаду и там тоже соревновались: кто соберет больше корнеплодов со своего участка, у кого более высокая урожайность, кто пошлет больше продовольствия партизанам. Здесь не разрушать надо, а ремонтировать. Но словами тут ничего не сделать. Поэтому я предлагаю: всем разойтись и взяться за дело. Кто первый отремонтирует свой станок, тот и победитель. Кто больше на своем станке деталей для паровозов выточит, тот и передовик!» Сказал это Кабасу, спрыгнул со станка и принялся заготовку обтачивать.

Кое-кто, конечно, еще митинговал, но большинство рабочих согласились с Марселину,— продолжал свой рассказ Макаму.— Вскоре о нашем начинании узнали на соседних предприятиях, перенимали опыт. Высоко оценили его на съезде Партии Фрелимо. Идею соревнования подхватили рабочие всей страны. В значительной степени именно благодаря предсъездовскому и послесъездовскому соревнованиям промышленное производство в Мозамбике и производительность труда стали увеличиваться.

...Тягучие заводские гудки с электронной точностью возвестили о конце рабочего дня и на нефтеперерабатывающем, и на цементном, и в порту. Открылись заводские ворота, двери проходных, людской муравейник заполнил еще минуту назад пустые, словно вымершие, улицы Матолы и Машавы. Только из ворот «Кометал-Мометала» не валил, как обычно, трудовой люд. Наскоро помывшись и переодевшись, рабочие собрались в празднично украшенном цехе завода, где коллективу было вручено знамя победителя в социалистическом соревновании, а передовикам производства — грамоты и награды.

А потом тут же, на заменивших сцену досках, перекинутых между станками, состоялась встреча коллектива завода с деятелями искусства Мапуту. На встречу с победителями соцсоревнования приехали те, чьи имена знают во всем мире, по творчеству которых судят о достижениях мозамбикской культуры.

Аскетически-величественный мулат Жозе Кравейринья, один из известнейших поэтов португалоязычного мира, начал выступление перед рабочими со своего классического «Гимна моей земле». Как бы наслаждаясь звуками слов, звучащих на языках мозамбикских народов:

...на языке суахили, ширанга,
на диалекте шангана, битонга,
на диалекте макуа, хитсуа,

поэт-патриот в своем гимне рифмует, выстраивает в эстетически-утонченно звучащие ряды географические и этнические имена своей земли, названия ее танцев и песен, рыб и животных, деревьев и плодов...

Затем Кравейринья рассказывает о своей жизни. С горькой усмешкой он напоминает о бытовавшем среди белых Лоренсу-Маркиша афоризме: «Бог создал человека, а португальцы — мулата», говорит о том, как колониальные власти старались «перекупить» его музу, заставить отречься от крови черной матери, сделаться «белым» поэтом. «Но я остался верен Африке, я с вами,— под восторженные возгласы рабочих говорит он.— Моим лучшим другом был Эдуардо Мондлане. Отдавая дань его делу, я остался лучшим другом ФРЕЛИМО». Затем поэт откашливается и, откинувшись назад, не то поет, не то читает свой знаменитый «Черный крик», первое в мозамбикской литературе стихотворение, посвященное африканскому рабочему:

Черный уголь я.
Да, господин.
Ты сверлишь во мне свои шахты,
Выдирая меня из глубин.
Черный уголь я.
Да, господин.
Ты сжигаешь меня без пощады,
Чтоб вертелись колеса машин.
Но не вечно же этому длиться,
Нет, господин!

Я слушаю музыку этого стиха в великолепном авторском исполнении и думаю: как много теряет это ритмически сложное произведение при переводе. Мастер поэтических экспериментов, Кравейринья построил весь «Черный крик» на одной рифме: carvao — chao — patrao, carvao — petrao — combustao. В португальском оригинале есть какое-то дьявольское созвучие этого выразительного ритма и ритма работы шахтера.

И музыкальная от рождения африканская аудитория уже почувствовала это. Слушатели механически начинают раскачиваться в такт голосу поэта, их все больше увлекает виртуозный «музыкальный подтекст» стиха великого барда.

Минут пять неистовствовала аудитория. В ритме кравейриньевского стиха, ударяя гаечными ключами и молотками о металлические балки и станины станков, рабочие требовали прочитать на бис «Черный крик».

Потом на импровизированную сцену поднялся художник Малангатана Валенти. С виду вальяжный сибарит, неприступный и знающий себе цену маэстро, он с первых же слов покорил всех доброй простотой, хлестким юмором своего языка. Вслед за Малангатаной на сцену подняли почти сорок картин. Те из них, что были сделаны еще в 60-х годах, обличают ужасы колониализма и расизма: за них художник попал в тюрьму и был выпущен из-за решетки лишь через три года благодаря кампании за его освобождение во всем мире, петициям протеста в адрес Салазара, подписанным Жюлио-Кюри, Пикассо, Арагоном, Эренбургом и другими известными деятелями мировой культуры. А вот последние полотна: о свободе, пришедшей в родной Мозамбик, о радости раскрепощенного труда, о героической борьбе против расистов.

Живопись Малангатаны сложна для восприятия. Его огромные холсты полны аллегорий и абстракций, они как бы вобрали в себя эстетические концепции маконде и динамику африканского танца. Художник подробно объясняет содержание своих произведений, выводит их истоки из народного фольклора. Десяток последних полотен, которые он демонстрирует,— это картины учеников «Студии Малангатаны», вот уже полтора десятилетия работающей в одном из пригородов Мапуту. Студия содержится на средства художника, и в нее может прийти любой мальчишка, любая девчонка, решившие попробовать свои силы в рисунке. Тех, кто подает надежды, Малангатана учит, пестует, поддерживает материально. Ежегодные выставки художников Мозамбика в Мапуту — это, по сути дела, выставки учеников Малангатаны Валенти.

Пятеро рабочих втаскивают на подмостки кусок толстого бревна. Вслед за ним «на сцене» появляется шустрый, невысокого роста, бронзово-черный человек с густыми баками и удивительно живыми глазами. Галстуку-бабочке Кравейриньи и отличному светлому костюму «тропико» Малангатаны он предпочитает пляжные тапочки на босу ногу, шорты и рубаху навыпуск. Это знаменитый Чиссано — скульптор, высекающий из коричневого жамбира шедевры, украшающие ныне многие музеи мира. Его тоже хотели «купить»: в колониальном Лоренсу-Маркише его скульптуры не продавали дешевле чем за тысячу долларов. Но он не продался и даже тогда называл свои работы «Ужасы колониализма», «Голод», «Агония белых», «Жажда свободы». А перед входом в свою мастерскую,

доступ в которую был тоже открыт любому молодому таланту, повесил омерзительную, увитую цепями маску. «Это ПИДЕ»,— объяснил он мне еще тогда, когда Лоренсу-Маркиш был португальским.

А сейчас, уверенно орудуя долотом, Чиссано на глазах у трех тысяч изумленных рабочих превращает бревно в человеческую фигуру.

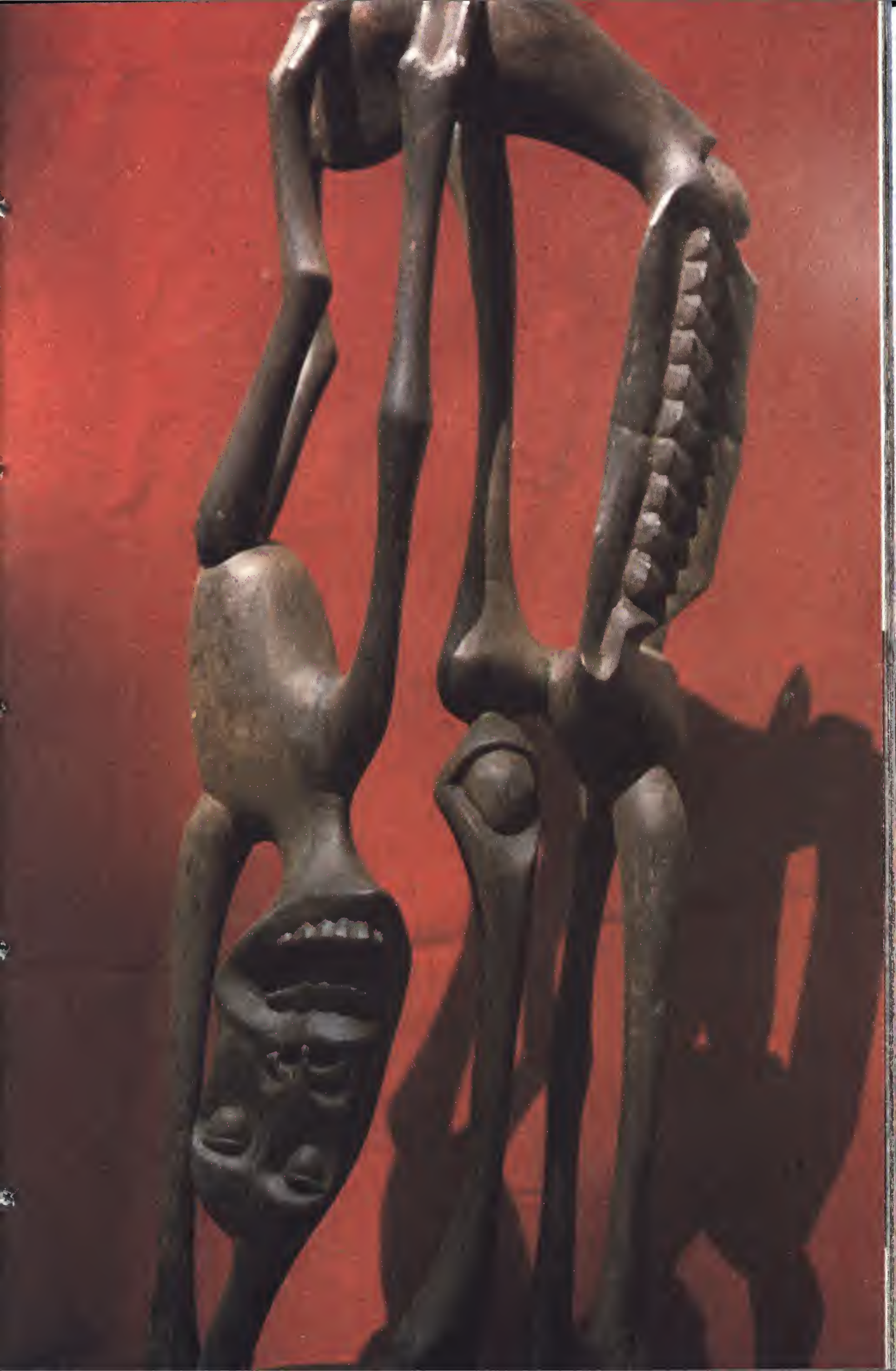
— Я назову эту свою работу «Пролетариат» и подарю вашему заводу — победителю социалистического соревнования,— говорит он, не отрываясь от дела.— Я думаю, что среди вас, умеющих превращать металл в сложные и красивые детали, найдутся люди, работающие с деревом не хуже меня. Приходите ко мне в мастерскую. Ее нетрудно найти по запаху птичьего помета. С тех пор как колонизаторы ушли и никто больше не хочет подкупить меня, с деньгами стало туго. Парадокс? Но в жизни всякое бывает. Зато я режу из дерева только то, что мне хочется. А жена моя для поддержания семейного бюджета начала торговать яйцами, так что Чиссано теперь кормят куры.

Пока Чиссано находится на подмостках, все время стоит хохот. Лишь после того, как из бревна появляются первые контуры человеческой фигуры, аудитория замолкает.

— В вашей веселой компании трудно сосредоточиться,— лукаво улыбаясь, говорит скульптор.— Я доведу эту деревяшку до нужного состояния дома и дня через два-три верну вам. Заходите в гости: яичница обеспечена.

Потом выступает заводская самодеятельность. Лихо пляшут танцоры тсонга. Читают свои стихи члены заводского литературного объединения. Под занавес выходит их руководитель, наш старый знакомец Кумванга.

Мозамбик — жилище мое.
Грязь в нем — нестерпима мне,
Я должен мести каждый день,
Чтоб жизнь возможна была.
Мозамбик — богатство мое.
Я должен его защитить
От грабительских рук,
Посягнувших на это богатство...

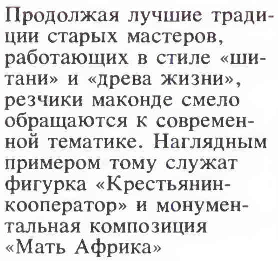

Мои друзья маконде,
в жизни которых древние,
архаические обычаи удивительно тесно, а порою
и органически сочетаются
с новым, передовым

Продолжая лучшие традиции старых мастеров, работающих в стиле «шитани» и «древа жизни», резчики маконде смело обращаются к современной тематике. Наглядным примером тому служат фигурка «Крестьянин-кооператор» и монументальная композиция «Мать Африка»

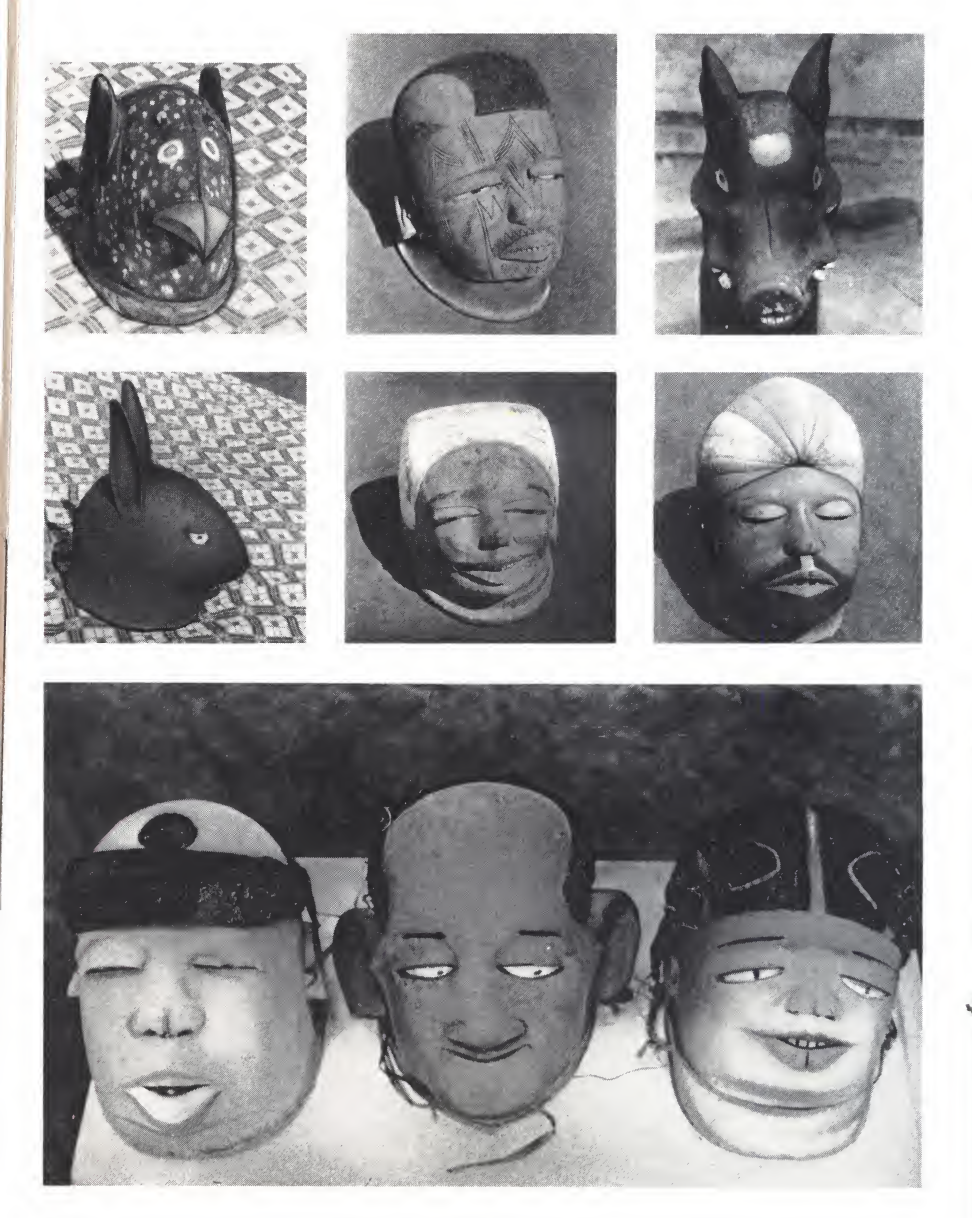

Эта татуированная деревянная скульптура служила маконде «учебным пособием» в традиционных «лесных школах» еще в XVIII веке. Маска датируется прошлым веком. Но и сегодня такую татуировку можно увидеть на лице и фрелимовского комиссара из Намавы, и учительницы из Муэды, и крестьянки из-под Шиньонго

Я был первым, кому удалось сфотографировать в Муэде знаменитые наголовники — мпико. Местные жители надежно упрятали их от колонизаторов, поскольку каждая из этих масок была карикатурой на представителей португальской администрации и их прислужников из местных

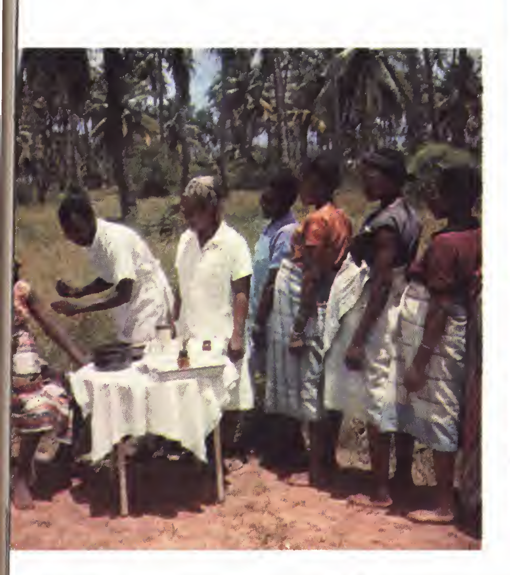

Винтовка и мотыга на плече Мванжемы говорят о занятиях мужчин в лесах миамбо. Женщины с утра уходят за водой, а ближе к закату солнца отправляются в лес за его «дарами».
Только какое-либо событие, вроде появления слоненка Нембо, с которым я быстро сдружился, может нарушить привычный ритм жизни в деревне

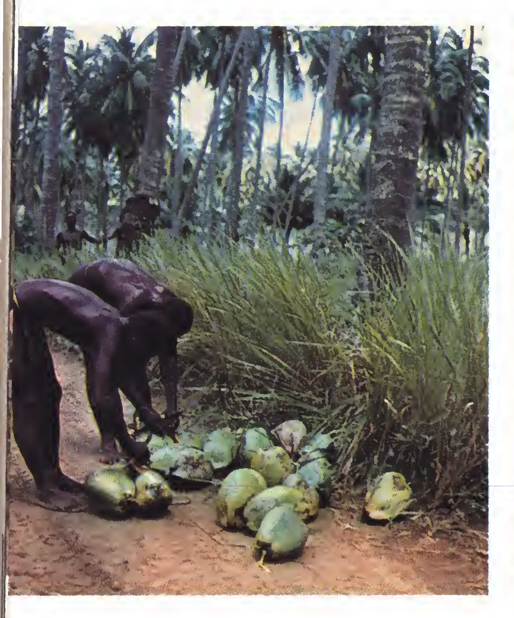

◄ К югу и северу от земель маконде, как в Мозамбике, так и в Танзании, лежит «пояс сизаля» (или агавы) — трудоемкой культуры, из листьев-кинжалов которой получают не гниющее в морской воде волокно

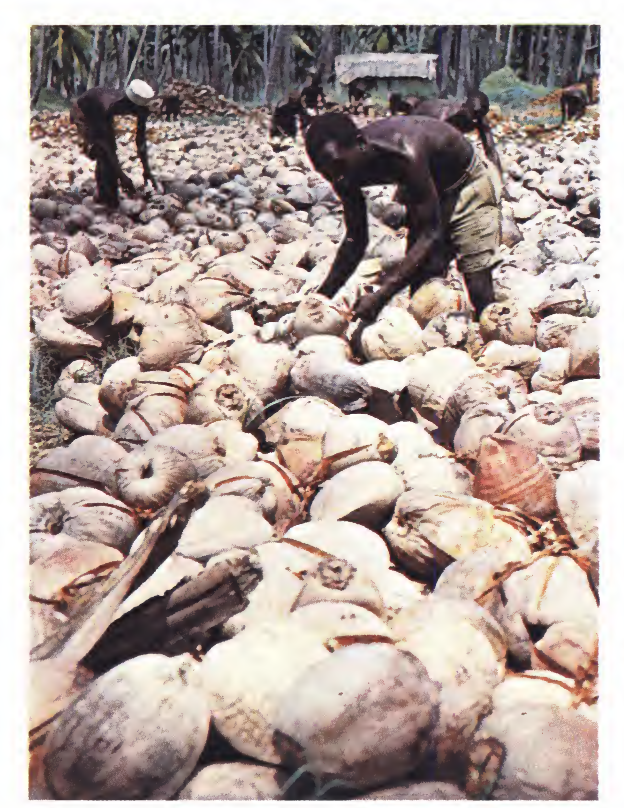
Замбезия — щедрый тропический край. Трудолюбивые крестьяне выращивают здесь самые вкусные в мире ананасы и бананы. На месте бывших иностранных плантаций повсюду создаются госхозы, в которых теперь есть и здравпункты, и школы, и клубы

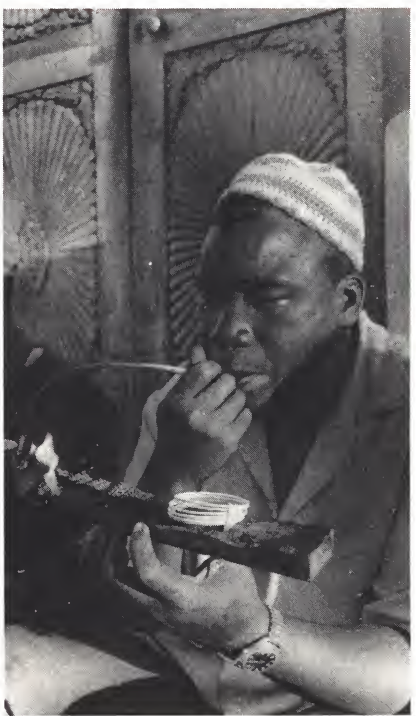

Но в первую очередь Замбезия известна как «царство кокоса». Именно здесь расположены самые большие в мире плантации кокосовой пальмы

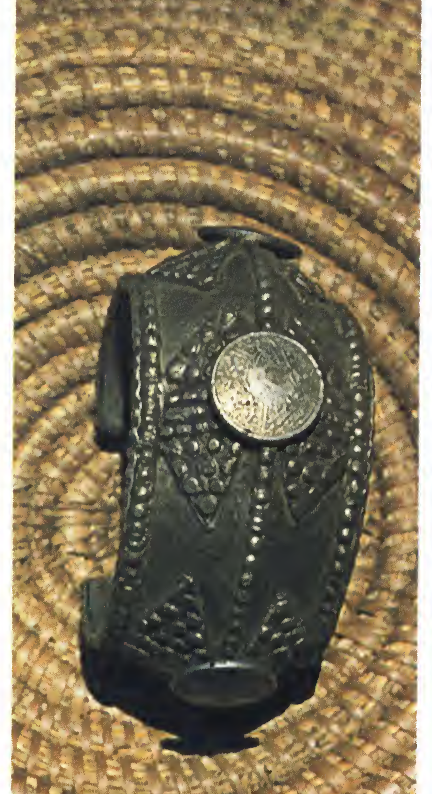

Освоение крупнейших в мире пегматитовых полей Алту-Лигоньи — одна из первоочередных задач экономики Народной Республики Мозамбик. Турмалины, гранаты, топазы и бериллы, добываемые здесь, широко используют ювелиры острова Ибо

Закат над великим озером Ньяса

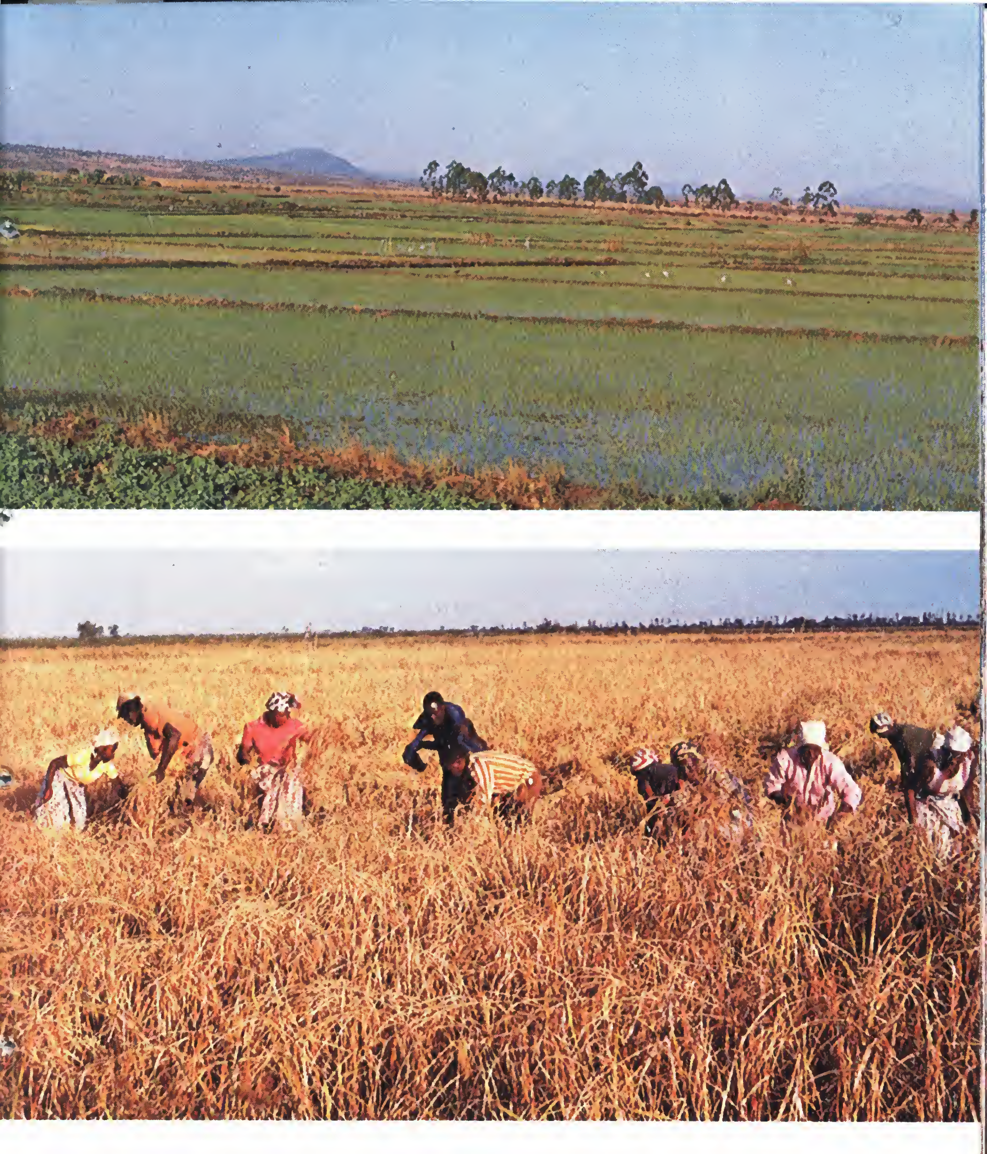
Среди обилия животных заповедника Горонгоза меня поразили не доверчивые львы и не разнообразные копытные, а... красные лягушки. Десятками, сотнями тысяч они покрывают в дождливый сезон залитые водой дороги парка.

Зато с наступлением засухи вода на равнинах вокруг Горонгозы исчезает даже из рек. И тогда крестьяне-шона роют в сухих руслах глубокие колодцы

Вода — одна из наиболее острых проблем для Мозамбика. Сейчас в этой стране осуществляется самая масштабная в Африке программа водоснабжения. Повсюду, где есть влага, земля родит щедро и обильно

Как разительно меняется характер населения на юге Мозамбика!
И внешний вид, и традиции обитающих вокруг Мапуту тсонга свидетельствуют об их родстве с южноафриканскими зулу, свази, коса

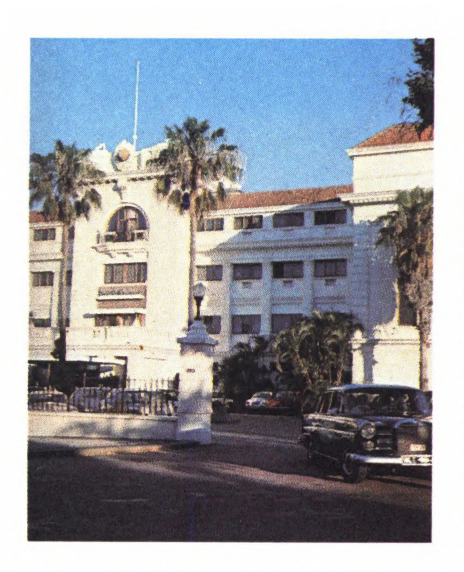
Мапуту слывет одним из культурных центров Африки. Здесь творят известные во всем мире живописец Малангатана Валента и скульптор Чиссано, воспитавшие десятки талантливых последователей

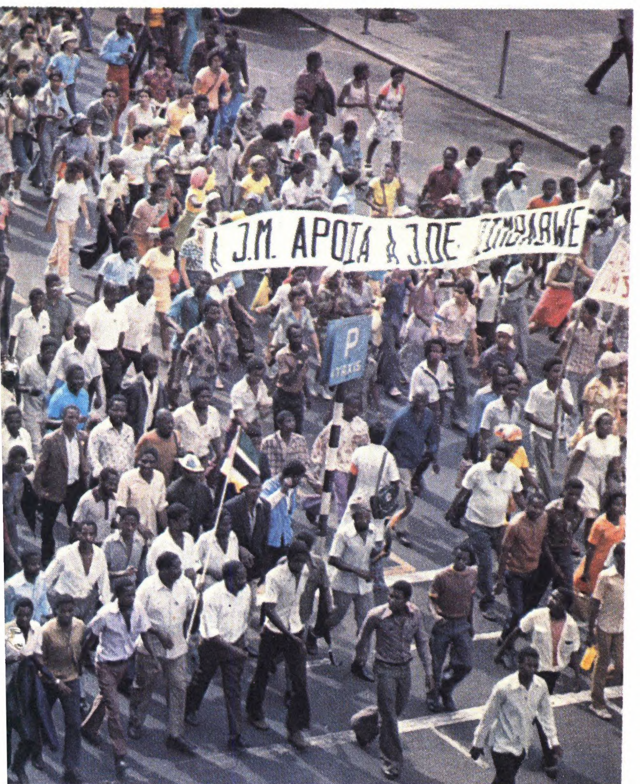

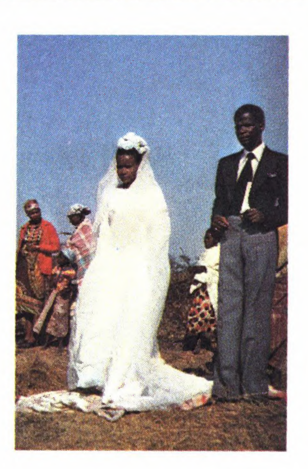

Будни Мапуту: у стен старого форта.
Перед отелем «Полана».
Трудовой ритм порта.
Свадьбу в столице играют по-городскому.
Демонстрация в поддержку борцов за свободу

Утро мозамбикской ► столицы…

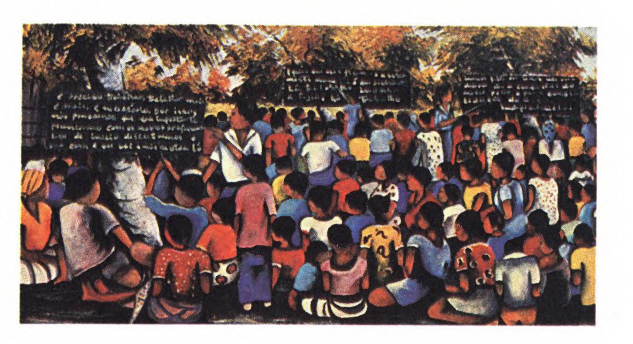
Кулик С. Ф.

К90 Мозамбикские сафари.— М.: Мысль, 1986.— 224 с., 32 л. ил.

1 р. 80 к.

Автор уже вышедших книг «Сафари», «Кенийские сафари» и «Когда духи отступают» на этот раз рассказывает о молодом африканском государстве Мозамбик, где он прожил несколько лет. На основании личных впечатлений и обширных оригинальных источников С. Ф. Кулик ярко описывает своеобразную природу Мозамбика, быт и традиции его народов, показывает хозяйственные и социальные преобразования в этой стране.

К $\frac{0508000000-047}{004(01)-86}$ 152-86 **ББК 26.89 (6Мо)**

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ КУЛИК

Мозамбикские сафари

Заведующий редакцией
Ю. А. Кулышев
Редактор
В. Д. Ромашова
Редактор карты
О. В. Трифонова
Младший редактор
Л. О. Захарова
Оформление художника
А. Б. Боброва
Художественный редактор
Е. М. Омельяновская
Технический редактор
О. А. Барабанова
Корректор
Т. М. Шпиленко

ИБ № 2271

Сдано в набор 15.08.85.
Подписано в печать 28.02.86.
А 08834. Формат 60×90 1/16.
Бумага типографская № 1.
Литературная гарнитура.
Высокая печать.
Усл. печатных листов 18 с вкл.
Усл. кр.-отт. 31.
Учетно-издательских листов 20,76 с вкл.
Тираж 80 000 экз.
Заказ № 1487. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.